

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ПЫЗИКОВ ДЕНИС ДМИТРИЕВИЧ

**ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРАВОСЛАВИЯ В СОВЕТСКОЙ НАУКЕ
(1943-1988)**

Научная специальность 5.7.9.

Философия религии и религиоведение

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Научный руководитель:

доктор философских наук,

профессор Чумакова Т. В.

Санкт-Петербург

2023

Содержание

Введение	3
1. Историко-политический контекст изучения православия в СССР	20
1.1. Влияние идеологии и антирелигиозной пропаганды на изучение религии в СССР.....	20
1.2. В. Д. Бонч-Бруевич – исследователь русского религиозного разномыслия	31
2. Историография исследования православия в СССР (1943-1988)	44
2.1. Направления изучения православия	44
2.2. История православия как основное направление в изучении православия.....	49
2.3. Проблематика исследований по истории православия.....	71
2.3.1. Крещение Руси	81
2.3.2. Древнерусская книжность.....	91
2.3.3. Вопросы феодализма и монастырского землевладения	95
2.3.4. Борьба крестьян с церковным землевладением.....	107
2.3.5. Антифеодальные религиозные движения	114
2.3.6. Церковь как социальный институт в истории России	123
2.3.7. Эволюция православия и «модернизация» православного богословия	134
Заключение	147
Список использованных источников и литературы	153

Введение

Актуальность исследования. Актуальной задачей исследований по истории науки является анализ социально-исторических процессов, которые повлияли на становление той или иной дисциплины. Задача решается путем восстановления исторического, социокультурного и политического контекста. Такой контекст определяет характер возникновения, развитие, содержание и сущность того или иного научного направления. За последние 30 лет в России и за рубежом усилился интерес к изучению гуманитарной науки в СССР и к советской науке о религии. Однако, к сожалению, отдельные темы остаются вне поля зрения исследователей. Связано это с недостаточным числом комплексных и обобщающих историографических работ, посвященных истории советского религиоведения, в частности истории изучения православия, и реконструкции истории развития религиоведческого дискурса в СССР во второй половине XX в.

Обращение к данной теме мотивировано не только возможностью привнесения новых фактов и оценок в парадигму исследования истории советского религиоведения, но и возросшим интересом к различным аспектам изучения православия. После распада СССР произошел коренной перелом в мировоззрении граждан, что потребовало переоценки старых ценностей, в первую очередь на идеологическом «фронте». На протяжении семидесяти лет государство было регулятором не только социально-правовых, но и морально-этических норм, порой пытаясь заменить собой религию, создавая квазирелигиозную идеологию¹. В последние десятилетия маятник качнулся в другую сторону, особенно за счет работ отдельных исследователей, заявляющих о идеологичности и ненаучности исследований религии советского периода. Подобные подходы к советскому гуманитарному наследию совершенно несостоятельны. В настоящей работе

¹ См., например: Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 220 с.; Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб.: Акад. проект, 1997. 285 с.; Лучшев Е. М. Русский бог: у истоков советского атеизма. СПб.: Акционер и К, 2003. 118 с.; Рыклин М. К. Коммунизм как религия: интеллектуалы и Октябрьская революция. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 128 с.; Слезкин Ю. Л. Дом правительства: сага о русской революции. М.: АСТ: Corpus, 2019. 969 с.

главным выдвигается тезис, что несмотря на общую политизированность, далеко не все исследования православия советского периода были продуктом прямой пропаганды и проходили под знаменем «воинствующего безбожия», как часто принято считать.

Исследователи истории советской науки отмечают, что для неё «в силу очевидных особенностей ее формирования и функционирования, было очень важно соответствие уже установленным базовым истинам ("законам") марксистско-ленинской доктрины. Именно наличие общей, доказанной на практике и разделяемой всеми советскими учеными теоретической основы воспринималось в качестве важнейшего отличия советской историографии от той, что обобщенно именовалась "буржуазной"»². Очевидно, что в подобной научной парадигме исследование христианской церкви не могло быть «мейнстримом» (за исключением исследования экономической проблематики, изучения хозяйственной деятельности церковных институций, а также антиклерикализма и «вольнодумства»), и порой исследователи, которые в начале своей карьеры работали над темами, связанными с православием, позже меняли свои приоритеты³. Но, в «периферийности» были свои положительные свойства, и, как справедливо отмечает в своей статье С. Б. Крих, именно «периферийность» способствовала большему разнообразию подходов к изучению «периферийных» явлений, что мы и наблюдаем в советских работах по православию, которыми занимались как историки, так и филологи, и даже философы.

Чтобы построить цельную картину истории изучения православия в советской науке, необходимо выявить закономерности и корреляции в развитии отечественного религиоведения в зависимости от актуальной политической и, следовательно, идеологической обстановки в СССР. Представляется, что для

² Крих С. Б. Феномен периферийности в советской историографии // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 165.

³ Так кандидатская диссертация Р. Г. Пихоя, защищенная в Свердловске, была посвящена покаянной практике и древнерусским школам канонического права: «Церковь в Древней Руси. (Конец X - первая половина XIII века) (Древнерусское покаянное право как исторический источник)», Свердловск, 1974), и эта работа до сих пор не утратила своей актуальности, а докторская была посвящена уже совсем иной теме («Общественно-политическая мысль трудящихся Урала XVIII в.», Свердловск, 1987). См. подробнее: Пихоя Р. Г. Записки археографа. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. 496 с.

выполнения поставленной задачи, в контексте перманентного изменения курса партии по отношению к православию и церкви и постоянно меняющихся идеологем, наилучшим объектом исследования выступают монографии отечественных авторов и научная периодика, которая выступала специфической формой научной коммуникации. На примерах конкретных научных работ можно отследить изменения риторики, появление программных статей в журналах, развитие или исчезновение определенных тем исследований, преемственность или же, наоборот, отличия в оценках разных поколений религиоведов в определенные эпохи истории атеизма в СССР. Как отмечает М. М. Шахнович: «Исследование риторики очень полезно для понимания эпохи, изучение идеологических клише и полемического дискурса позволяет понять общественное настроение и интеллектуальную атмосферу...»⁴. Таким образом, объективный анализ изучения православия в СССР позволит реконструировать целостную картину научных исследований православия в 1948 – 1988 гг.

Объектом настоящего исследования является советский религиоведческий дискурс изучения православия в рамках социокультурного и политического контекста 1943–1988 гг.

Предметом исследования стали труды отечественных ученых, которые посвящены широкому спектру вопросов изучения православия и были опубликованы с 1943 по 1988 гг.

Степень разработанности проблемы. Историю религиоведения в СССР, как и непосредственно историю изучения православия, невозможно реконструировать вне контекста развития советской гуманитарной науки в целом. Религиоведение – это комплексный междисциплинарный научный проект, наравне с другими социальными науками, использующий методологию и теоретическую базу различных гуманитарных наук. Многие известные отечественные историки прошлого века обращались к тем или иным аспектам и вопросам православия в

⁴ Шахнович М. М. Этнос истории науки: о реконструкции российского религиоведения советского периода // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. №1. С. 189.

России. Таким образом, политические тенденции и пертурбации, которые влияли на состояние и развитие исторической науки в СССР, таким же образом влияли и так же отражались и на советском религиоведении. В 1990-е выходит множество работ, в которых анализируется развитие гуманитарного знания в СССР в 1920-е – 1950-е гг.⁵. Одной из важных тем для российских науковедов стала «репрессированная наука»⁶. Отдельного внимания исследователей заслужило наследие М. Н. Покровского и поколения «красных профессоров»⁷. Шли активные дискуссии по поводу историографии советской науки⁸. Интерес исследователей привлекал и период «оттепели», и тут возможно выделить публикации Г. Д. Алексеевой⁹ и Л. А. Сидоровой¹⁰.

В XXI в. вектор методологии отечественной историографии частично сместился с хронологического описания на анализ отдельных сюжетов. Однако, безусловно, продолжают публиковаться работы общего характера¹¹. Актуальными становятся темы «научных дискуссий» и внутрикорпоративной коммуникации

⁵ См., например: История и сталинизм / сост. и авт. предисл. А. Н. Мерцалов. М.: Политиздат, 1991. 446 с.; Алексеева Г. Д. Историческая наука России в поисках новых концепций // Россия в XX веке: Историки мира спорят / отв. ред. И. Д. Ковальченко. М.: Наука, 1994. С. 635-642; Герасименко Г. А. О взаимовлиянии тоталитаризма и исторической науки в СССР // Россия в XX веке: Историки мира спорят / отв. ред. И. Д. Ковальченко. М.: Наука, 1994. С. 654-664.

⁶ См., например: Ярошевский М. Г. Сталинизм и судьбы советской науки // Репрессированная наука / сост. А.И. Мелуа, В.М. Орел. Под общ. ред. М.Г. Ярошевского. Л.: Наука, 1991. С. 9-33; Алпатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм. М.: Наука, 1991. 240 с.; Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов»: 30-е годы. М.: Наследие, 1994. 284 с.; Дубровский А. М. С. В. Бахрушин и его время. М.: Изд-во РУДН, 1992. 165 с.; Дубровский А. М. Александр Александрович Зимин: трудный путь исканий // Отечественная история. 2005. № 4. С. 140-151; Кобрин В. Б. Кому ты опасен, историк? М.: Московский рабочий, 1992. 223 с.; Горская Н. А. Борис Дмитриевич Греков. М.: ИРИ, 1999. 271 с.; Тихонов В. В. Московские историки первой половины XX века: научное творчество Ю. В. Готье, С. Б. Веселовского, А. И. Яковлева и С. В. Бахрушина. М.: Издательский центр Института российской истории РАН, 2012. 387 с.

⁷ См., например: Герасименко Г. А. О взаимовлиянии тоталитаризма и исторической науки в СССР // Россия в XX веке: Историки мира спорят / отв. ред. И. Д. Ковальченко. М.: Наука, 1994. С. 654-664; Литвин А. Л. Без права на мысль: Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб. Казань: Татар. кн. изд-во, 1994. 189 с.

⁸ Афанасьев Ю. Н. Феномен советской историографии // Советская историография / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1996. С. 7-41; Алексеева Г. Д. Некоторые вопросы развития исторической науки в 60-80 гг. // Историческая наука России в XX веке / Г. Д. Алексеева, А. А. Овсянников, Тамаш Краус и др. М.: Скрипторий, 1997. С. 269-301.

⁹ Алексеева Г. Д. Некоторые вопросы развития исторической науки в 60-80 гг. // Историческая наука России в XX веке / Г. Д. Алексеева, А. А. Овсянников, Тамаш Краус и др. М.: Скрипторий, 1997. С. 269-301; Алексеева Г. Д. Историческая наука в России: Идеология. Политика: (60-80-е годы XX века). М.: Ин-т рос. истории РАН, 2003. 246 с.

¹⁰ Сидорова Л. А. Оттепель в исторической науке. Середина 50-х – середина 60-х гг. // Историческая наука России в XX веке / Г. Д. Алексеева, А. А. Овсянников, Тамаш Краус и др. М.: Скрипторий, 1997. С. 244-268; Сидорова Л. А. Оттепель в исторической науке: Советская историография первого послесталинского десятилетия. М.: Памятники исторической мысли, 1997. 288 с.

¹¹ См., например: Корзун В. П., Кныш Н. А., Колеватов Д. М. Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х - середина 1950-х гг. М.: РОССПЭН, 2011. 470 с.

различных поколений историков¹². В последние годы активно развивает подход «периферийности» по отношению к советской гуманитаристике С. Б. Крих¹³. Заслуживают внимания многочисленные публикации О. В. Метель¹⁴. Вопросы советской историографии православия затрагиваются в трудах исследователей «древности»¹⁵ (к которым можно отнести и упомянутых выше С. Б. Криха и О. В. Метель), в работах по истории археологии¹⁶ и византистики¹⁷.

В последнюю четверть века появляются исследования сравнительного характера по рефлексии гуманитарной науки в СССР¹⁸. Выходят работы, посвященные историографии религиозного разномыслия¹⁹, также древнерусское религиозное разномыслие активно изучается теми, кто занимается историографией политической истории допетровской России²⁰.

¹² См., например: Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии, (1930-1950-е гг.). Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та, 2005. 798 с.; Касьян А. А., Демичева Т. Н., Куревина С. В. Идеология и наука: дискуссии советских ученых середины XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 286 с.; Сидорова Л. А. Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков. М.: Институт российской истории, 2008. 292 с.; Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х - 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с.

¹³ См., например: Крих С. Б. Быть марксистом: крест советского историка // Историографічні дослідження в Україні. 2012. № 22. С. 153-176; Крих С. Б. Образ древности в советской историографии. М.: КРАСАНД, 2013. 319 с.; Крих С. Б. Язык советской историографии: основные характеристики // Ученые записки Казанского университета. 2014. Т. 156. № 3. С. 214-222; Крих С. Б., Метель О. В. Советская историография древности в контексте мировой историографической мысли: анализ текстов, созданных в советский период. Разбор «периферии научного дискурса» (предисловий, рецензий, приложений). Оценка основных достижений и проблем советских концептуальных построений в области древней истории. М.: ЛЕНАНД, 2014. 249 с.; Крих С. Б. Система советской историографии: основные акторы и силы влияния // Вопросы истории. 2016. № 7. С. 162-167; Крих С. Б. Феномен периферийности в советской историографии // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 164-169.

¹⁴ См., например: Метель О. В. Институт истории Коммунистической академии (1929–1936 гг.) // Ученые записки Казанского университета. 2016. Т. 158. № 6. С. 1522-1532; Груздинская В. С., Метель О. В. Институт красной профессуры: проблемы институционального строительства (1921–1923 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 82-87; Метель О. В. Развитие исторических исследований в Академии общественных наук при ЦК КПСС в 1940-1960-е гг. // В сборнике: Омские научные чтения - 2020. материалы Четвертой Всероссийской научной конференции. Омск, 2020. С. 2218-2222; Метель О. В. Развитие советской исторической науки во второй половине 80-х годов XX века: вызовы перестройки // Ученые записки Казанского университета. 2021. Т. 163. № 6. С. 31-47.

¹⁵ Ладынин И. А. Особенности ландшафта (насколько марксистской была "советская древность"?) // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2016. № 2. С. 9-32.

¹⁶ Клейн Л. С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. СПб.: Евразия, 2014. 640 с.; Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М.: Знак, 2004. 320 с.

¹⁷ См. историографический обзор Хрущева Э. Н. Концепция византийского государства в российской византистике последней четверти XIX-XX вв. Автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003. 28 с.

¹⁸ См., например: Каппес О. "Воинственная" наука: проработка прошлого диктатур в германской и российской историографиях второй половины XX века. М.: АИРО-XXI, 2015. 351 с.

¹⁹ Печников, М. В. Церковь и стригольники в Пскове в конце XIV - первой трети XV в // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 3(37). С. 88-89.

²⁰ Печников, М. В. Был ли Псков одним из еретических центров в конце XV в.? // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. – 2019. № 2(14). С. 118-128; Халявин, Н. В. Отечественная историография новейшего времени о роли

С конца 1990-х гг. вопросы изучения православия в советской гуманитарной науке начинают анализироваться в работах по историографии русской философии²¹ и древнерусской философской мысли²².

В отечественной и западной историографии отсутствуют работы, комплексно репрезентирующие советский религиозноведческий дискурс изучения православия. Однако многие разрозненные частные аспекты, совокупно рассмотренные в настоящем исследовании, нашли отражение в исследовательской литературе.

С конца XX в. началось активное изучение религиозноведческой мысли, и появилось множество работ российских исследователей, в которых затрагиваются и вопросы историографии православия в советской науке. Среди современных работ общего характера, посвященных истории отечественного религиозноведения XX в., в которых поднимаются проблемы изучения православия в СССР в рассматриваемый период, необходимо отметить исследования Е. И. Аринина²³, О. В. Васильевой²⁴, Е. С. Гениной²⁵, А. В. Горбатова²⁶, Е. С. Климовой²⁷,

церкви в политической истории Новгорода Великого // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2010. № 3. С. 11-22.

²¹ См. напр.: Ермичев А. А. Эпизод из истории «номенклатурной» историографии русской философии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2023. № 2. С. 98-110; Черноскутова Л. Б. Основные идеи и направления современной историографии русской философии. Дис. на соискание учен. степени канд. филос. наук. СПб, 2010. 152 с.; Широкова М. А. Место и роль славянофильства в русской философии и общественной мысли: историография проблемы // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2-2(78). С. 220-225.

²² Чумакова Т. В. Советская историография древнерусской философской мысли // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2004. № 2. С. 13-17

²³ Аринин Е. И. Вопрос о происхождении и современном развитии российского религиозноведения // Учёные записки Орловского государственного университета. Научный журнал. 2011. № 1. С.93-97.

²⁴ Васильева О. Ю. Русская православная церковь в политике советского государства в 1943-1948 гг. М.: ИРИ РАН, 1999. 212 с.; Васильева О.Ю. Государственно-церковные отношения советского периода: периодизация и содержание. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/5206.html> (Дата обращения: 21.09.2023); Васильева О. Ю. «Я против противопоставления советской и российской науки о религии...» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. № 3. С. 295-301.

²⁵ Генина Е. С. Государство и Русская Православная Церковь в середине 1940-х – начале 1950-х годов (по материалам Кемеровской области) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 10. С. 105-111.

²⁶ Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е - 1960-е годы. Томск: Кемеровский государственный университет, 2008. 406 с.; Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е -1960-е годы. Дис. на соискание учен. степени д. ист. наук. Кемерово, 2009. 437 с.

²⁷ Климова Е. С. Восстановление церковно-приходской жизни на территории Кемеровской области в 1944-1947 гг. // Вестник КемГУ. 2015. № 1-2. С. 53-56.

А. Г. Кошкаровой²⁸, Е. В. Меньшиковой²⁹, В. А. Овчинникова³⁰, М. В. Сентябова³¹, С. Г. Сизова³², Л. И. Сосковца³³, М. Ю. Смирнова³⁴, И. В. Смолиной³⁵, Д. А. Узланера³⁶, А. А. Федотова³⁷, С. Л. Фирсова³⁸, Т. В. Чумаковой³⁹, Т. А. Чумаченко⁴⁰, М. М. Шахнович⁴¹, М. В. Шкаровского⁴², Е. С. Элбакян⁴³, И. Н. Яблокова⁴⁴ и др.

²⁸ Кошкар А. Г. Государственное влияние на православную традицию в советском обществе 1940-х – 1980-х гг. (на примере юга Западной Сибири) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11. Ч. 2. С. 81-84.

²⁹ Меньшикова Е. В. Из истории отечественного религиоведения: осмысление предмета и методов в 20—30-е гг. XX в. // Вестник РСПР. 2008. № 1. С. 70-76.

³⁰ Овчинников В. А. К вопросу о периодизации истории Русской Православной Церкви в Сибири в советский период (1917-1991) // Вестник КемГУ. 2015. № 1-1. С. 72-80.

³¹ Сентябова М. В. Повседневная жизнь приходов Русской Православной Церкви в Красноярском крае в 40-е – 70-е гг. XX века // Вестник КрасГАУ. 2012. № 6. С. 239-245.

³² Сизов С. Г. Религиозная жизнь Омска в годы «послевоенного сталинизма (1945 - март 1953) // Интеллигенция и многоликость культуры российской провинции. Материалы VIII Всерос. науч. конф. с междунар. участием в рамках подготовки к 300-летию Омска и празднования юбилейных событий российской истории. Омск, 2012. С. 301-305.

³³ Сосковец Л. И. Религиозные конфессии Западной Сибири в 40-60-е годы XX века. Томск: Том. гос. ун-т, 2003. 346 с.

³⁴ Смирнов М. Ю. О российском религиоведении: спорные вопросы // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 2: Антология отечественного религиоведения. 2010. С. 126-127.

³⁵ Смолина И. В. Жизнь Иркутской епархии в контексте государственно-церковных отношений во второй половине XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4-1. С. 211-215.

³⁶ Узланер Д. А. Советская модель секуляризации // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 62-69.

³⁷ Федотов А. А. Русская православная церковь в 1943-2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (по материалам Центральной России). Иваново: Институт управления, 2009. 400 с.

³⁸ Фирсов С. Л. Православная Российская Церковь и Гражданская война в отражении советской антирелигиозной печати (1920–1941 гг.) // Церковь и время. 2018. № 1. С. 229-272.

³⁹ Чумакова Т. В. Советская историография древнерусской философской мысли // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2004. № 2. С. 13-17; Чумакова Т. В. «Карта религий» для неудавшейся всесоюзной переписи 1937 г.: забытая страница советского религиоведения // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 3-4. С. 106-133; Чумакова Т. В. Изучение истории православия в России в XIX – начале XX века // История религиоведения и интеллектуальная история России XIX - первой половины XX века. Архивные материалы и исследования. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. С. 58-70.

⁴⁰ Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие: 1941-1961 гг. М.: АИРО-XX, 1999. 246 с.

⁴¹ Shakhnovich M. The Study of Religion in the Soviet Union // Numen. 40. 1993. P. 67-81; Шахнович М. М. Антропологическое религиоведение в российской академической науке в первой четверти XX века // Петербургская академия наук в истории академий мира. Т. 4. СПб., 1999; Шахнович М. М. Отечественное религиоведение 1920-1980-х гг. От какого наследства мы отказываемся? // Очерки по истории религиоведения. СПб., 2006. С. 181-197; Шахнович М. М. Культурная революция в СССР и наука о религии // Религиоведение. 2015. № 3. С. 127-135; Шахнович М. М. Этнос истории науки: о реконструкции российского религиоведения советского периода // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. №1. С. 185-197; Shakhnovich M. Religious studies and anti-religious propaganda in USSR in 1920-1930s // European Researcher. Series A. 2016. № 8 (109). P. 456-461; Шахнович М. М., Чумакова Т. В. Идеология и наука: Изучение религии в эпоху культурной революции в СССР. СПб.: Наука, 2016. 367 с.; Шахнович М. М. Холодная война и идеологическая борьба на «религиозном фронте»: о некоторых моделях советской пропаганды // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 164-184; Шахнович М. М. Изучение истории религии в 1920-е годы и первые антирелигиозные экспозиции в Ленинграде // Религиоведение. 2018. № 4. С. 152-157; Shakhnovich M. Comparative Religion and Anti-Religious Museums of Soviet Russia in the 1920s // Religions. 2020. Vol. 11. Issue 2, 55. P. 1-12; Шахнович М. М. Презентация культа христианских святых в антирелигиозных музейных экспозициях эпохи «Великого перелома» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. № 4. С. 706-717; Шахнович М. М. Культ святых в антирелигиозной пропаганде и исторической науке в СССР в 1920-х — начале 1930-х гг. // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2023. № 1. С. 151–177.

⁴² Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье и др., 1999. 400 с.

⁴³ Элбакян Е. С. Феномен советского религиоведения // Религиоведение. 2011. № 3. С. 141-161; Elbakyan E. The outline of religious studies in Russia: did soviet religious studies really exist? // Numen Book Series. 2015. Т. 149. P. 276-314.

⁴⁴ Меньшикова Е. В., Яблоков И. Н. О периодах в истории отечественного религиоведения // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2011. № 5. С. 98-116; Яблоков И. Н. К дискуссии о современном состоянии и истории отечественного религиоведения // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2011. № 1. С. 165-173; Яблоков И. Н. Религиоведение и история религиоведения. Дискуссии в отечественной литературе // Религиоведение. 2011. № 3. С. 127-140.

Выход в 2014 г. монографии «"Наука о религии", "Научный атеизм", "Религиоведение": актуальные проблемы научного изучения религии в России XX — начала XXI в.»⁴⁵ породил обширную дискуссию об этосе советской науки о религии, площадкой для которой стал журнал «Государство, религия, церковь в России и за рубежом». По этому поводу М. М. Шахнович пишет следующее: «Внутри так называемого "советского религиоведения" не было идейного единства, и поэтому нельзя всех авторов, писавших о религии в советское время, "мазать одной краской", да еще к тому же называть всех "учеными" или "исследователями". Можно найти многочисленные документальные подтверждения тому, что постоянно возникали противоречия между теми, кто занимался исключительно агитпропом, и теми, кто хотел проводить научные исследования»⁴⁶.

В последние десятилетия увеличилось число работ, посвященных различным научным институциям, и была осуществлена републикация отдельных наиболее значимых для отечественной религиоведческой традиции исследований. В 2010 г. в нескольких томах в качестве приложения к научному журналу «Государство, религия, церковь в России и за рубежом» выходит большая антология по истории отечественного религиоведения «Вопросы религии и религиоведения», включающая работы, вышедшие в советский период. Второй выпуск открывает статья Ю. П. Зуева и В. В. Шмидта об Институте научного атеизма и его роли в становлении отечественного религиоведения^{47,48}. Четвертый выпуск антологии был посвящен петербургской религиоведческой школе, которая имеет богатую традицию, уходящую корнями в историко-филологический факультет Санкт-

⁴⁵ Антонов К. М., Воронцова Е. В., Колкунова К. А. Наука о религии, Научный атеизм, Религиоведение: актуальные проблемы научного изучения религии в России XX - начала XXI в.: коллективная монография. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. 261 с.

⁴⁶ Шахнович М. М. Этос истории науки: о реконструкции российского религиоведения советского периода // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. №1. С. 192.

⁴⁷ Зуев Ю. П., Шмидт В. В. От института научного атеизма к кафедре государственно-конфессиональных отношений: становление религиоведческой школы (1964–1991, 1992–2010) // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 2: Антология отечественного религиоведения. 2010. С. 15-28.

⁴⁸ В контексте Института научного атеизма также стоит отметить статью О. В. Метель: Метель О. В. Институт научного атеизма и развитие религиоведческих исследований в СССР в 1960-80-х гг. // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2022. № 2. С. 40-50.

Петербургского университета середины XIX в. Особое значение для всего отечественного религиоведения имеет Музей истории религии АН СССР (г. Ленинград), который был открыт в 1932 г. Вторая часть четвертого выпуска антологии «Вопросы религии и религиоведения» была полностью посвящена Государственному музею истории религии⁴⁹. В 2014 г. выходит фундаментальное исследование по истории Музея⁵⁰. Данный труд, в том числе, объединил в себе предшествовавшие публикации авторов⁵¹. В книге, помимо описания всех аспектов и вех работы Музея, опубликованы ценные архивные документы. В современной историографии Государственный музей истории религии продолжает оставаться актуальным объектом исследований⁵².

За последние годы выходили также работы, посвященные и другим государственным, научным и общественным организациям, которые изучали религиозные феномены: Центральному антирелигиозному музею⁵³, Музею

⁴⁹ Вопросы религии и религиоведения. Вып. 4: Антология отечественного религиоведения: Петербургская религиоведческая школа. Книга 2: Государственный музей истории религии. Часть I. М.: ИД «МедиаПром», 2010. 490 с.

⁵⁰ Шахнович М. М., Чумакова Т. В. Музей истории религии АН СССР и российское религиоведение (1932-1961). СПб.: Наука, 2014. 457 с.

⁵¹ Шахнович М. М. Музей истории религии АН СССР и отечественное религиоведение (1932-1961) // Религиоведение. 2008. №4. С. 150-157; Шахнович М. М. Музей истории религии АН СССР в Казанском соборе: борьба за спасение здания и сохранение Музея (1946–1951) // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 4: Антология отечественного религиоведения: Петербургская религиоведческая школа. Книга 2: Государственный музей истории религии. Часть I. 2010. С. 55-76; Шахнович М. М. Секция по изучению религий народов СССР при Музее истории религии Академии наук СССР (1934 г.) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2013. № 1. С. 202-219; Чумакова Т. В. Музей истории религии АН СССР в начале 30-х гг. XX в. // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 4: Антология отечественного религиоведения: Петербургская религиоведческая школа. Книга 2: Государственный музей истории религии. Часть I. 2010. С. 41-54.

⁵² См., например: Терюкова Е. А. Культурный предмет в музее (из истории музейного дела в России 20-30-х годов XX века) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2014. № 3. С. 110-115; Терюкова Е. А. Музей истории религии в годы Великой Отечественной войны // Труды Государственного музея истории религии. 2019. № 19. С. 64-78; Шахнович М. М. Научные атеизм эпохи «развитого социализма» в изобразительном искусстве: о серии декоративных панно «Советский образ жизни» (1983–1986) из коллекции Государственного музея истории религии // Религиоведение. 2019. № 3. С. 100-109; Шахнович М. М. Переписка В. Д. Бонч-Бруевича и Л. И. Емелях как источник по истории Рукописного отдела (Научного архива) Музея истории религии АН СССР // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXII Международной научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2019. С. 444-446; Шахнович М. М. «Веселые картинки»: из истории Музея антропологии и этнографии и Музея истории религии Академии наук СССР (1932–1933 гг.) // Антропологический форум. 2020. № 47. С. 139-153; Юсупова Т. И., Чумакова Т. В. «Как нам быть с этим музеем?» Музей истории религии в советском академическом пространстве 1930-х гг. // Диалог со временем. 2020. № 73. С. 360-375.

⁵³ См., например: Teruykova E. A. Central anti-religious museum in Moscow: historical landmarks (1929–1947) // Религиоведение. 2019. № 4. С. 121-127.

антропологии и этнографии⁵⁴, Коммунистической академии⁵⁵, Союзу Воинствующих Безбожников⁵⁶.

За последние годы вышло множество работ, посвященных советским исследователям религии, в трудах которых затрагивались различные аспекты исследования православия в СССР (в том числе и православного разномыслия). Можно отметить работы, посвященные творчеству В. Д. Бонч-Бруевича⁵⁷, Н. С. Гордиенко⁵⁸, Н. А. Казаковой⁵⁹, А. И. Клибанова⁶⁰, Я. С. Лурье⁶¹, Н. М. Маторина⁶², Б. А. Рыбакова⁶³, С. А. Токарева⁶⁴, М. И. Шахновича⁶⁵ и др.

Советский период изучения православия в той или иной мере затрагивается во всех отечественных диссертационных исследованиях, предметом изучения которых являются те или иные аспекты православия. В частности, это работы,

⁵⁴ См., например: Шахнович М. М. «Веселые картинки»: из истории Музея антропологии и этнографии и Музея истории религии Академии наук СССР (1932–1933 гг.) // Антропологический форум. 2020. № 47. С. 139-153.

⁵⁵ См., например: Шахнович М. М. Дискуссии в Коммунистической академии и наука о религии в СССР (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) // Религиоведение. 2015. № 4. С. 151-159; Shakhnovich M. The activity of the commission on the history of religion of the Communist academy (Moscow, 1928–1930) and the study of religiosity in USSR // Religiski-Filozofiski Raksti. 2017. Т. 23. Р. 9-24.

⁵⁶ См., например: Chumakova T. Political propaganda and scholarly research in periodicals of the League of Militant Atheists (1925–1935) // Religiski-Filozofiski Raksti. 2017. Т. 23. Р. 25-36.

⁵⁷ Терюкова Е. А. В. Д. Бонч-Бруевич – исследователь религиозных миноритарных групп в России: по материалам Научно-исторического архива ГМИР // История религиоведения и интеллектуальная история России XIX – первой половины XX века. Архивные материалы и исследования. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. С. 168-184; Пызилов Д. Д. Архив В. Д. Бонч-Бруевича в Государственном музее истории религии как источник сведений по истории церковно-государственных отношений после революции 1917 г. // Религиоведение. 2019. № 2. С. 138-143; Пызилов Д. Д. В. Д. Бонч-Бруевич: «профессиональный» революционер и один из основателей советского религиоведения // Концепт: философия, религия, культура. 2020. № 1. С. 95-104; Злобина Д. А., Пызилов Д. Д. Проект В. Д. Бонч-Бруевича: Община «Начало века» и совхоз «Лесные поляны» // Вестник СВГУ. История. Электронный международный научный журнал. Том 1. Выпуск 2. 2020. [Электронный ресурс] URL: http://vistory-svgu.ru/?page_id=264 (дата обращения: 22.08.2023); Шахнович М. М. В. Д. Бонч-Бруевич, «Библиотека научно-атеистической литературы» и борьбы за воссоздание сектора истории религии Института истории АН СССР (1953–1954гг.) // Религиоведение. 2022. № 2. С. 140-150.

⁵⁸ Путь учёного. Николай Семёнович Гордиенко / сост. М. Ю. Смирнов. М.: Особая книга, 2013. 96 с.

⁵⁹ Дмитриев Л. А., Дробленкова Н. Ф., Лурье Я. С. Наталья Александровна Казакова (некролог) // ТОДРЛ. 1988. Т.41. С. 47-48; Список трудов Н. А. Казаковой / Сост. А. Л. Хорошкевич, В. Ф. Андреев // Новгородский исторический сборник. 1989. № 3(13). С. 239-244.

⁶⁰ Дмитриев М. В. Научное наследие А. И. Клибанова и перспективы сравнительно-исторического изучения истории христианства в России // Отечественная история. 1997. № 1. С. 77-93.

⁶¹ In memoriam. Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. 428 с.

⁶² Шахнович М. М., Чумакова Т. В. Н. М. Маторин и его программа изучения народной религиозности // Религиоведение. 2012. № 4. С. 191-202; Шахнович М. М. Возвращение из небытия: публикации о Н. М. Маторине (1898–1936) и его научной и организационной деятельности // Религиоведение. 2020. № 3. С. 112-119.

⁶³ Медынцева А. А. Б. А. Рыбаков – историк-энциклопедист нашего времени // Культура славян и Русь. М.: Наука, 1998. С. 3–29; Клейн Л. С. Воевода советской археологии // История Российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2: Археологи советской эпохи. СПб.: Евразия, 2014. С. 192-201.

⁶⁴ Забияко А. П. С. А. Токарев: традиции связующая нить // Религиоведение. 2002. № 3. С. 151-152.

⁶⁵ Типсина А. Н., Шахнович М. М. Памяти Михаила Иосифовича Шахнович (жизненный и творческий путь) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.6. 1992. № 20. Вып. 3; Шахнович М. М. М. И. Шахнович как исследователь русской культуры // Вече: альманах русской философии и культуры. 2009. № 20. С. 218-223.

посвященные изучению культа святых⁶⁶ или региональной истории. Также вопросы изучения православия затрагиваются в обзорных работах искусствоведов, посвященных истории отечественного искусствоведения и творчества отдельных искусствоведов⁶⁷. И отдельного большого исследования заслуживает историография советского периода изучения старообрядчества, которое усилилось в конце 50-х гг. XX в. Н. Н. Покровский отмечал: «Регулярный научный поиск древних манускриптов и старопечатных книг, веками сберегавшихся староверами на Востоке России, начался с конца 1950-х годов по инициативе председателя Археографической комиссии АН СССР акад. М. Н. Тихомирова»⁶⁸.

В иностранной исследовательской литературе тема истории изучения православия в СССР не была подробно изучена. Есть ряд работ, которые затрагивают историю советского религиоведения и «научного атеизма» в контексте истории отношения партии и государства к церкви, истории антирелигиозной политики и гонений на религию⁶⁹. Отдельно стоит выделить работы эмигрантского историка Д. В. Поспеловского, который рассматривал историю советского атеизма как часть репрессивной политики по отношению к верующим в СССР⁷⁰. Некоторые исследователи писали о «научном атеизме» как методологии и даже мировоззрении

⁶⁶ Мельник А. Г. Культы русских святых в конце XIV- XVI веке: социальные аспекты и практики почитания. Дис. на соискание учен. степени д. ист. наук. М., 2023. 690 с.

⁶⁷ Морозова А. В. Отечественное искусствоведение (1964-1985) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2014. № 1. С. 124-137; Рыков А. В. Михаил Алпатов и канон советского искусствоведения // Новое искусствоведение. История, теория и философия искусства. 2021. № 1. С. 142-147; Рыков А. В. Борис Виппер и канон советского искусствоведения // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2022. Т. 12. С. 624-633.

⁶⁸ Покровский Н. Н. Археографические исследования в работе Института истории СО РАН (1965-2006) // Археографический ежегодник. 2011. Т. 1. № 1. С. 61.

⁶⁹ Grossman J. D. Leadership of Antireligious Propaganda in the Soviet Union // Studies in Soviet Thought. 1972. Vol. 12. № 3. P. 213-230; Peris D. Storming the Heavens: The Soviet League of the Militant Godless. Cornell University Press, 1998. 237 p.; van den Bercken W. Ideology and Atheism in the Soviet Union. De Gruyter, 1988. 199 p.; Luukkanen A. The Party of Unbelief: The Religious Policy of the Bolshevik Party 1917-1929. Helsinki, 1994. 274 p.; Husband W. «Godless Communists»: Atheism and Society in Soviet Russia. Northern Illinois University Press, 2000. 241 p.

⁷⁰ Pospelovsky D. A History of Soviet Atheism in Theory and Practice, and the Believer. In 3 vol. Palgrave Macmillan, 1987-1988. 325 p.; Pospelovsky D. A History of Marxist-Leninist Atheism and Soviet Antireligious Policies. New York: St. Martin's, 1987. 189 p.

советской науки⁷¹. И лишь отдельные авторы рассматривают взаимоотношения между наукой, религией и советской политической идеологией⁷².

Несмотря на большое количество трудов, посвященных как изучению истории российской исторической науки в целом, так и истории отечественного религиоведения в частности, к сожалению, можно наблюдать дефицит специализированных работ по истории изучения православия. Православие в России в советской науке не становилась объектом комплексного всестороннего исследования, а представлялась как набор разноплановых тематик и узкоспециализированных направлений. Историография изучения православия актуальна и важна для прояснения культурно-исторического контекста развития науки в России. В данной работе при исследовании советской историографии православия (1948 - 1988 гг.) основной акцент был сделан на работах по истории православия, за счет особой важности для советских исследователей социально-экономической проблематики. Другие направления изучения православия (исследования русской религиозной философии, искусствоведческие исследования, византологические исследования) были рассмотрены фрагментарно.

Цели исследования: определить и проанализировать основные темы и направления исследований православия в советской науке с 1943 г. по 1988 г.

В соответствии с целью исследования были определены следующие **задачи**:

1. Провести анализ исторического, социокультурного и политического контекста, в котором создавались работы советских исследователей.

⁷¹ Thrower J. Marxist-Leninist «Scientific Atheism» and the Study of Religion and Atheism in the USSR. De Gruyter, 1983. 529 p.; Kääriäinen K. Discussion on Scientific Atheism as a Soviet Science. 1960–1985. Suomalainen Tiedeakatemia, 1989. 196 p.; Luehrmann S. Antagonistic Insights: Evolving Soviet Atheist Critiques of Religion and Why They Matter for Anthropology // Social Analysis: The International Journal of Anthropology. 2015. Vol. 59. P. 97-113; Luehrmann S. Religion in Secular Archives: Soviet Atheism and Historical Knowledge. New York: Oxford University Press, 2015. 256 p.

⁷² Pollock E. Stalin and the Soviet Science Wars. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006. 288 p.; David-Fox M. Religion, Science, and Political Religion in the Soviet Context // Modern Intellectual History. 2011. Vol. 8. № 2. P. 471-484; Science, Religion and Communism in Cold War Europe / Ed. by P. Betts, S. A. Smith. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016. 307 p.

2. Проанализировать, как социокультурный контекст влиял на методологию и тематику исследований на различных этапах антирелигиозной пропаганды.
3. Применив метод интеллектуальной истории, актуализировать роль исследователя в условиях «репрессированной науки» и давления государственной идеологии.
4. Провести анализ междисциплинарных исследований, рассмотрев их как часть общего советского религиоведческого дискурса.
5. Провести анализ трудов отечественных исследователей православия и составить тематические блоки, что позволит во всем комплексе рассматривать проблемы, которые интересовали и казались актуальными для советских исследователей религии.

Теоретико-методологическая база исследования обусловлена целью и задачами диссертации, а также особенностями анализируемого материала. В работе используются подходы к изучению истории и философии науки, которые активно разрабатываются и используются в работах российских религиоведов, философов науки и историков⁷³.

⁷³ Академия наук в контексте историко-научных исследований в XVIII-первой половине XX вв.: Исторические очерки / Е. А. Иванова, П. В. Ильин, Т. В. Чумакова и др. СПб.: Росток, 2016. 701 с.; Аринин Е. И. Вопрос о происхождении и современном развитии российского религиоведения // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 93-97; Забияко А. П. Методология интерпретации наскальных изображений: религиоведческое наследие А.П. Окладникова // Религиоведение. 2014. № 3. С. 172-186; Касавин И. Т. Наука как политический субъект // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 3-14; Касавин И. Т. Наука и современный гуманизм // Вопросы философии. 2022. № 9. С. 47-58; Касавин И. Т. Метафизика прогресса и дисциплинарная структура наука // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60. № 2. С. 35-41; Колесников А. С. Историк философии в поисках смысла // Человек и общество в контексте современности. Философские чтения памяти профессора П. К. Гречко: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием: в 2 томах. Т. 1. М.: РУДН, 2017. С. 167-172; Репина Л. П. Историко-историографическое исследование в контексте современной интеллектуальной культуры // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII-XXI веков: сборник статей. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 21-36; Шахнович М. М. Культ святых в антирелигиозной пропаганде и исторической науке в СССР в 1920-х - начале 1930-х гг. // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2023. № 1. С. 151-177; Шиповалова Л. В. Стоит ли науку мыслить исторически? // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 18-28; Шиповалова Л. В. Распределенное познание и его границы в контексте публичной научной коммуникации // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10. № 3. С. 56-71; Шиповалова Л. В. О возможности свободы науки от политики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 57. С. 128-140; Шиповалова Л. В. История и историки в политике // После постпозитивизма. Материалы Третьего Международного Конгресса Русского общества истории и философии науки. М.: Русское общество истории и философии науки, 2022. С. 435-437.

В данном диссертационном исследовании при анализе научной деятельности советских историков и религиоведов применялся микроисторический подход, биографический метод и методы интеллектуальной биографии. Для анализа самих исследований в социокультурном и политическом контексте СССР второй половины XX в. в работе использовались традиционные для гуманитарных исследований подходы и методы: системный подход, описательный подход, метод аналитического изучения источников, историко-хронологический метод, метод сравнительно-исторического и социокультурного контекстуального анализа и историографического описания.

Научная новизна проведенного исследования определяется тем, что в нем:

1. Комплексно прослеживается история изучения православия в советской науке на протяжении полувека с учетом постоянного изменения идеологического климата, который оказывал непосредственное влияние на объект, методы, оценки, результаты и риторику исследований.
2. Произведен анализ трудов советских исследователей православия с делением работ на тематические группы в зависимости от объекта исследования.
3. Продемонстрирована роль изучения православного разномыслия в советской гуманитарной науке.
4. Исследуется роль личности в истории науки на примере В. Д. Бонч-Бруевича как одного из основателей советского религиоведения, во многом определившего основные направления изучения православного разномыслия в СССР.
5. В научный оборот вводятся некоторые архивные документы из архива В. Д. Бонч-Бруевича в Государственном музее истории религии (Научно-исторический архив ГМИР, ф. 2. Оп. 4), которые послужили источниками в ходе данного исследования.

Хронологические рамки исследования обусловлены политическими факторами в истории страны. Так, начало перемен по отношению к православию и

церкви со стороны власти будет вестись с 4–8 сентября 1943 г., когда был избран новый патриарх со времен смерти Тихона в 1925 г. Верхняя граница исследования датируется 5–12 июня 1988 г., когда тысячелетие крещения Руси отмечалось официально в общегосударственном масштабе. Перелом в церковно-государственных отношениях изменил подходы к изучению православия и способствовал резкому увеличению числа работ и расширению проблематики исследований.

Теоретическая значимость исследования. В ходе диссертационного исследования проведено комплексное описание и анализ работ советских исследователей православия; составлены тематические группы, в рамках которых выделены изменения подходов и риторики. Отслеживание данной тенденции является актуальной для современного религиоведения и его истории.

Практическая значимость исследования. Материалы и выводы диссертационного исследования могут составить основу при дальнейших научных исследованиях по истории отечественного религиоведения, историографии советского атеизма, истории церковно-государственных отношений в России в XX в., историографии православия. Результаты диссертации могут применяться при подготовке лекционных и семинарских занятий, при составлении учебников и пособий в области философии религии и религиоведения и истории отечественной науки.

Положения, выносимые на защиту:

– работы В. Д. Бонч-Бруевича во многом определили тематику и направленность исследований русского православного разномыслия в советский период, которое рассматривалось как форма социального протеста;

– советские исследования православия в России в некоторой степени носили характер «периферийных» исследований, т.к. в советской научной парадигме изучение православной церкви не являлось ведущим академическим направлением;

– обобщающие работы по истории отечественной культуры затрагивали комплекс узконаправленных тематик в рамках изучения православия. Советские историки древнерусского периода заложили основу для будущих специализированных исследований по истории христианизации Руси, влияния византийской культуры, истории церковно-государственных отношений в России и т.д.;

– тема крещения Руси является одной из центральных в советской исторической науке в контексте изучения православия. Невзирая на разницу в стилистике, риторике и аргументации, которые менялись на протяжении практически полувека, все авторы признавали историческую закономерность и прогрессивность этого события;

– при изучении православия в советский период, в качестве исследовательской доминанты выступала социально-экономическая проблематика. За обозначенный период было издано множество работ по экономической истории православия;

– борьба крестьян с церковным землевладением рассматривалась советскими исследователями как следствие закрепощения на монастырских землях. Исследования описывали крестьянские восстания как прогрессивные движения и оценивали как проявления классовой борьбы против угнетателей. Определенной разновидностью антифеодальных движений было православное разномыслие, оригинальные религиозные движения, которые в советской историографии получили наименование «реформационно-гуманистических»;

– одним из самых актуальных комплексов проблем для советских религиоведов представлялась история эволюции православия в XX в. и «модернизация» православного богословия. Этот комплекс включал в себя вопросы изменения экономической базы церкви, политической лояльности, трансформации социальной (этической) позиции и пр. «Приспособление» понималось как внешний уровень политической трансформации позиций

православной церкви по отношению к советскому государству, а «модернизация» – внутренний уровень изменений в самом вероучении и культовой практике. С точки зрения исследователей-атеистов, таким образом церковь пыталась адаптироваться к новой социальной действительности.

Апробация результатов исследования была проведена во время участия и выступлений с докладами, содержащими материалы и результаты диссертации, на III (21 апреля 2018 г.) и VI (20 апреля 2019 г.) студенческих Маторинских чтениях по проблемам религиоведения и философии религии (СПбГУ, г. Санкт-Петербург); XXI межвузовской научной конференции «Бог. Человек. Мир», 13–14 декабря 2018 г. (РХГА, г. Санкт-Петербург); Международном молодежном научном форуме «Ломоносов», 8–12 апреля 2019 г. (МГУ, г. Москва); Пленарном заседании научно-практической конференции «XXIII Религиоведческие чтения» «Религия и музеи: проблемы презентации, коллекционирования и сохранения памятников религиозной культуры», 13 ноября 2019 г. (ГМИР, г. Санкт-Петербург); Международной конференции «Наука о религии в России: от прошлого к будущему», 20–21 ноября 2020 г. (ГМИР, г. Санкт-Петербург); Третьем Международном Конгрессе Русского общества истории и философии науки «После постпозитивизма», 8–10 сентября 2022 г. (СГУ имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов); Круглом столе «Инфосфера духовных учебных заведения Российской империи XIX – нач. XX вв.», 12 ноября 2022 г. (СПбГУ, г. Санкт-Петербург); Международной конференции «Цивилизационные коды России (к столетию "Философского парохода")», 17–19 ноября 2022 г. (СПбГУ, г. Санкт-Петербург).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

1. Историко-политический контекст изучения православия в СССР

1.1. Влияние идеологии и антирелигиозной пропаганды на изучение религии в СССР

В истории антирелигиозной пропаганды в СССР можно выделить пять периодов, которые различаются по целям и методами идеологической работы.

1) Досоветский период: 1917–1922 гг. – период антирелигиозной, а зачастую антиклерикальной, пропаганды, когда церковь воспринималась как политический противник.

2) С выходом статьи В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма» в 1922 г. начинается период атеистической пропаганды.

3) В конце 1930-х гг. в рамках антирелигиозной пропаганды намечается период естественно-научной пропаганды, который стал полноценным третьим этапом в истории советского атеизма с 1944 г. по 1954 г. Г. Ф. Александров в 1946 г. в своей книге «История западноевропейской философии» (за которой последует Сталинская премия и «философская дискуссия»⁷⁴) впервые использует термин «научный атеизм» для описания марксистского атеизма как высшей формы атеизма вообще: «только диалектический материализм создал научный атеизм»⁷⁵.

4) 1954–1961 гг. можно назвать периодом «научно-атеистической пропаганды», когда данная пропаганда представлялась составным элементом образования, культуры и советского образа жизни. Начало данного этапа было положено постановлением ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О недостатках в научно-атеистической пропаганде» и постановлением от 10 ноября 1954 г. «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения».

⁷⁴ Про дискуссии и идеологические кампании см. подробнее: Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии, (1930-1950-е гг.). Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та, 2005. 798 с.; Тихонов В. В. Идеологические кампании "позднего сталинизма" и советская историческая наука (середина 1940-х - 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с.

⁷⁵ Александров Г. Ф. История западноевропейской философии. М.; Л.: Изд-ва АН СССР, 1946. С. 345.

5) 1961–1988 гг. – период «научно-атеистического воспитания», закрепленного на XXII съезде ЦК и в Третьей Программе КПСС⁷⁶.

О. Ю. Васильева ведет периодизацию церковно-государственных отношений следующим образом: она выделяет шесть хронологических этапов (или периодов)⁷⁷. Так, первый (1917–1929 гг.), — это период осуществления Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» с давлением со стороны ВЧК, ГПУ, ОГПУ на религиозные организации, изъятием церковных ценностей и т.д. Второй (1929–1943 гг.), – «тоталитарный» период характеризуется борьбой И. В. Сталина за власть, созданием тоталитарной системы управления государством, полным контролем над религиозной жизнью и действиями в стране, физическим устранением многих верующих и священнослужителей. Третий (1943–1953 гг.), – период «нового курса» государственной политики, когда партия отказывается от плана полного «уничтожения» церкви и начинает использовать ее во внешнеполитических целях. Четвертый (1953–1958 гг.), – первый послесталинский период, характеризующийся стремлением новой политической элиты вернуть церковно-государственные отношения на довоенное положение. Пятый (1958–1964 гг.), – период хрущевской антирелигиозной кампании, когда была предпринята попытка полностью покончить с религией в СССР и «показать последнего попа по телевизору». Шестой (1965–1991 гг.), – последний период, неразрывно связанный по внутреннему содержанию с предыдущим пятым, когда государство в двадцатилетнем плане реформ церковного управления собиралось все так же перебороть религию, только более плавными методами и в отдаленной перспективе.

⁷⁶ Шахнович М. М., Чумакова Т. В. Музей истории религии АН СССР и российское религиоведение (1932-1961). СПб.: Наука, 2014. С. 84-85.

Шахнович М. М., Чумакова Т. В. Идеология и наука: Изучение религии в эпоху культурной революции в СССР. СПб.: Наука, 2016. С. 10.

Shakhnovich M. «Scientific atheism» as an ideological construct and educational project (1950s-1980s) // Religiski-Filozofiski Raksti. 2021. Vol. 31. P. 11.

⁷⁷ Васильева О. Ю. Власть и религия в России: век XX // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 2: Антология отечественного религиоведения. 2010. С. 50-62.

Можно объединить эти классификации и посмотреть, какие методы атеистической работы соответствовали периодам церковно-государственных отношений. Получается, что периоду осуществления Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» соответствует антиклерикальная, а затем атеистическая пропаганда. Второму периоду, с попытками физически уничтожить церковь, также характерна воинствующая пропаганда атеизма. Третий период «нового курса» полностью хронологически совпадает с новыми методами идеологической борьбы – пропагандой естественно-научных знаний без дополнительного упора на атеизм. Четвертый и пятый «хрущевские» периоды, закончившиеся антирелигиозной кампанией, соотносятся с новыми методами внедрения научно-атеистической пропаганды в образование и культуру. Последний, самый долгий, брежневский период – это этап двадцатилетнего научно-атеистического воспитания.

В конце 1930-х наметился интерес идеологов к усилению патриотической составляющей, таким образом потребовалась апелляция к архаике, столь необходимой для легитимации нового политического мифа. В связи с этим сперва начинается реабилитация Александра Невского⁷⁸, а позже и других «великих предков» (Дмитрия Донского, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова)⁷⁹. Благодаря тому, что власть стала апеллировать к «славянским древностям», вновь стали возможны исследования древнерусской литературы, а вместе с ними и такое направление исследований, как славянская библейская филология. Советское руководство было вынуждено обратиться к историческому прошлому⁸⁰. Октябрьская революция продолжала оставаться главным событием не только отечественной, но и мировой истории, параллельно происходит отказ от негативных оценок отечественной истории. Оценка

⁷⁸ Шенк Ф. Б. Политический миф и коллективная идентичность. Миф Александра Невского в Российской истории (1263—1998) // *Ab Imperio*. 2001. № 1-2. С. 141-164; Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263-2000). М.: Новое литературное обозрение, 2007. 589 с.

⁷⁹ Yekelchuk S. Stalinist Patriotism as Imperial Discourse: Reconciling the Ukrainian and Russian “Heroic Pasts”, 1939—1945 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2002. № 3. P. 51.

⁸⁰ Бранденбергер Д. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931-1956 гг.). СПб.: Академический проект, 2009. С. 52.

дореволюционной истории России в позитивном ключе была более характерна для историков старой школы, в то время как историкам-марксистам поколения «красных профессоров», получившим образование в 1920–1930-х гг. (часть из которых принадлежала к школе М. Н. Покровского), было свойственно отстаивать принципы классового подхода в оценке русской истории.

Конец 1950-х – начало 1960-х гг. ознаменовался изменением политической ситуации внутри страны и усилением идеологической работы в области религии. Предшествовало этому два постановления ЦК КПСС: от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» и от 10 ноября 1954 г. «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». Авторы первого постановления призывали Министерство просвещения насытить школьную программу атеистическим содержанием, комсомол – активнее вести атеистическую пропаганду среди молодежи, Госполитиздат – больше публиковать произведения атеистической литературы, а общество «Знание» – начать издание ежемесячного журнала «Наука и религия»: «Надо решительно покончить с пассивностью в отношении к религии, разоблачать реакционную сущность религии и тот вред, который она приносит, отвлекая часть граждан нашей страны от сознательного и активного участия в коммунистическом строительстве...»⁸¹. В октябре 1954 г. Совет по делам РПЦ и Совет по делам религиозных культов направили в Центральный комитет совместное письмо, где указывали на контрпродуктивные результаты кампании. Второе постановление было посвящено итогам летней антирелигиозной кампании и представляло собой попытку исправить нанесенный ею вред: «...ЦК КПСС располагает фактами, свидетельствующими о том, что за последнее время в научно-атеистической пропаганде среди населения в ряде мест допускаются грубые ошибки <...> оскорбительные действия по отношению к церкви, духовенству, верующим гражданам несовместимы с линией партии и государства в проведении научно-атеистической пропаганды и противоречат Конституции СССР, предоставляющей

⁸¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 8: 1946-1955. М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1985. С. 428–430.

советским гражданам свободу совести»⁸². В отличие от июльского постановления, которое было предназначено для внутреннего пользования, ноябрьское постановление было опубликовано в «Правде» и широко распространялось. Начался новый этап научно-атеистической пропаганды, который до 1958 г. носил противоречивый характер за счет оппозиции двух этих постановлений. Религия стала восприниматься больше идеологической и мировоззренческой проблемой, нежели политической. Одним из важных достижений периода оттепели было введение в научный оборот больших документных массивов: «свежий ветер XX съезда распахнул двери советских архивов»⁸³.

Исследователи основной чертой эпохи оттепели считают десталинизацию, т.е. отказ от сталинского прочтения истории, «переоткрытие» архивов и «возрождение стремления к научности в исследованиях»⁸⁴. Но уже к середине 1960-х гг. советская историческая наука стала действенным идеологическим оружием партии⁸⁵, нацеленным на строительство и воспитание нового коммунистического мировоззрения. Таким образом, период оттепели был фрагментарной волной санкционированной свободы, после которой так и не наступила полноценная весна.

Вместе с возобновлением выпуска богословской периодики, начинается издание и священных текстов. В 1956 г. впервые в советской истории была опубликована Библия на русском языке, тираж издания составлял 28 000 экземпляров⁸⁶. Московская патриархия второй раз получила возможность издать книги Библии только в 1968 г. В 1976 г. праздновалось столетие издания Библии на русском языке, и в честь этого события также были получены разрешения на издание библейских книг.

⁸² Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 8: 1946-1955. М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1985. С. 446–449.

⁸³ Сидорова Л. А. Оттепель в исторической науке: Советская историография первого послесталинского десятилетия. М.: Памятники исторической мысли, 1997. С. 169.

⁸⁴ Там же. С. 3-4.

⁸⁵ Там же. С. 108.

⁸⁶ См. подробнее: Чумакова Т. В., Пызиков Д. Д. Библия в СССР // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 1. [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840007423-4-1/> (дата обращения: 16.08.2023).

После краткосрочного периода оттепели началась хрущевская антирелигиозная кампания (1958–1964 гг.). Основным побудительным мотивом послужил возросший среди советских граждан интерес к православию, который выражался в прошениях и ходатайствах в органы власти об открытии церквей. В идеологическом плане для Н. С. Хрущева и его окружения (М. А. Сулова (руководитель отдела пропаганды), П. Н. Поспелова (секретарь ЦК КПСС), Е. А. Фурцевой (министр культуры) и др.) «спокойные» в прошлом взаимоотношения церкви и государства являлись «сталинским наследием» и причиной религиозного возрождения, от которого следует избавляться.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС от 4 октября 1958 г. в стране были созданы кафедры научного атеизма, Дом научного атеизма и т.д. Данное постановление было направлено на активизацию атеистической пропаганды, создание научной базы этой работы и, в конечном итоге, на резкое ограничение роли и влияния Русской православной церкви и других религий в Советском Союзе⁸⁷. Так, в 1959 г. в Московском государственном университете была создана кафедра истории и теории атеизма и религии⁸⁸. Первыми заведующими кафедры были И. Д. Панцхава и М. П. Новиков. В Ленинградском государственном университете изучение религии было приостановлено с 1934 г., и только в 1946 г. преподавание соответствующих дисциплин было возобновлено⁸⁹, а кафедра истории и теории атеизма появляется только в 1983 г.

В 1959 г. общество «Знание» стало издавать научно-популярный журнал «Наука и религия» (который был задуман еще в 1954 г.). Возникший в разгар

⁸⁷ Алексеев В. А. Церковь и власть: уроки истории // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 2: Антология отечественного религиоведения. 2010. С. 155.

⁸⁸ Яблоков И. Н. Кафедра философии религии и религиоведения МГУ: вехи истории // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 2: Антология отечественного религиоведения. 2010. С. 133-138.

И. Н. Яблоков признает, что в истории советского религиоведения «научный атеизм» (как название отрасли знания и учебной дисциплины) не получил достаточного и убедительного теоретического обоснования, что привело во многих случаях к искаженным оценкам и выводам.

⁸⁹ Шахнович М. М. Петербургская религиоведческая школа: истоки и традиции // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 4: Антология отечественного религиоведения. 2010. С. 13.

М. М. Шахнович особо отмечает в этом заслугу декана философского факультета М. В. Серебрякова, который не только возобновил преподавание религиоведения в университете, но и перенес его с филологического на философский факультет. До 1980-х гг. преподавание религиоведения осуществлялось в рамках отделения истории религии и атеизма (руководитель – М. И. Шахнович) при кафедре истории философии или позже на кафедре истории марксистской философии.

хрущевской антирелигиозной кампании журнал вернул старые методы атеистической борьбы, а именно антиклерикальную пропаганду, которая совмещалась с просветительской работой (распространением научных и технических знаний и утверждением научного материализма).

В 1960 г. со своей должности председателя Совета по делам РПЦ был смещен Г. Г. Карпов, а на его место назначен В. А. Куроедов. Деятельность СДРПЦ по функциям очень напоминает деятельность Исполнительного комитета по делам духовенства всей России (Исполкомдух⁹⁰) в 1919–1920 гг. Оба органа изначально при создании подразумевались как органы-посредники между государством и церковью с задачами налаживания диалога.

XXII съезд партии (1961 г.) постановил исправить крупные недостатки в научно-атеистической пропаганде и усилить научно-атеистическое воспитание. Важное значение и акцент теперь приобрело понятие научно-атеистического *воспитания*, связанное с проблемами молодежи, образования, нравственности и быта; так же характерно, что в общественно-политический дискурс вернулось словосочетание «атеистическая пропаганда», вместо «научного просвещения». Результатом съезда стала Третья Программа КПСС, в которой отдельным пунктом

⁹⁰ Комитет был создан в 1919 г. усилиями Александра Фроловича Филиппова (1868-1936), как считают некоторые исследователи, — секретным сотрудником ВЧК. Так, например, С. Г. Петров пишет, что после революции ВЧК приняло на вооружение ряд мер по «разрушению и разложению Русской церкви», одной из таких мер, наряду с поддержкой и курированием обновленческого раскола, было и создание Исполкомдуха. После революции 1917 г. А. Ф. Филиппов снискал знакомство и лично расположение А. В. Луначарского и Ф. Э. Дзержинского. Спорным является вопрос, кто же инициировал создание такого комитета при ВЧК, который, по словам самого Филиппова, независим и не подчиняется напрямую ЧК, но всегда предоставляет ей всю собранную информацию. Логично, что А. Ф. Филиппов при каждом удобном моменте в официальных обращениях или корреспонденции не упускает возможность повторять, что инициатива создания Исполкомдуха исходила лично от него и что сама организация существует на добровольных началах. Комитет был создан для ослабления оппозиционных к действующей власти настроений и тенденций среди духовенства различных исповеданий и привлечение духовенства к диалогу и взаимосодействию с государством. Исполкомдух подготовил текст, а А. Ф. Филиппов смог убедить патриарха Тихона подписать патриаршее («миротворческое») послание о невмешательстве в политическую борьбу от 8-го октября 1919 г. Положение комитета и самого А. Ф. Филиппова начало ухудшаться, когда он начал обращаться к правительству с жалобами и критикой действий различных инстанций исполнительной власти, в первую очередь VIII Отдела Народного комиссариата юстиции. VIII Отдел НКЮ был одним из главных вдохновителей и проводников плана по изъятию и уничтожению мощей в православных храмах. А Исполкомдух был как раз одним из противников этой кампании. А. Ф. Филиппов писал митрополиту Петроградскому и Гдовскому Вениамину (Казанскому), что «государству не должно быть никакого дела до веры народа в чудеса; если же оно все-таки считает нужным этим заниматься, то делать это нужно путем научного просвещения». В сентябре 1920 г., узнав о намерении ЧК искусственным путем ликвидировать комитет, А. Ф. Филиппов обратился с просьбой предоставить ему возможность добровольно распустить организацию, чтобы не выставлять его в роли провокатора и не подставлять всю ВЧК. Однако, 13-го сентября 1920 г. он сам был арестован. Комиссия хотела опрavitить А. Ф. Филиппова в лагерь, а VIII Отдел НКЮ настаивал на высшей мере наказания, но его спасло личное заступничество Ф. Э. Дзержинского.

постулировалось преодоление пережитков капитализма, буржуазной идеологии, религиозных суеверий и предрассудков в рамках коммунистического воспитания масс («Задачи партии в области идеологии, воспитания, образования, науки и культуры»).

VI том «Ежегодника Музея истории религии и атеизма»⁹¹ (1962 г.) начинается с директивной статьи «XXII съезд КПСС и задачи атеистического воспитания трудящихся»⁹². Статья написана по схеме схожих директивных и программных статей, например, в «Вопросах истории» или «Вопросах философии» последнего сталинского десятилетия. Усиление атеистической пропаганды и атеистическое воспитание масс планировалось осуществить, в том числе, и средствами культурно-просветительных учреждений. В результате изменений Музей истории религии и атеизма был переведен из ведомства Академии наук в ведение Министерства культуры (1961 г.), что облегчило контроль над ним со стороны Ленинградского обкома партии. После передачи музея из АН СССР в Министерство культуры, изменилось отношение в музее к научной работе, новое руководство сделало акцент на пропаганде, в связи с чем научные проекты стали сворачиваться. Как пишут авторы единственного крупномасштабного исследования по истории музея: «... пристальное внимание партийных органов к деятельности музея было связано с новым усилением идеологического диктата в вопросах религии. Музей стали обвинять в излишнем увлечении историей религии, в отсутствии борьбы за преодоление религиозных пережитков, требовали отражения в музее "текущего политического момента", разоблачений и резкой критики религии»⁹³.

⁹¹ О «Ежегоднике Музея истории религии и атеизма» см. подробнее: Пызиков Д. Д. История православия в статьях «Ежегодника Музея истории религии и атеизма Академии наук СССР» // Современные исследования социальных проблем. 2021. № 4. С. 196-213; Шахнович М. М., Терюкова Е. А. Научный атеизм: от науки к утопии. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 99-123.

⁹² Воронцов В. Г., Красников Н. П. XXII съезд КПСС и задачи атеистического воспитания трудящихся // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1962. № 6. С. 3-17.

⁹³ Шахнович М.М., Чумакова Т.В. Музей истории религии АН СССР и российское религиоведение (1932-1961). СПб.: Наука, 2014. С. 87.

После смещения со своей должности Н. С. Хрущева и завершения антирелигиозной кампании, религия продолжала считаться не политическим врагом, а идеологическим оппонентом, верующие превратились в патриотичных советских граждан — правда, нуждающихся в спасении от их собственных суеверий. Как писал М. П. Новиков: «Атеисты и верующие в нашей стране, будучи носителями противоположных по своей сущности взглядов на жизнь, не являются политическими противниками. Они рука об руку участвуют в строительстве коммунистического общества, крепят мощь и величие своей Родины»⁹⁴. По завершении антирелигиозной кампании, в научном и общественном дискурсе отрицательные характеристики религии сменились на положительное содержание атеизма. Последнее использовалось в новом ключе, а именно в тематике обращения к вопросам морали и нравственности, что непосредственным образом отразилось в научной и научно-популярной публицистике. Это стало характерной чертой научно-атеистического воспитания.

В 1964 г. в соответствии с постановлением ЦК КПСС о «мероприятиях по усилению атеистического воспитания населения» был основан Институт научного атеизма при Академии общественных наук ЦК КПСС. Его деятельность курировалась идеологическим отделом ЦК. Важнейшими задачами института были разработка «глубокого теоретического понимания религии и атеизма» и координация всей атеистической работы, в том числе проводимой институтами Академии наук СССР, высшими учебными заведениями и учреждениями Министерства культуры СССР. Как пишет Ю. П. Зуев: «Успеху деятельности Института способствовало то, что основу его творческого коллектива изначально составили переведенные в него специалисты из институтов философии, истории, этнографии АН СССР. С Институтом сотрудничали на условиях совместительства А. И. Клибанов и Д. М. Угринович, а также на внештатной основе такие крупные

⁹⁴ Новиков М. П. Православие и современность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. С. 4-5.

ученые, как С. А. Токарев, Ю. А. Левада, Л. Р. Гордон-Полонская, И. Р. Григулевич, Б. М. Кедров и др.»⁹⁵.

Исследователи отмечают попытки М. П. Новикова (заведующий кафедрой истории и теории атеизма МГУ) и П. К. Курочкина (директор Института научного атеизма) придать понятию «научный атеизм» позитивное содержание⁹⁶. Однако, справедливо замечено, что данный термин был навязан отечественному религиоведению идеологическими установками КПСС. В 1960–1970-х гг. одной из центральных публицистических и исследовательских тем в советском религиоведении была идея модернизации религии, в первую очередь православия. Множество публикаций в «Вопросах научного атеизма»⁹⁷ отражают этот тренд. Заслугой Института можно считать разработку социологических исследований уровня религиозности в СССР, в первую очередь за счет разветвленной сети полевых исследований в различных районах и уголках страны. В «Вопросах научного атеизма» публиковались экспедиционные отчеты. Они демонстрируют, что в 60-70-х гг. XX в. уровень религиозности населения оказался значительно выше, чем это представлялось до тех пор пропагандистам, ученым и партийным руководителям. Подобные данные объективно не позволяли говорить об «отмирании религии» и религии как «пережитке прошлого», хотя положение о неизбежности отмирания религии по мере социалистического развития общества и перехода к коммунизму в советской модели секуляризации продолжало носить фундаментальный характер. Исследования 1970–1980-х гг. фиксируют рост религиозности, особенно среди образованной молодежи. Однако это скорее отражает не влияние именно православия, а ситуацию открывающегося в стране «рынка религий» и распространения контркультуры. Процесс освобождения всех сфер жизни от религиозного влияния мыслился как объективный, однако большая роль в нем отводилась субъективному фактору — антирелигиозной деятельности

⁹⁵ Зуев Ю. П. Институт научного атеизма (1964–1991) // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 1: Антология отечественного религиоведения. 2009. С. 15.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ О «Вопросах научного атеизма» см. подробнее: Шахнович М. М., Терюкова Е. А. Научный атеизм: от науки к утопии. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 123-150.

политических институтов, таким образом можно объяснить актуальность создания специализированного атеистического института⁹⁸.

В марте 1971 г. состоялся XXIV съезд КПСС, на котором партия избрала новую идеологию — «развитой социализм». Интересно отметить, что, парадоксальным образом, в 1970-х гг. получила распространение десакрализация воинствующего атеизма, когда многим пропагандистам пришлось смягчить или изменить риторику своих исследований. Также, возвращается интерес к объектам материальной культуры и культурного наследия, т.е. церквям, монастырям и т.д. Показательным в этом отношении является создание Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) в 1965 г.

После смерти Л. И. Брежнева в 1982 г. и прихода к власти Ю. В. Андропова (до 1984 г.) и К. У. Черненко (до 1985 г.) официальная позиция в отношении религии и атеизма существенно не изменилась. Только в период руководства Ю. В. Андропова можно отметить ужесточение преследования инакомыслия, что было привычно для бывшего председателя КГБ.

С приходом к власти М. С. Горбачева в 1985 г. и началом реформ, в том числе и в области идеологии, пошел отсчет последним годам советского атеизма, который изжил себя в 1988 г., когда с 5 по 12 июня на общегосударственном уровне широко отмечалось тысячелетие крещения Руси. Торжественные мероприятия сопровождались всеми необходимыми символическими атрибутами государственного покровительства. «Состоявшаяся в апреле 1988 г. в преддверии празднования 1000-летия Крещения Руси встреча Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с постоянными членами Священного Синода РПЦ явилась предвестием важных перемен в вероисповедной политике власти. В Совете по делам религий с участием ряда сотрудников Института [научного атеизма]

⁹⁸ Об Институте научного атеизма см. также: Метель О. В. Институт научного атеизма и развитие религиоведческих исследований в СССР в 1960–80-х гг. // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2022. № 2. С. 40-50.

начались консультации по разработке принципиальных положений нового закона о свободе совести»⁹⁹.

Таким образом, государственная и партийная политика в области религии непосредственным образом влияла на исторические и религиоведческие исследования. Изменения векторов церковно-государственных отношений и волн различных типов и видов научно-атеистической пропаганды сказывались на риторике, методологии, объектах научных исследований, выборе тем и т.п.

1.2. В. Д. Бонч-Бруевич – исследователь русского религиозного разномыслия

Несмотря на большое число исследований многие ключевые фигуры советской религиоведческой науки все еще остаются в тени. Это в полной мере относится к такому крупнейшему исследователю миноритарных религиозных групп и православного разномыслия, как Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873–1955 гг.). Несмотря на то, что в советский период выходили работы о В. Д. Бонч-Бруевиче за авторством, например, А. И. Клибанова¹⁰⁰, М. И. Шахновича¹⁰¹, Г. Г. Демиденко¹⁰², О. Д. Голубевой¹⁰³ и др., все они в основном фокусировались на политической и организационной деятельности В. Д. Бонч-Бруевича в качестве управляющего делами Совета народных комиссаров. Исключением можно считать А. И. Клибанова, для которого В. Д. Бонч-Бруевич был в прежде всего авторитетным ученым. Об этом, во-первых, свидетельствуют многочисленные отсылки в работах А. И. Клибанова к трудам В. Д. Бонч-Бруевича, во-вторых, посвященное В. Д. Бонч-Бруевичу исследование «История религиозного

⁹⁹ Зуев Ю. П. Институт научного атеизма (1964–1991) // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 1: Антология отечественного религиоведения. 2009. С. 23.

¹⁰⁰ Клибанов А. И. Из воспоминаний о В. Д. Бонч-Бруевиче // Вопросы научного атеизма. 1983. №31. С. 269-295.

¹⁰¹ Шахнович М. И. В. Д. Бонч-Бруевич – исследователь религиозно-общественных движений в России // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1963. № 7. С. 293-300.

¹⁰² Демиденко Г. Г. Дел у революции немало: Очерк из жизни и деятельности В. Д. Бонч-Бруевича. М.: Политиздат, 1976. 207 с.

¹⁰³ Голубева О. Д. В.Д. Бонч-Бруевич - издатель. М.: Книга, 1972. 136 с.

сектантства в России 60-е гг. XIX в. — 1917 г»¹⁰⁴. Но, как бы то ни было, в советской историографии невозможно было избежать клишированных формулировок, апеллирующих к революционному прошлому ученого. Поэтому, как часто бывает в таких случаях, слово «большевик» в народной мемориальной культуре порождает определённого рода ассоциации «антирелигиозника», «гонителя православной церкви» и т.п. В свою же очередь, идеологический мейнстрим государственной исторической политики награждал его такими стереотипными определениями, как «известный», «верный» и т.д. Необходимо подчеркнуть, что труды В. Д. Бонч-Бруевича следует рассматривать в первую очередь как деятельность ученого и представителя отечественной науки по изучению религии, несмотря на навязанную сверху идеологическую цензуру. Это важно отметить, т.к. с начала 1920-х гг. в стране антиклерикальная пропаганда сменяется пропагандой антирелигиозной, что является последствием борьбы с издержками НЭПа. Такая принципиальность в строгом следовании этосу науки многим ученым и/или их родственникам стоила свободы. По точному замечанию современных исследователей нельзя всех советских авторов, писавших о религии в то время, «мазать одной краской» и ставить в один ряд¹⁰⁵. Необходимо провести четкое разграничение между учеными и агитаторами/пропагандистами, выпускавшими достаточно поверхностные антирелигиозные брошюры. Таким образом, с одной стороны будут стоять такие ученые, как В. Д. Бонч-Бруевич, В. Г. Богораз, Н. М. Маторин и др. С другой: Б. П. Кандидов¹⁰⁶, И. А. Шпицберг¹⁰⁷, Ф. М. Путинцев¹⁰⁸ и др. К последним так же можно причислить главу VIII («церковного») отдела Наркомюста П. А. Красикова¹⁰⁹. Он, а также Ф. М. Путинцев и Е. М. Ярославский часто дискутировали с В. Д. Бонч-Бруевичем по вопросам государственной политики в отношении верующих и религиозных организаций. Так, уже будучи директором Музея истории религии и

¹⁰⁴ Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в.-1917 г.). М.: Наука, 1965. 348 с.

¹⁰⁵ Шахнович М. М. Этнос истории науки: о реконструкции российского религиоведения советского периода // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. №1. С. 185-197; Шахнович М. М., Чумакова Т. В. Идеология и наука: Изучение религии в эпоху культурной революции в СССР. СПб.: Наука, 2016. С. 16.

¹⁰⁶ Кандидов Борис Павлович (1902–1953) – советский публицист, писатель, пропагандист.

¹⁰⁷ Шпицберг Иван Анатольевич (1881-1933) – бывший адвокат, сотрудник ВЧК и 8-го («Церковного») Отдела НКЮ, с 1922 организатор издательства «Атеист», редактор одноименного журнала.

¹⁰⁸ Путинцев Федор Максимович (1899–1947) – пропагандист, исследователь сектантства.

¹⁰⁹ Красиков Петр Ананьевич (1870–1939) – советский партийный и государственный деятель.

атеизма в Ленинграде В. Д. Бонч-Бруевич боролся с «духом антирелигиозной пропаганды» в музее, отмечая, что экспозиция не должна быть просто антирелигиозной. Необходимо вести научную пропаганду, но следует быть чрезвычайно осторожными с оскорблением религиозных чувств¹¹⁰.

В. Д. Бонч-Бруевич в течение своей жизни совмещал разные виды деятельности. Молодой землемер, увлекающийся марксизмом, на одном из собраний народников знакомится с будущим вождем пролетарской революции, начинает сотрудничать с ним и заниматься издательской деятельностью революционного характера, что в будущем приведет его на пост управляющего делами СНК; параллельно с этим он изучает так называемые «сектантские» движения и становится авторитетным специалистом в этой области. Должность в СНК и профессиональные научные интересы приводят В. Д. Бонч-Бруевича к идее создания первого в стране трудового образцового совхоза «Лесные поляны», после работы в котором он продолжает заниматься научной деятельностью и получает должность директора Государственного литературного музея. Под конец жизни Бонч-Бруевич становится заведующим сектором истории религии и атеизма в Институте истории АН СССР и директором Музея истории религии и атеизма при АН СССР. Интересно, что В. Д. Бонч-Бруевич успешно удавалось совмещать научное увлечение сектантством и организационную политическую деятельность. Эти сферы были главными для исследователя в первой половине его жизни.

Интерес к малым религиозным группам у В. Д. Бонч-Бруевича появился в молодости во время изучения быта крестьян и рабочих. Важность революционной агитации среди социальных низов он объяснял их социально-экономическим угнетенным положением и желанием перемен¹¹¹. Так, в очерке «Пройденный путь» он пишет, что нашел у себя в старом дневнике запись следующего характера: «Необходимо со всей тщательностью присматриваться к общественной жизни,

¹¹⁰ Шахнович М. М., Чумакова Т. В. Музей истории религии АН СССР и российское религиоведение (1932-1961). СПб.: Наука, 2014. С. 82.

¹¹¹ Бонч-Бруевич В. Д. Мое изучение крестьянского вопроса // Избранные атеистические произведения. М.: Мысль, 1973. С. 263-280.

обращая особое внимание на жизнь обездоленных рабочих и крестьян, оценивая все с социал-демократической точки зрения»¹¹². Начиная же В. Д. Бонч-Бруевич с увлечения идеями народников, когда в начале 1890-х гг. жил и учился в Курске после исключения из Константиновского межевого института в Москве за организацию студенческого протеста против администрации. Перед возвращением обратно он порывает с народничеством и идентифицирует себя уже как убежденный марксист: «... я считаю для себя февраль 1892 г. решающим в своей жизни, когда я самоопределился как марксист, и с этих пор работал всегда под знаменем революционного марксизма»¹¹³. Когда он в возрасте двадцати лет возвращается в Москву, то начинает принимать участие в собраниях марксистских кружков. Примерно к тому времени относятся и его воспоминания: «... для меня самого стал совершенно ясен смысл жизни, которого так все тогда любили добиваться: служение народу, борьба за его лучшую долю, страдание с ним и для него, за его судьбу и счастье»¹¹⁴. «Работа под знаменем марксизма» и «служение народу» подразумевало издательскую деятельность и идеологическую работу среди рабочих на производстве и крестьян в деревне.

Незадолго до отъезда в Женеву в качестве члена «Московского рабочего союза» для помощи группе «Освобождение труда», В. Д. Бонч-Бруевич предпринимает поездку по деревням с целью пропаганды социал-демократических идей. В письме к своей будущей супруге В. М. Величкиной¹¹⁵ от 25 декабря 1895 г. он пишет: «Вглядываясь в это белое море снега, в эти бедные, ветхие деревушки, в этих обобранных крестьян, холодных, исхудавших, привыкших к голоду, совестно как-то и очень совестно становится жить в хоробах, спать на мягких подушках, под

¹¹² Бонч-Бруевич В. Д. Пройденный путь // Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. В 3 т. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 150.

¹¹³ Там же. С. 151.

¹¹⁴ Бонч-Бруевич В. Д. Первые шаги // Молодая гвардия. 1927. №12. С. 192.

¹¹⁵ Вера Михайловна Величкина (1868 – 1918) была активным участником народнического и социал-демократического движения. Закончила медицинский факультет Бернского университета, занималась культурно-просветительской работой среди крестьян, издательской и революционной деятельностью. Автор научно-просветительских книг. Свою общественную деятельность начала в 1891 г. с работы столовых, созданных Л.Н. Толстым для помощи голодающим. См. подробнее: Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма. В 5 т. Т. 5: Социал-демократы. 1880-1904: № 2. С. 746-749.

мягкими одеялами, есть сладко и еще совестно отдыхать, мало устав, а главное, мало сделав. Я не пропускаю ни одного лица, ни одного движения из встречающихся мне крестьян, взрослых, подростков и мальчиков, и общее впечатление пока складывается такое: тьма, тьма и тьма. На лицах часто читаю тупую покорность судьбе и фразы "Все от бога", "Как бог захочет так и будет"... мне прямо становится противны до омерзения. Ведь бог здесь является эквивалентом станового, урядника, сотского! <...> На днях я уезжаю по деревням, эта поездка мне даст очень много, так как я не упущу ни одной малейшей черточки во всем том, что мне встретится»¹¹⁶. В следующем письме от 2 января 1896 г. содержится принципиально важное обстоятельство, которое возможно и склонило В. Д. Бонч-Бруевича к изучению именно сектантского элемента в крестьянстве: «Поездка эта принесла мне очень много пользы... Даже не скажу, что видел много, но виденное произвело большое впечатление, навеки отложилось в мозгу и душе и произвело известную (некоторую) метаморфозу в понятиях (практических). Крестьянское житье-бытье со всем своим убожеством, недомоганием, хроническим голодом, житье, по внешней обстановке не рекомендованное наукой даже и для скота, заставило меня подумать очень много об "опростании", о том опростании, которое стремится к приближению к жизни крестьян до мелочей <...> До Рождества не мог познакомиться с Чертковыми не потому что не хотел, потому что в буквальном смысле слова не было ни одной свободной минуты. Вчера, именно так, как Вы писали в письме Михаилу Николаевичу и как я сам и ранее хотел сделать, я просто-напросто пришел и отрекомендовался. Сидел весь вечер; вечерком пришел Лев Николаевич Толстой, был Попов, был Страхов, Семенов. Мы долго беседовали о разных разностях. Чертковы мне очень понравились, а Л. Н. [Лев Николаевич – П. Д.] еще больше. Мы обо многом беседовали; я всеми силами старался поколебать их мнение относительно революционеров. Рассказывал им много фактов о современных движениях и т.п.»¹¹⁷.

¹¹⁶ Бонч-Бруевич В. Д. Из письма к В. М. Величкиной // Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. В 3 т. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 471-472.

¹¹⁷ Бонч-Бруевич В. Д. Из письма к В. М. Величкиной // Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. В 3 т. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 473-474.

Возможно, под «опростанием» подразумевается освобождение или очищение от угнетения и тяжкого социального положения; но освобождение не в прямом социально-политическом ключе, а освобождение мировоззренческое и духовное, т.е. религиозное, где в религии проявляется ее компенсаторная функция. В работе «Раскол и сектантство в России» (1903 г.) Бонч-Бруевич пишет, что «в политическом протесте все секты имеют общие точки соприкосновения»¹¹⁸. Протест выражается в так называемом «Законе бога», являющемся выражением социально-политических интересов и требований, которые зависят от классового положения каждой отдельной секты и еще не осознанные как таковые, а обличенные народной мыслью в религиозную форму: «"Закон бога" есть ничто иное, как задушевное желание сектантов или раскольников того или иного слоя населения. "Законы бога" различны у различных групп, и это различие зависит от экономических условий, в которых находится данная сектантская и старообрядческая группа населения. Одно всегда обще всем "Законам бога" – это недовольство современным самодержавным порядком»¹¹⁹. Отсюда идут корни и особого отношения В. Д. Бонч-Бруевича к миноритарным религиозным группам, как обладающим особым революционным потенциалом.

Встреча В. Д. Бонч-Бруевича с Л. Н. Толстым и его религиозными последователями (толстовцами) открывает долгий взаимный спор по поводу участия сектантов в революционной борьбе, который обострится в 1902-1903 гг. Толстовцы, как известно, придерживались идеи «непротивления злу насилием», то есть отрицали какое бы то ни было насилие, том числе революцию. Будучи в эмиграции, В. Д. Бонч-Бруевич какое-то время сотрудничал с толстовским издательством «Свободное слово», со страниц которого в своих статьях и заметках призывал сектантов к протестам и борьбе с царским правительством и насилием со стороны православной церкви, совершению «"черного передела" средств

¹¹⁸ Бонч-Бруевич В. Д. Раскол и сектантство в России. Доклад В. Д. Бонч-Бруевича второму очередному съезду Российской социал-демократической партии // Избранные атеистические произведения. М.: Мысль, 1973. С. 183.

¹¹⁹ Бонч-Бруевич В. Д. Старообрядчество и самодержавие // Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. В 3 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 99.

производства из рук эксплуататоров в руки производителей»¹²⁰. Редакции журнала даже приходилось делать отдельную оговорку, что она совершенно не согласна с этими положениями автора. В своей работе «Среди сектантов» (1902 г.) В. Д. Бонч-Бруевич выделяет лидеров толстовцев И. М. Трегубова и В. Г. Черткова, которые, судя по всему, претендовали на лидерство и объединение под своим словом всех сектантских направлений в России, и которые совершали выпады против революционного движения, характеризуя социал-демократов как «людей образованных» и «желающих блага русскому народу», но одновременно «страшно клеветующих на народ», что они, мол, готовы к вступлению в революционную борьбу¹²¹. В 1951 г. В. Д. Бонч-Бруевич написал заметку по поводу старого «толстовского» письма, в котором в том числе говорилось: «Он [В. Д. Бонч-Бруевич – П. Д.] хочет пользоваться, таким образом, сектантами, как орудием для революционных целей. И призывает революционеров идти пропагандировать сектантов в этом духе. Эта статья [«Значение сектантства для России» – П. Д.] и все, что пишет в подобном духе Бонч-Бруевич, может принести много вреда сектантам...»¹²². В результате расхождений с толстовцами, В. Д. Бонч-Бруевич настаивал на необходимости ограждения сектантов от «утопических реакционеров». Как отмечает А. И. Клибанов: «Цель, которую ставил перед собой В. Д. Бонч-Бруевич как деятель революционной социал-демократии, состояла между прочим в том, чтобы парализовать влияние толстовства на сектантские массы и одновременно использовать для социал-демократической пропаганды среди сектантов те каналы, по которым толстовцы осуществляли связи с сектантскими движениями»¹²³.

В Женеве В. Д. Бонч-Бруевич трудится в типографии революционной группы «Освобождение труда» и сотрудничает в ленинской «Искре». Он делится

¹²⁰ Клибанов А. И. В. Д. Бонч-Бруевич и проблемы религиозно-общественных движений // Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. В 3 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 10.

¹²¹ Бонч-Бруевич В. Д. Среди сектантов // Избранные атеистические произведения. М.: Мысль, 1973. С. 150-166.

¹²² Бонч-Бруевич В. Д. По поводу письма нижепубликуемого // Избранные атеистические произведения. М.: Мысль, 1973. С. 172.

¹²³ Клибанов А. И. В. Д. Бонч-Бруевич и проблемы религиозно-общественных движений // Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. В 3 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 8.

своими воспоминаниями и мыслями о жизни сектантов с Г. В. Плехановым и В. И. Лениным. Последнего крайне интересуют выводы ученого, что в дальнейшем выльется в их совместную работу по привлечению сектантов в революционных дискурс. На основании заметок и наблюдений В. Д. Бонч-Бруевича В. И. Ленин отмечал, что сектантство внутри себя содержит удобную почву для агитации¹²⁴.

В 1899 г. В. Д. Бонч-Бруевич вместе со своей женой выезжает из Лондона в Константинополь, откуда они начинают свое путешествие в Канаду, сопровождая группу духоборов из Российской Империи. За два года жизни в общине и общения с духоборами В. Д. Бонч-Бруевичу удалось собрать богатейший этнографический и литературный материал, который отразится в опубликованной им «Животной книге» в 1909 г.

В 1903 г. для второго съезда РСДРП В. Д. Бонч-Бруевич пишет доклад «Раскол и сектантство в России». В этом докладе он формулирует основные положения данной проблемы в частности, которая идеально вписывается в «крестьянский вопрос» в целом. В первую очередь следует четко разделять «раскольников» и «сектантов». В основе церковного раскола ученый видел социальную и экономическую дифференциацию. Разделение старообрядчества на поповцев и беспоповцев объясняется так же социально-экономически: к поповщине примкнули господствующие экономические классы, к беспоповщине – бедные слои населения. Поповцы пошли на примирение с официальной церковью, беспоповцы же принимали участие в бунтах С. Т. Разина, Е. И. Пугачева и др. «Сектанты», в отличие от «воинствующего раскола», помимо критики настоящего положения, закладывали и положительную программу будущего. В. Д. Бонч-Бруевич разделяет всех сектантов на два типа: свободомыслящие и евангелики (в зависимости от трактовки Писания), что потенциально надо учитывать при социалистической пропаганде среди них. По его классификации к «свободомыслящим» относятся: хлысты, духоборы, молокане, новошундисты,

¹²⁴ Бонч-Бруевич В. Д. Владимир Ильич и религиозный вопрос // Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. В 3 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 31-73.

иеговисты, толстовцы и др. К «евангеликам»: баптисты (старошундисты), пашковцы, евангелические христиане и др. В. Д. Бонч-Бруевич критикует традиционную для того времени религиозную классификацию, которая разделяет сектантов на мистиков (к которым из его классификации относят сектантов старого происхождения из восточного цикла, таких как хлысты, скопцы, духоборы) и рационалистов (относящихся к новейшему происхождению западного цикла: новошундисты, все «евангелики»); по его мнению это разделение лишено смысла, т.к. у всех религиозных объединений присутствует элемент мистицизма. По внешней форме всем общинам присуще понятие «Закона бога», т.е. некоего всеобщего закона справедливости; но сущностно он различен, т.к. выражает общественно-политические интересы, которые зависят от «классового положения каждой конкретной общины». В итоге, «Закон бога» — это социально-политический протест против существующего строя. Таким образом необходима революционная пропаганда среди сектантских общин, по выводу В. Д. Бонч-Бруевича в их идеологиях имплицитно содержится протест и протокоммунистические начала. В числе трудностей для агитации исследователь отмечал чрезвычайную подозрительность сектантов и их конспиративный аллегорический язык, который непонятен неподготовленному слушателю. Среди необходимых мер отмечалось: создание популярной литературы для сектантов; необходимость сопротивления клерикализму; участие сектантов в революционной борьбе. Съезд поручает ЦК плотно заняться этим вопросом, а сам В. Д. Бонч-Бруевич начинает выпускать специальную газету «Рассвет».

К 1916 г. им выпущено 7 томов «Материалов к истории и изучению русского сектантства и старообрядчества»¹²⁵, что является фундаментальной работой по

¹²⁵ Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола / Под ред. [и с предисл.] Владимира Бонч-Бруевича. Санкт-Петербург: тип. Б. М. Вольфа, 1908-1916.

В загл. вып. 3-5: Материалы к истории и изучению русского сектантства и старообрядчества; в вып. 7: Материалы к истории и изучению религиозно-общественных движений в России.

Вып. 1: Баптисты. 1908. XII, 314 с.

Вып. 2: Животная книга духоборцев / Записал и собр. Владимир Бонч-Бруевич. 1909. XL, 327 с.

Вып. 3: Шундисты. 1910. IV, 311 с.

Вып. 4: Новый Израиль / С предисл. и примеч. Владимира Бонч-Бруевича. 1911. CXXXII, 485 с.

Вып. 5: Собрание сочинений Г. С. Сковороды: Т. 1: Портр. и факс. автора / С биографией Г. С. Сковороды М. И. Ковалинского, с заметками и примечаниями Владимира Бонч-Бруевича. 1912. XVI, 543 с.

изучению и коллекционированию живых источников сектантского учения и мировоззрения различных течений и толков. В начале каждого тома был напечатан призыв ко всем желающим (в т.ч. самим сектантам) в участии по сбору материалов, фиксации данных по определенной разработанной схеме, которая прикладывалась автором. Таким образом, В. Д. Бонч-Бруевичем была разработана особая методология и классификация религиозно-общественных движений. По этому поводу А. И. Клибанов писал: «Работы В. Д. Бонч-Бруевича, написанные в 1902–1903 гг. внесли в изучение сектантства целый ряд новых положений. Главное состояло в том, что история русского сектантства стала рассматриваться им в тесной связи с борьбой классов...»¹²⁶. В предисловии к 3-му тому собрания сочинений Ю. Я. Коган пишет: «Он был первым русским ученым, применившим марксистский метод к анализу этих движений, в религиозной форме выразивших в некоторых своих проявлениях крестьянский протест против царизма и помещичьей эксплуатации»¹²⁷.

До 1917 г. В. Д. Бонч-Бруевич по заданию Императорской Академии Наук часто отправлялся в экспедиции в различные уголки империи для изучения быта и доктрин многочисленных религиозных общин. Так же, он был известен как судебный эксперт во время заседаний по обвинениям в хлыстовстве, старообрядчестве и т.д. Все эти факты биографии свидетельствуют об авторитете В. Д. Бонч-Бруевича в качестве крупного специалиста в своей области.

После Октябрьской революции В. Д. Бонч-Бруевич занимал пост управляющего делами Совета Народных Комиссаров с 1917 г. по 1920 г. За эти три года работы он боролся с «перегибами на местах» в деле претворения в жизнь Декрета об отделении церкви от государства; о чем, например, свидетельствуют многие документы из Научного архива Государственного музея истории религии:

Вып. 7: Чемреки: Ответвление Старого Израиля / Вступ. ст., заметки и примеч. Владимира Бонч-Бруевича. 1916. XXVIII, 705 с.

¹²⁶ Клибанов А. И. В. Д. Бонч-Бруевич и проблемы религиозно-общественных движений // Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. В 3 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 14.

¹²⁷ Коган Ю. А. Предисловие // Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. В 3 т. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 14.

запросы, обращения пострадавших к нему с просьбой о помощи и т.д. Например, обращение патриарха Тихона в СНК по поводу закрытия Троице-Сергиевой Лавры в 1919 г. и сопроводительная записка самого Бонч-Бруевича, что Декрет не допускает вмешательство властей в религиозные права граждан¹²⁸; сопроводительная записка по поводу изъятия у Казанского кафедрального собора церковной утвари местным отделом ЧК¹²⁹; обращение монахинь Серафимо-Дивеевского женского монастыря в Нижнем Новгороде¹³⁰; обращение монахинь Спасского женского монастыря¹³¹; жалобы председателя Исполкомдуха А. Ф. Филиппова¹³²; обращение жены бывшего миссионера И. Г. Айвазова по поводу ареста ее супруга¹³³ и др. Из общего ряда выбивается жалоба бывшего священника М. В. Галкина с просьбой к В. Д. Бончу-Бруевичу о помощи в устройстве его в комиссию по отделению церкви от государства¹³⁴. В своей монографии М. Ю. Крапивина пишет, что на посту управделами СНК В. Д. Бонч-Бруевич использовал свое положение для защиты сектантских лидеров и общин, например, в августе 1918 г. он выдал особые охранные грамоты общине «Трезвая жизнь» на специальных бланках СНК¹³⁵. За это ему был объявлен строгий выговор. В правозащитной деятельности В. Д. Бонч-Бруевича имеются и дополнительные сведения: «В частности, [В. Д. Бонч-Бруевич – П. Д.] пытался помочь православной трудовой общине г. Пензы (существовала с 1908 г.), коммуне молокан Богородской волости Павловского уезда Нижегородской губернии и коммуна православных

¹²⁸ Письмо в 8-ой отдел НКЮ. Приложение: заявление патриарха Тихона председателю СНК. 26 ноября 1919 г. // Научно-исторический архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 4. Д. 98.

¹²⁹ Письмо в Гражданский комитет совета Казанского укрепленного района. Приложение: копия заявления в Управление делами казанского Епархиального совета. 1919 г. // Научно-исторический архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 4. Д. 99.

¹³⁰ Переписка об отведении земли бывшим монахиням Серафимо-Дивеевского монастыря. Сентябрь 1919 г. // Научно-исторический архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 4. Д. 102.

¹³¹ Монахини Спасского женского монастыря. Прошение управляющему делами СНК. Октябрь 1919 г. // Научно-исторический архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 4. Д. 109.

¹³² Филиппов А. Заявление управделами СНК. 1. Выписки из писем иеромонаха Севастьяна, посланного в Сибирь с патриаршим воззванием. 20 июля 1920 г. // Научно-исторический архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 4. Д. 115; Заявление управделами СНК. 1 сентября 1920 г. // Научно-исторический архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 4. Д. 116.

¹³³ Документы по делу об аресте Айвазова И. Г. бывш. миссионера православной церкви. Ноябрь 1919 – февраль 1920 гг. // Научно-исторический архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 4. Д. 142.

¹³⁴ Галкин М., священник. 3 письма к В. Бонч-Бруевичу. 9 апреля - 5 мая 1918 г. // Научно-исторический архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 4. Д. 106.

¹³⁵ Крапивин М. Ю., Лейкин А. Я., Далгатов А. Г. Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917 – конец 1930-х годов). СПб.: Изд. СПбГУ, 2003. С. 34-35.

монашествующих той же губернии, трудовой общине евангельских христиан в имении Ф. С. Савельева в Вельяминовской волости Серпуховского уезда Московской губернии, содержавшей приют для стариков и детей. Последней В. Д. Бонч-Бруевич советовал зарегистрировать сельскохозяйственную коммуну в НКЗ, что защитило бы их от конфискации имущества»¹³⁶. В. Д. Бонч-Бруевич действительно искренне помогал многим людям, даже после оставления своего поста в СНК¹³⁷. Подобный ракурс практически никак не освещен ни в советской, ни в современной литературе.

Результатом совмещения государственных обязанностей и научной деятельности В. Д. Бонч-Бруевичем стало: издание в 1919 г. Декрета СНК об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям, и воззвание Народного комиссариата земледелия от 5 октября 1921 г. «К сектантам и старообрядцам, живущим в России и за границей». Воззвание предлагало сектантам землю для организации на участках трудовых общин – совхозов. В этом деле В. Д. Бонч-Бруевич пошел дальше кабинетного теоретизирования, и при помощи В. И. Ленина он создал и в течении 9 лет руководил совхозом «Лесные поляны» в Московской области, куда специально для этого переселились представители общины «Начало века» новоизраильского течения¹³⁸.

В. Д. Бонч-Бруевич сыграл большую роль в изучении православия, т.к. показал его внутреннюю неоднородность. Он оказал влияние на последующие направления в изучении православия, в которых делался акцент на изучении разномыслия и свободомыслия, как форм «отклонения» от канонического православия, и основной доминантой выступали социально-экономические исследования. Возможно, именно под влиянием его трудов многие исследователи старообрядчества, работавшие в обозначенный период, рассматривали

¹³⁶ Редькина О. Ю. Народный Комиссариат земледелия и VIII Отдел народного Комиссариата юстиции РСФСР: проблема сотрудничества государства с религиозными колхозами в годы «военного коммунизма». [Электронный ресурс]. URL: <https://rusoir.ru/03print/03print-04/03print-04-13/> (дата обращения 22.08.2023)

¹³⁷ Матханова Н. П. В. Д. Бонч-Бруевич и «академическое дело»: помощь репрессированным историкам // Сибирская ссылка. Сборник научных статей. 2017. С. 519-535.

¹³⁸ Бонч-Бруевич В. Д. Как организовался совхоз «Лесные поляны» // Воспоминания о Ленине. М.: Наука, 1969. С. 398-402.

старообрядчество как форму социального протеста¹³⁹. Впрочем, акцент на этом делали и исследователи, не столь однозначно рассматривавшие феномен старообрядчества, в частности Н. Н. Покровский в своей фундаментальной монографии «Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в.»¹⁴⁰.

Таким образом, после прояснения культурно-исторического фона интересующей эпохи, демонстрации противоречий в церковно-государственных отношениях и политики партии в области атеизма в послевоенном СССР и микроисторического акцентирования на роли ученого в данном контексте на примере В. Д. Бонч-Бруевича, исследование подходит к детальному анализу советских трудов по православию. В подробное описание и анализ будут включены монографии и статьи в научных периодических журналах. Будут рассмотрены работы не только профильных специалистов науки о религии, но и историков в более широком смысле. Практически полувековой историко-политический контекст имеет чрезвычайную важность для построения и разбора причинно-следственных связей в дальнейшей историографической части данного исследования.

¹³⁹ Федоренко Ф. И. Секты, их вера и дела. М.: Политическая литература, 1965. 360 с.; Каушанский П. Л. Идеология и деятельность христианских сект. Кемерово: Кн. изд-во, 1965. 108 с.; Миловидов В. Ф. Старообрядчество в прошлом и настоящем. М.: Мысль, 1969. 112 с.; Карцов В. Г. Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России. Ч. 1. Калинин: Калинин. гос. ун-т., 1971. 160 с.; Катунский А. Е. Старообрядчество. М.: Политиздат, 1972. 120 с.; Байдин В. И. Старообрядчество Урала и самодержавие. Конец XVIII - середина XIX в. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Новосибирск, 1983. 18 с.

¹⁴⁰ Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1974. 394 с.

2. Историография исследования православия в СССР (1943-1988)

2.1. Направления изучения православия

Исследования, опубликованные в СССР в 1943 – 1988 гг., в которых так или иначе поднимались вопросы изучения православия, затрагивают совершенно разные предметные области гуманитарного знания.

В частности, это огромный пласт работ, посвященных изучению культовой архитектуры и изобразительного искусства стран византийского макрорегиона. Исследователи отмечали важность советского периода в изучении «христианских древностей»¹⁴¹. Это работы археологов, византинистов и историков искусства, а также советских философов эстетиков. Так Г. К. Вагнер внес значительный вклад в понимание православного храма как сложной мировоззренческой структуры, как материализацию религиозных идей¹⁴². Хотя основной массив его концептуальных работ был опубликован после 1988 г., но отдельные работы, в которых затрагивалась не только археология и архитектура, но и религиозно-философские и богословские вопросы православной храмовой архитектуры вышли в исследуемый период¹⁴³.

Изучение историографии советских работ, посвященных исследованию изобразительного искусства и архитектуры, должно быть темой отдельного исследования, поскольку советское искусствознание в 1960-е – 1980-е гг. развивалось очень активно, включив тему религии в сферу искусствоведческих

¹⁴¹ Беляев Л. А. Христианские древности: Введение в сравнительное изучение. СПб.: Алетейя, 2000. 574 с.; Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики (1917-1966). Л.: Наука, 1968. 435 с.; Иоаннисян О. М. П. А. Раппорт: жизнь и творческое кредо ученого // Архитектура Средневековой Руси. Избранные статьи. К 100-летию со дня рождения. СПб: Лики России, 2013. С. 3-35.

¹⁴² См. подробнее: Проценко В. В. Храм как социокультурный феномен // Культура народов Причерноморья. 1999. № 6. С. 423-427.

¹⁴³ Вагнер Г. К. К судьбам византийского наследия во владими́ро-суздальской пластике // Византийский временник. 1964. № 24. С. 121-128; Вагнер Г. К. Византийский храм как образ мира // Византийский временник. 1986. № 47. С. 163-181.

исследований¹⁴⁴, и не ограничиваясь только изучением феноменов древнерусской культуры¹⁴⁵, включало исследование православного культового наследия на всей территории византийского макрорегиона¹⁴⁶.

Советская византистика, развитие которой остановилось во второй половине 1930-х гг., стала активно возрождаться с конца 1940-х гг.¹⁴⁷. Исследователи отмечают, что «Создание в 1955 г. сектора византиноведения завершило процесс институционализации советской византистики. Пройденный ею за достаточно короткий срок путь имел сложную траекторию, определившую его дробную периодизацию, ключевую роль в которой сыграли идеологические кампании. Если в середине 40-х годов советское византиноведение мыслилось как прямой наследник лучших традиций дореволюционной науки, то к середине 50-х годов в связи с появлением марксистского проекта советской науки эта дисциплинарная отрасль была переориентирована на полный разрыв с прошлым научным опытом»¹⁴⁸. Проблематика научно-исследовательских работ фокусировалась на изучении общественно-политических и экономических проблем Византии и византийского макрорегиона, а также на искусствоведческих проблемах и филологических исследованиях. Однако, уже с 1970-х гг. ситуация

¹⁴⁴ Меликова В. Д. Некоторые особенности взаимоотношения искусства и религии (на примере изобразительного искусства Древней Руси) // Вестн. Моск. ун-та. Философия. 1967. № 2. С. 81-89.

¹⁴⁵ См., например: Борисова Е. А., Каждан Т. П. Русская архитектура конца XIX – начала XX века. М.: Наука, 1971. 239 с.; Воронин Н. Н. Древняя Русь: история, искусство // Вопросы истории. 1967. № 2. С. 44-58; Зотов А. И. Русское искусство с древних времен до начала XX в. М.: Искусство, 1971. 375 с.; Лазарев В. Н. Московская школа иконописи. М.: Искусство, 1971. 235 с.; Лихачева В. Д., Лихачев Д. С. Художественное наследие др. Руси и современность. Л.: Наука, 1971. 120 с.; Меликова В. Д. Мирская проблематика в религиозной живописи древней Руси // Вопросы научного атеизма. 1968. № 5. С. 137-158; Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура. М.: Наука, 1970. 147 с.; Жегалова С. К. Русская деревянная скульптура // Художник. 1965. № 1. С. 52–57.

¹⁴⁶ Попова О. С. Свет в византийском и русском искусстве XII-XVI веков // Советское искусствознание. 1978. № 1. С. 75-99.

¹⁴⁷ Иванов С. А. Византиноведение и власть в СССР (1928-1948) // Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы: Сб. ст. М.: Ин-т славяноведения, 1995. С. 244-254; Левченко М. В. Византиноведение в СССР // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Сер. Ист. наук. 1949. Вып. 14. № 112. С. 216-236; Курбатов Г. Л. История Византии (историография). Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1975. 256 с.; Удальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. М.: Наука, 1969. 362 с.; Сашанов В. В. Опыт защит диссертаций историками-византинистами в 1940-1950-е гг.: к постановке вопроса // Диссертация по истории в контексте российской научной культуры XIX - середины XX вв.: опыт и перспективы изучения : сборник статей по итогам межрегионального научного семинара. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2016. С. 119-131; Сашанов В. В. «...Изучайте Византию, это золотое дно»: всесоюзные сессии по вопросам византиноведения в 1944-1950-й гг. // Всеобщая история и историческая наука в XX - начале XXI века: материалы II Международной научно-образовательной конференции: в 2 т. Т. 1. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2020. С. 226-230.

¹⁴⁸ Сашанов В. В. Становление советского византиноведения в 40-50-е годы XX века: институциональный аспект // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. № 3. С. 840-850.

меняется¹⁴⁹, и (зачастую под видом изучения византийской философской мысли) появляются работы, посвященные изучению православного богословия. Здесь нельзя не упомянуть публикации С. С. Аверинцева 1980-х гг.¹⁵⁰.

Множество проблем, возникавших в рамках православного религиозно-философского дискурса в советский период затрагивалось в работах историков русской религиозной философии¹⁵¹. Важным событием в советской философской науке становится выход работы А. А. Галактионова и П. Ф. Никандрова «История русской философии»¹⁵². С конца 1960-х¹⁵³ появляется множество работ, в которых тема православия затрагивается в рамках изучения философии славянофилов¹⁵⁴. Это работы Е. А. Дудзинской¹⁵⁵, З. А. Каменского¹⁵⁶, В. В. Кожина¹⁵⁷, В. А. Кошелева¹⁵⁸, В. И. Кулешова¹⁵⁹, Н. А. Цимбаева¹⁶⁰ и др. И в работах других исследователей русской религиозной философии, среди которых необходимо отметить Б. В. Емельянова¹⁶¹ и В. А. Кувакина¹⁶².

Также стоит выделить работы, посвященные древнерусской философской мысли. Различные аспекты древнерусского философствования в этот период стали предметом изучения не только философов, но и историков и исследователей

¹⁴⁹ Курбатов Г. Л. История Византии (историография). Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. 256 с.

¹⁵⁰ См. подробнее: Гусев Е. И. Статьи С. С. Аверинцева о византийской культуре первой половины 80-х годов XX века // Русская филология: ученые записки Смоленского государственного университета. 2018. № 18. С. 235-245.

¹⁵¹ Камнев В. М. Историк философии в переходные времена: 1980-1990-е годы в философии России // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. № 4. С. 99-106.

¹⁵² Галактионов А. А., Никандров П. Ф. История русской философии. М.: Соцэкгиз, 1961. 459 с.

¹⁵³ Дмитриев С. С. Подход должен быть конкретно-исторический // Русская литература. 1969. № 12. С. 76-77.

¹⁵⁴ См., например: Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Славянофильство, его национальные истоки и место в истории русской мысли // Вопросы истории. 1966. № 6. С. 120-130.

¹⁵⁵ Дудзинская Е. А. Славянофилы в общественной борьбе. М.: Мысль, 1983. 272 с.

¹⁵⁶ Каменский З. А. Московский кружок любителей. М.: Мысль, 1980. 327 с.

¹⁵⁷ Кожин В. В. О главном в наследии славянофилов // Русская литература. 1969. № 10. С. 113-130.

¹⁵⁸ Кошелев В. А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840-1850-е годы). Л.: Наука, 1984. 193 с.

¹⁵⁹ Кулешов В. И. Славянофилы и русская литература. М.: Художественная литература, 1976, 288 с.

¹⁶⁰ Цимбаев Н. И. Славянофильство: из истории русской обществ.-полит. мысли XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1986. 269 с.

¹⁶¹ Емельянов Б. В., Князев В. М., Русаков В. М. Проблема человека в русской религиозно-идеалистической философии конца XIX — начала XX века: (Критический анализ) // Историко-философские исследования. 1983. № 7. С. 49-67; Емельянов Б. В., Русаков В. М. Проблема человека: Русские истоки современного буржуазного человековедения // Мировоззренческие проблемы в истории философии. Новосибирск, 1985. С. 79-88; Емельянов Б. В., Любутин К. М. Введение в историю философии: Учеб. пособие для университетов. М.: Высшая школа, 1987. 160 с.; Емельянов Б. В., Бушмилова И. «Наука о человеке» русского богослова В. Несмелова: Критическая оценка // Научно-технический прогресс и творчество: тез. докл. науч.-теорет. конф. Ижевск, 1987. С. 139-141.

¹⁶² Кувакин В. А. Религиозная философия в России: Начало XX века. М.: Мысль, 1980. 310 с.

религии (А. Г. Маньков, П. А. Садиков, Р. Г. Скрынников, Л. В. Черепнин и др.), особенно хотелось бы выделить работы А. А. Зимина¹⁶³, А. И. Клибанова¹⁶⁴, Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье¹⁶⁵, в которых поднимались вопросы, связанные с темами «самовластия», свободы и разномыслия. Исследователи отмечают, что институциализация древнерусской философии в качестве самостоятельного направления историко-философских исследований начинается с краткого очерка М. Н. Тихомирова «Философия в Древней Руси»¹⁶⁶. Вслед за своими дореволюционными предшественниками он отмечал, что в древнерусской культуре существовали две традиции: монашеская (аскетическая) и светская. Институциализация исследования древнерусской философской мысли происходит в 1980-е гг. во многом благодаря работам М. Н. Громова¹⁶⁷, А. Ф. Замалеева¹⁶⁸ и В. В. Милькова.

Среди философских работ также стоит отметить исследования, посвященные осмыслению византийской и древнерусской эстетики, и тут конечно же необходимо выделить публикации В. В. Бычкова, которые начали выходить уже в начале 1970-х гг.¹⁶⁹.

Говоря о советских исследованиях нельзя не упомянуть конфессиональных исследователей, публиковавшихся в изданиях Русской православной церкви (Московского патриархата). В 1943 г. возобновляется выпуск официального печатного органа РПЦ (МП) – «Журнала Московской Патриархии»¹⁷⁰. Это издание в исследуемый период в основном публиковало статьи, посвященные церковной жизни, в 1943-45 гг. ярко освящалась патриотическая деятельность церкви и проч.,

¹⁶³ Зимин А.А. И. С. Пересветов и русские вольнодумцы XVI века // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 3. С. 311-324.

¹⁶⁴ Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 411 с.

¹⁶⁵ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV - начала XVI века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 544 с.

¹⁶⁶ Тихомиров М. Н. Русская культура X-XVIII вв. М.: Наука, 1968. 447 с.

¹⁶⁷ Громов М. Н. Максим Грек философ. М.: Наука, 1984. 189 с.

¹⁶⁸ Замалеев А. Ф., Зоц В. А. Богословы ищут бога: Филос.-атеист. очерки по истории христиан. теологии. Киев: Молодь, 1980. 166 с.

¹⁶⁹ Бычков В. В. Образ как категория византийской эстетики // Византийский временник. 1973. № 34. С. 151-168.

¹⁷⁰ Калашник В. В. Власть и Церковь в СССР (1940-1950 гг.): к историографии проблемы // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. 2016. № 1. С. 141-144.

что сделало журнал ценным источником по истории православия второй половины XX в.¹⁷¹. Как отмечают исследователи церковной периодики: «К 50-м гг. определились основные рубрики ЖМП: офиц. часть, богословский отдел, проповеди, «Церковная жизнь» (с подрубриками «Из жизни епархий», «Вечная память» и др.), «Из жизни Православия». В 1949-1988 гг. существовала рубрика «В защиту мира», с 1989 г. - «За мир и выживание человечества», где «публиковались статьи, демонстрирующие поддержку РПЦ миролюбивых начинаний различных стран: запрещения ядерного оружия, установления добрососедских отношений между гос-вами; часто выходили материалы с критикой капиталистических стран как "поджигателей войны"»¹⁷². С 1961 г. журнал начал уделять значительное внимание экуменизму и деятельности других православных церквей. В нем также появлялись публикации по истории православия (в частности публикации профессора И. Н. Шабатина)¹⁷³.

С 1960 г. стало выходить очень значимое для советского периода издание РПЦ (МП) – «Богословские труды»¹⁷⁴. В них публиковались богословские православные сочинения современных авторов, а также наследие русской религиозно-философской мысли (так были опубликованы самые значимые сочинения о Павла Флоренского). «Богословские труды» издавали также переводы многочисленных источников (в частности перевод «Церковной истории» Евсевия Кессарийского), древнерусские книжные памятники, а также работы по истории церкви (в 1971 г. вышли «Очерки» священника Сергея Мансурова), в 1986 г. два выпуска были посвящены истории Московской и Санкт-Петербургской духовной академий, публиковались работы по истории поместных церквей и по истории

¹⁷¹ См. подробнее: Никитин С. С. Специфика взаимоотношений Финляндской и Русской Православных Церквей после восстановления молитвенно-евхаристического общения (1957-1960 гг.) // Богословский вестник. 2016. № 3-4. С. 207-234; Серпенинов А. «Журнал Московской Патриархии» как источник по изучению истории Троице-Сергиевой лавры (к 75-летию открытия Троице-Сергиевой лавры) // Богословский вестник. 2021. № 4. С. 180-191.

¹⁷² Полищук Е. С. «Журнал Московской Патриархии» // Православная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/182369.html> (Дата обращения 21.07.2023).

¹⁷³ Веретенников П. И. Церковный историк профессор Иван Николаевич Шабатин // Богословский вестник. 2010. № 11-12. С. 537-547.

¹⁷⁴ Историографию трудов, посвященных истории «Богословского вестника», см.: Бочков П. В., свящ. Богословские периодические издания высшей школы Русской Православной Церкви: отечественный опыт и попытка анализа // Ипатьевский вестник. 2022. № 1. С. 91–115.

старокатолического движения¹⁷⁵. Этот пласт советской историографии православия требует отдельного тщательного исследования, выполненного с учетом различных факторов.

2.2. История православия как основное направление в изучении православия

Советские ученые первых двух десятилетий показывали в своих работах зависимость религии в обществе от интересов и целей определенных социальных классов в их политической борьбе. Несмотря на безусловное критическое отношение к обличительному «вульгарному социологизму», мы все равно не можем проигнорировать работы 20-30-х гг. XX в., некоторые из которых отличались академической выверенностью, глубоким пониманием проблемной области и анализом материала.

30-го октября 1922 г. на торжественном собрании Белорусского государственного университета известнейший историк религии, библеист, востоковед и один из основоположников советского религиоведения Н. М. Никольский прочитал доклад «Религия как предмет науки»¹⁷⁶. В своем докладе он охарактеризовал науку о религии как новую в университетах России и молодую в университетах Запада. Историк замечал, что наука не может рассматривать изучаемые явления как что-то сверхъестественное или надприродное, тем самым наука о религии должна поставить свой объект изучения в ряд естественных, как и любое явление для науки. Автор отесняет богословие как область по исследованию религии. Никольский так же является автором первой работы по истории Русской православной церкви, написанной с позиции марксизма-ленинизма в 1930 г.¹⁷⁷ и дважды переиздавшейся в 1931 г. и 1983 г. В

¹⁷⁵ Сергеенко А., прот. Очерки из истории старокатолического движения // Богословские труды. 1960. № 1. С. 111-141.

¹⁷⁶ Никольский Н. М. Религия как предмет науки. Минск: Белтрестпечать, 1923. 47 с.

¹⁷⁷ Никольский Н.М. История русской церкви. М.: Атеист, 1930. 248 с.

книге все важнейшие события из истории православной церкви в России рассматривались в контексте социально-экономического развития страны, в т.ч. показывались социальные предпосылки и условия для возникновения и развития в российском обществе старообрядчества и сектантства. Последней проблематике, несмотря на название книги «История русской церкви», было уделено особое внимание. В этом заключается и причина критики его работы. Сразу после выхода первого, а затем и второго издания, на страницах журнала «Антирелигиозник» вышли рецензии на книгу Никольского, где в качестве минуса работы был отмечен уклон на изложение ситуации в древности, чем на актуальные события до- и пост-революционного времени. Так же отмечалось, что недостаточно раскрыты темы «карательных» действий со стороны церкви к участникам крестьянских восстаний, «происков» духовной цензуры, а очерки по истории старообрядчества и сектантства вообще являются нецелесообразными. С другой стороны, как будут отмечать впоследствии все советские авторы, долгое время (до 1967 г.) книга Н. М. Никольского была единственной работой обобщающего характера.

В целом, если оценивать исследования православия до Великой Отечественной войны, то они проходили под флагом антирелигиозной пропаганды. После того, как в 1943 г. И. В. Сталин провел встречу с иерархами Православной церкви во главе с митрополитом (а чуть позже – патриархом) Сергием (Страгородским) официальная государственная риторика по отношению к церкви смягчается. Много авторов изучали совершенно различные аспекты православия и истории Русской православной церкви в контексте отечественной истории, культуры, церковно-государственных отношений, русского религиозного разномыслия, культа и т.д.

Перед тем, как обратиться к разбору основных тем исследований в рамках изучения православия в советской науке, важно обратить внимание на то, как отечественные религиоведы прошлого века сами определяли круг изучаемых тематик, как они классифицировали объекты исследований, какие вопросы православия казались им особенно актуальными, насущными и дискуссионными.

В 1958 г. в «Вопросах истории религии и атеизма» М. И. Шахнович опубликовал статью «Двадцатипятилетие Музея истории религии и атеизма Академии наук СССР», где подробно был описан экспозиционный план отдела «История православия и русского атеизма» в Музее истории религии и атеизма: «Центральный отдел — «История православия и русского атеизма» — состоит из 57 стендов и множества витрин. Названия стендов: Крещение Руси, Феодализм в древней Руси, Культ святых в период феодальной раздробленности, Церковь и татарское иго, Вольнодумцы древней Руси, Государство и церковь в XVI в., Монастыри-феодалы, Средневековые антинаучные представления, Школа в древней Руси, Государство и церковь XVII в., Раскол церкви, Преследования раскольников, Народные движения XVII в. и церковь, Народный антиклерикализм в XVII в., Петр I и церковь, Свободомыслие в первой половине XVIII в., Самодержавие и православие в XVIII в., Свободомыслие и атеизм во второй половине XVIII в., Народные движения в XVIII в. и церковь, Народное свободомыслие первой половины XIX в., Клерикализм и церковь в первой половине XIX в., Обожествление знати в XVIII—нач. XIX в., Атеизм декабристов, Атеизм А. С. Пушкина, Религия и искусство в XIX в., Церковь и крепостное право, Атеизм революционных демократов XIX в., Н. А. Некрасов и Н. Щедрин о церкви, Л. Н. Толстой о церкви, Церковь в борьбе с революционным движением во второй половине XIX в., Социальные корни религии в деревне XIX в., Пережитки дохристианских верований в XIX в., Религия — опора темноты и невежества, Антинаучные православные представления, Классовая сущность православной этики, Женщина и православие, Старообрядчество XVIII—XIX вв., Сектанство XVIII—XIX вв., Обожествление знати в конце XIX в., Обожествление дома Романовых, Религия и церковь в произведениях русских художников (6 стендов), Распространение марксистского атеизма в России, Православие и капитализм, Кровавое воскресенье — 9 января 1905 г., Первая русская революция и церковь, Декабрьское вооруженное восстание в Москве в 1905 г., Православие в годы реакции, В. И. Ленин о религии, Первая империалистическая война и церковь, Отделение церкви от государства и школы от церкви (1918 г.), Пропаганда атеизма

в первые годы советской власти»¹⁷⁸. Все вышеперечисленные разделы (стенды) представляли собой самостоятельные тематики для советских ученых в рамках исследования истории православия.

Один из важнейших и подробных обзоров литературы по исследованию православия в советской науке был опубликован Е. Ф. Грекуловым и П. К. Курочкиным в «Вопросах научного атеизма» в 1967 г. Обзор был приурочен к пятидесятилетию «победы научно-атеистического мировоззрения». Е. Ф. Грекулов и П. К. Курочкин отмечают, что в советской историографии единственным обобщающим трудом до тех пор все еще остается только «История русской церкви» Н. М. Никольского. Создавалась работа Никольского как часть труда М. Н. Покровского «Русская история с древнейших времен», поэтому, как пишут авторы историографического обзора, «не лишена известных недостатков» в духе «вульгарного социологизма». Но главнейшая заслуга «Истории русской церкви» в том, что это первая попытка рассмотреть историю православия с марксистских позиций.

Первым вопросом, к которому Е. Ф. Грекулов и П. К. Курочкин обращаются в своем обзоре, является тема крещения Руси, замечая, что у Никольского этой проблеме уделено мало внимания, т.к. он считал актуальность этого вопроса инспирированной извне и не столь важной для марксистской критики православия. Е. Ф. Грекулов и П. К. Курочкин называют три работы, которые задавали весь дискурс по теме крещения Руси – это работы С. В. Бахрушина, Б. Д. Грекова и И. У. Будовница.

С. В. Бахрушин в 1937 г. публикует в журнале «Историк-марксист»¹⁷⁹ статью «К вопросу о крещении Киевской Руси»¹⁸⁰ в которой, как замечают Е. Ф. Грекулов и П. К. Курочкин, преувеличил прогрессивное значение процесса крещения Руси, что и повлияло на ряд последующих исследований: «Первую попытку объяснить

¹⁷⁸ Шахнович М. И. Двадцатипятилетие Музея истории религии и атеизма Академии наук СССР // Вопросы истории религии и атеизма. Т. 5. М., 1958. С. 417-418. (411-424).

¹⁷⁹ Впоследствии журнал «Историк-марксист» будет объединен «Историческим журналом» и с 1945 г. будет выходить под названием «Вопросы истории».

¹⁸⁰ Бахрушин С. В. К вопросу о крещении Киевской Руси // Историк-марксист. 1937. № 2. С. 40-77.

принятие христианства процессами внутреннего развития дал С. Бахрушин. Крещение Руси стало возможно вследствие благоприятных социальных предпосылок, и христианство начало распространяться в ней задолго до принятия его Владимиром. С. Бахрушин отметил, что этот акт имел прогрессивное значение и способствовал изжитию остатков родового строя и развитию феодального способа производства. Принятие и распространение христианства помогало разработке феодального законодательства, идеологическому обоснованию и укреплению княжеской власти»¹⁸¹.

Б. Д. Греков в своем фундаментальном труде «Киевская Русь»¹⁸², по мнению авторов обзора, дал четкое объяснение причин распространения православия и принятия христианства Русью и показал множество примеров сопротивления «народных масс» этому процессу: «Церковная организация, по мнению Б. Д. Грекова, стала новым и сильным орудием воздействия на массы в целях их подчинения государственной власти. Ученый показал, что письменность была на Руси еще до принятия христианства, ее развитие вызывалось социальными потребностями того времени. Б. Д. Греков привел многочисленные примеры упорного сопротивления масс внедрению новой религии»¹⁸³.

И. У. Будовниц¹⁸⁴ подчеркивал реакционную роль новой религии, которая «одурманивала» сознание народных масс, «приглушала» классовые противоречия и «тормозила» ход общественного развития. «И. У. Будовниц, подвергая критике преувеличение прогрессивного характера христианизации Руси, отмечает, что крещение не было единовременным и массовым актом, а представляло собой длительный процесс. Он указывает на оригинальность русских литературных

¹⁸¹ Грекулов Е. Ф., Курочкин П. К. Исследование православия в советской литературе // Вопросы научного атеизма. 1967. № 4. С. 289.

¹⁸² Греков Б. Д. Киевская Русь. М.: Госполитиздат, 1953. 568 с.

¹⁸³ Грекулов Е. Ф., Курочкин П. К. Исследование православия в советской литературе // Вопросы научного атеизма. 1967. № 4. С. 290.

¹⁸⁴ Будовниц И. У. К вопросу о крещении Руси // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 3. С. 402-434.

произведений, возникших на почве отечественных политических и социальных отношений»¹⁸⁵.

Следующую тему исследователи видят в истории церкви во время татаро-монгольского ига: «Современная церковная печать много пишет о патриотической роли духовенства в период монгольского нашествия. На самом деле патриотизм проявляли отдельные представители духовенства, тогда как церковь в целом — и этот факт признавал даже церковный историк Е. Е. Голубинский — не только не поднимала своего голоса против захватчиков, но призывала на ханов божье благословение»¹⁸⁶. Среди работ, где затрагиваются проблемные вопросы, отмечаются труд Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского «Золотая орда и ее падение»¹⁸⁷ и статья И. У. Будовниц в «Вопросах истории религии и атеизма»¹⁸⁸: «Будовниц на большом материале показывает, что духовенство было пропитано духом угодничества перед завоевателями, оно использовало народное бедствие в своих интересах и искало у ханов защиты своих привилегий. В свою очередь ханы высоко ценили значение церкви как идеологического орудия, способствовавшего укреплению их господства на Руси»¹⁸⁹.

Отдельно выделялась в советской историографии тема церкви как средневекового феодала. Особое внимание исследователей было обращено к монастырям, которые чаще всего и становились объектом исследования: Софийский собор¹⁹⁰, Иосифо-Волоколамский монастырь¹⁹¹, Соловецкий монастырь¹⁹², Кирилло-Белозерский монастырь¹⁹³. Для изучения церковных вотчин

¹⁸⁵ Грекулов Е. Ф., Курочкин П. К. Исследование православия в советской литературе // Вопросы научного атеизма. 1967. № 4. С. 290.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая орда и ее падение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 479 с.

¹⁸⁸ Будовниц И. У. Русское духовенство в первое столетие монгольского ига // Вопросы истории религии и атеизма. № 7. 1959. С. 284-302.

¹⁸⁹ Грекулов Е. Ф., Курочкин П. К. Исследование православия в советской литературе // Вопросы научного атеизма. 1967. № 4. С. 291.

¹⁹⁰ Греков Б. Д. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI—XVIII вв. // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 33. 1926. С. 201-332.

¹⁹¹ Тихомиров М. Н. Монастырь-вотчинник в XVII в. // Исторические записки. 1938. Т. 3. С. 130-160.

¹⁹² Савич А. А. Соловецкая вотчина в XV—XVII вв. Пермь: О-во ист., филос. и социал. наук при Перм. гос. ун-те, 1947. 280 с.

¹⁹³ Горфункель А. Х. Вотчинное хозяйство и крестьяне Кирилло-Белозерского монастыря: Автореферат дис. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Л., 1956. 16 с.; Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 255 с.

большое значение имели труды Л. В. Черепнина¹⁹⁴: «На основании актового материала автор проследил рост церковного землевладения в северо-восточной Руси, положение крестьян и методы их эксплуатации»¹⁹⁵. Ни одно советское исследование про период феодализма не могло обойтись без ссылок не только на Б. Д. Грекова, но и на М. Н. Тихомирова¹⁹⁶. Тема монастырской экономики была главной и в кандидатской диссертации А. А. Зиминой, которая была им защищена в 1947 г. под научным руководством С. В. Бахрушина. Позже Зиминой вспоминал: «Углубляясь в тему, я постепенно отошёл от её первоначального замысла, — вспоминал Зиминой, — В диссертации... рассматривались источниковедческие сюжеты, история создания монастыря, его землевладение и социальный состав, наконец, идеология и политика монашеской братии (иосифлян). Так как идеи меня всегда зачаровывали, то и в диссертации всё было подчинено одной из них: идеологию и политику иосифлян, на мой взгляд, определяли землевладение и социальный состав Волоколамского монашества»¹⁹⁷.

У советских исследователей православия всегда «через запятую» шли темы феодальных владений церкви и антифеодальных народных движений: «Усиление эксплуатации на землях духовных феодалов, рост церковного землевладения за счет черных крестьянских и вотчинных боярских земель ущемлял интересы не только крестьян, но и городского населения и вызывал протест разных слоев русского общества. Протест этот выражался в различных формах социально-политической борьбы»¹⁹⁸. Последняя тематика представлялась достаточно обширной и включала в себя как и крестьянскую борьбу против церковного и монастырского землевладения¹⁹⁹, так и антифеодальные реформационно-

¹⁹⁴ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. XIV—XV вв. Ч. II. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 10-65; Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV вв. М.: Соцэкгиз, 1960. С. 355-363.

¹⁹⁵ Грекулов Е. Ф., Курочкин П. К. Исследование православия в советской литературе // Вопросы научного атеизма. 1967. № 4. С. 292.

¹⁹⁶ Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV—XV вв. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. С. 179.

¹⁹⁷ Цит. по: Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии, (1930-1950-е гг.). Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та, 2005. С. 703.

¹⁹⁸ Грекулов Е. Ф., Курочкин П. К. Исследование православия в советской литературе // Вопросы научного атеизма. 1967. № 4. С. 293.

¹⁹⁹ См., например: Самсонов А. М. Антифеодальные народные восстания в России и церковь. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 184 с.; Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв. (по «житиям» святых). М.: Наука, 1966. 392 с.; Корецкий В. И. Борьба крестьян с монастырями в России в XVI — начале XVII вв. // Вопросы

гуманистические движения²⁰⁰, деятельность еретиков-вольнодумцев нестяжательного толка²⁰¹. Особенно плодотворно данную тему развивали А. А. Зимин и А. И. Клибанов. В своих автобиографических записках Зимин отмечал, что как исследователь он еще в 40-х годах сформировался во многом под влиянием еще довоенных работ Клибанова²⁰². Однако, имелись у них и некоторые расхождения во взглядах: «Автор [А. А. Зимин – П. Д.] считает, что основным проводником гуманистических идей этого времени были представители дворянства, так как бюргерские элементы не имели еще большого значения. В противовес А. А. Зимину А. И. Клибанов исходит из того, что проводниками гуманистических идей были представители посадского населения»²⁰³. К перечню можно добавить и обособленную тему крестьянских восстаний под предводительством И. И. Болотникова²⁰⁴, С. Т. Разина²⁰⁵, Е. И. Пугачева²⁰⁶. Для исследователей крестьянские войны были наглядным проявлением классовой борьбы и особое внимание они уделяли позиции церкви и духовенства в подавлении/поддержке восстаний, а также антиклерикальным настроениям.

истории религии и атеизма. 1958. № 6. С. 169-215; Горфункель А. Х. Антицерковная борьба крестьян в XVII в. по материалам Белозерского монастыря // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1960. № 4. С. 248-262; Устюгов Н. В. Волнения крестьян Симонова монастыря в с. Ильинском Ярославского уезда в 1682—1683 гг. // Русское государство в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 284-292; Шмидт С. О. К истории монастырской колонизации XVII в. // Вопросы истории религии и атеизма. 1964. № 12. С. 297-316; Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 369-397; Лебедев Н. А. Антицерковные и антирелигиозные настроения среди крестьян Нижегородской губ. в начале XX в. // Вопросы истории религии и атеизма. 1959. № 7. С. 116-127.

²⁰⁰ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV - начала XVI вв. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 544 с.; Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 411 с.

²⁰¹ См., например: Лапшин Р. Г. Феодосий Косой — идеолог крестьянства XVI в. // ТОДРЛ 1953. № 9. С. 235-250; Шелестов Д. К. Свободомыслие в учении Ф. Косого // Вопросы истории религии и атеизма. 1954. № 2. С. 194-217; Корецкий В. И. К вопросу о социальной сущности нового учения Ф. Косого // Вестник Московского университета. 1957. № 2. С. 105-124; Зимин А. А. М. Башкин — вольнодумец XVI в. // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 4. С. 230-245; Зимин А. А. Дело «еретика» Артемия // Вопросы истории религии и атеизма. 1958. № 5. С. 213-232; Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской обществ.-полит. мысли середины XVI в. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 498 с.

²⁰² Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии, (1930-1950-е гг.). Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та, 2005. С. 716.

²⁰³ Грекулов Е. Ф., Курочкин П. К. Исследование православия в советской литературе // Вопросы научного атеизма. 1967. № 4. С. 295.

²⁰⁴ Смирнов И. И. Восстание Болотникова 1606-1607 гг. М.: Госполитиздат, 1951. С. 287-288.

²⁰⁵ Борисов А. М. Церковь и восстание под руководством С. Разина // Вопросы истории. 1965. № 8. С. 74-83.

²⁰⁶ См., например: Кадсон И. З. Восстание Пугачева и раскол // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1960. № 4. С. 222-238; Кадсон И. З. Церковь — активный участник подавления крестьянского восстания под руководством Е. Пугачева // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1962. № 6. С. 291-304.

Учеными пристально рассматривалась история церковно-государственных отношений в России, особенно в средневековый период объединения земель, где церкви и духовенству приписывались различные роли в политической борьбе²⁰⁷. Насколько бы часто в общих работах церковь не называли «опорой царизма» в XIX – нач. XX вв. (либо же опорой княжеской власти в X в.), в контексте данной темы ее противоречиво наделяли чертами антагониста светской власти и вменяли сопротивление «прогрессивным» тенденциям централизации государства: «Православные идеологи стремятся возвысить роль церкви в деле объединения русских земель вокруг Москвы. Будучи крупным феодалом, церковь нередко вступала в противоречие со светской властью и оказывала сопротивление развитию централизованного государства. Она поддерживала светскую власть до тех пор, пока это не противоречило ее собственным интересам, и входила часто в прямой конфликт с нею. В свою очередь светская власть стремилась подорвать экономическую основу независимости церкви, лишить ее привилегий, подчинить ее своему контролю»²⁰⁸. Классическая аксиома о церкви как «пособнице царского режима» зачастую в советской историографии получала описание через метафору «православной инквизиции»²⁰⁹. К истории церковно-государственных отношений можно отнести и специализированную тему исследований об отношении церкви к отмене крепостного права²¹⁰.

Церковному расколу XVII в. и возникновению старообрядчества в советской науке второй половины XX в. было посвящено мало внимания. С удивлением можно обнаружить большее количество специализированных работ в довоенный период (здесь речь идет о количестве работ, но, безусловно, не сравнивается их

²⁰⁷ См., например: Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV вв. М.: Соцэкгиз, 1960. 899 с.; Сахаров А. М. Церковь и образование Русского централизованного государства // Вопросы истории. 1966. № 1. С. 49-65.

²⁰⁸ Грекулов Е. Ф., Курочкин П. К. Исследование православия в советской литературе // Вопросы научного атеизма. 1967. № 4. С. 295.

²⁰⁹ См., например: Грекулов Е. Ф. Православная инквизиция в России. М.: Наука, 1964. 168 с.

²¹⁰ См., например: Грекулов Е. Ф. Церковь и отмена крепостного права // Вопросы истории религии и атеизма. 1962. № 10. С. 76-112; Крикунов В. П. Антицерковные настроения крестьян в пореформенной России // Вопросы истории религии и атеизма. 1962. № 10. С. 128-142; Пойда Д. П. Борьба крестьян Правобережной Украины против духовенства в пореформенный период // Вопросы истории религии и атеизма. 1962. № 10. С. 113-127; Лимантов Н. В. Культ реакционера Филарета в современном православии // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1962. № 6. С. 90-101.

качество). В послевоенный период упоминание старообрядчества чаще всего встречается в работах обобщающего характера, где развитие движения описывается через борьбу крестьян, ремесленников и торговцев (посадских людей) против феодальной эксплуатации.

Особенную реакцию советских исследователей православия вызывала тема борьбы церкви с наукой в России: «Православие относилось к науке, особенно материалистической, с непримиримой враждебностью. Духовенство проповедовало о бессилии науки, восставало против распространения материалистических идей, против популяризации научных знаний среди широких масс. Нападкам особенно подвергалась деятельность революционных демократов, передовых ученых, боровшихся за победу науки над религией, против церковного влияния на просвещение»²¹¹. Провозглашая атеистическое мировоззрение, которое, по их мнению, полностью построено на фундаменте научного знания, ученые в СССР где-то даже эмоционально писали о религиозном влиянии на просвещение²¹². Как можно заметить, для советской историографии характерно было относить творчество, например, революционных демократов, петрашевцев и пр. «вольнодумцев» XIX в. непосредственно к пропаганде научной картины мира.

На протяжении всей истории советской науки сохраняла непреходящую актуальность исследовательская проблематика революции 1917 г. – центрального события советской историософии и начала нового советского летоисчисления. Безусловно, для религиоведов главный интерес представляла позиция церкви и духовенства по отношению к революции, революционным народным массам,

²¹¹ Грекулов Е. Ф., Курочкин П. К. Исследование православия в советской литературе // Вопросы научного атеизма. 1967. № 4. С. 300.

²¹² См., например: Шахнович М. И. Русская церковь в борьбе с наукой. Л.: Лениздат, 1939. 192 с.; Грекулов Е. Ф. Православная церковь — враг просвещения. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 192 с.; Будилова Е. А. Борьба церкви против рефлексорной теории И. М. Сеченова // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 3. С. 152-183; Ковалев И. Ф. Преследования учения Ч. Дарвина царской цензурой // Вопросы истории религии и атеизма. 1959. № 7. С. 410-421; Харахоркин Л. Р. Из истории борьбы дарвинизма с религией // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1959. № 3. С. 222-248; Пушкарев Л. Н. Критика церкви и духовенства в трудах И. Г. Прыжова // Вопросы истории религии и атеизма. 1954. № 2. С. 128-153; Пушкарев Л. Н. Критика религии и церкви И. А. Худяковым // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 3. С. 184-213; Лейкина-Свирская В. Р. Атеизм петрашевцев // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 3. С. 214-236; Чубинский В. В. Вопросы религии в работах М. А. Антоновича // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 4. С. 137-158; Кирпотин В. Я. Критика религии в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 4. С. 120-136.

новому правительству, гражданской войне и пр.²¹³: «Октябрьскую революцию большинство духовенства встретило непримиримо враждебно. Современные защитники православия, искажая действительную историю, утверждают, будто русская церковь всегда была вместе с народом, жила его интересами и стремлениями. Церковники выступили против Декрета об отделении церкви от государства, мероприятий Советской власти по изъятию церковных ценностей <...> В годы гражданской войны и интервенции православная церковь принимала активное участие в попытках внутренней и внешней контрреволюции задушить молодую советскую республику. Возглавлявший церковную иерархию патриарх Тихон вел антисоветскую пропаганду, подстрекал верующих к активным контрреволюционным действиям, помогая врагам нового общественного строя»²¹⁴. Зачастую, сразу за темой православной церкви и революции, рассматривался круг вопросов, посвященных обновленчеству: «Обновленческое движение 20—30-х гг. наследовало традиции русского религиозного либерализма дореволюционного времени и *предвосхитило модернизацию современного русского православия* [курсив мой – П. Д.]. В этом заключена актуальность исследования этого движения»²¹⁵. С одной стороны, вопросы обновленческого раскола в православной церкви в 1920-х гг. предвосхищают одну из главных тем в истории изучения православия в СССР второй половины XX в. – обновления православного богословия в XX в. Однако, с другой стороны, как можно заметить, возвращение к проблематике самого обновленческого раскола в послевоенный период на самом деле уже не представляется актуальным для советских авторов, что наглядно

²¹³ См., например: Платонов Н. Ф. Православная церковь в борьбе с революционным движением (1900-1917) // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1960. № 4. С. 103-209; Емелях Л. И. Атеизм и антиклерикализм народных масс в 1917 г. // Вопросы истории религии и атеизма. 1958. № 5. С. 64-72; Емелях Л. И. Из истории антиклерикализма и атеизма русских крестьян в 1905-1907 гг. // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1959. № 3. С. 265-286; Емелях Л. И. Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М.; Л.: Наука, 1965. 201 с.; Гаркавенко Д. А. Рост атеистических и антирелигиозных настроений в армии и флоте в 1917 г. // Вопросы истории религии и атеизма. 1960. № 8. С. 193-218; Осипова Е. С. Церковь и Временное правительство // Вопросы истории. 1964. № 6. С. 65-76.

²¹⁴ Грекулов Е. Ф., Курочкин П. К. Исследование православия в советской литературе // Вопросы научного атеизма. 1967. № 4. С. 304-305.

²¹⁵ Там же. С. 307-308.

продемонстрировано количеством релевантных исследований, отмеченных в обзоре П. К. Курочкина и Е. Ф. Грекулова²¹⁶.

Провозглашение на XXII съезде ЦК КПСС наступления периода научно-атеистического воспитания положило начало работам о «модернизации православного богословия», «эволюции современного православия» и «приспособления православия к социализму»²¹⁷. Отдельной подтемой можно назвать «социально-нравственную концепцию православия» (и «клерикальные попытки сближения ее с нравственной концепцией коммунизма»)²¹⁸. Е. Ф. Грекулов и П. К. Курочкин отдельно отмечают коллективную монографию «Современное православие и его идеология»²¹⁹, про которую пишут, что «книга рассматривает вопрос о православии как разновидности христианства, серьезно анализирует современную православную интерпретацию науки и нравственности, роль и место культа в современной русской церкви... Правда, рассматривая соотношение старого и нового в идеологии и культе современного православия, работа преуменьшает размах и глубину его модернистских тенденций»²²⁰. Также они упоминают монографию М. П. Новикова «Православие и современность»²²¹, которая получила «высокую оценку атеистической общественности». Однако, по мнению авторов, «ни размах, ни уровень исследовательской работы по

²¹⁶ Отмечена только одна работа: Шейнман М. М. Обновленческое течение в русской православной церкви после Октября // Вопросы научного атеизма. 1966. № 2. С. 41-64.

²¹⁷ См., например: Платонов Н. Ф. Православная церковь в 1917—1935 гг. // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1961. № 5. С. 206-271; Ладоренко В. Е. К вопросу об изменении политической ориентации русской православной церкви (1917—1945) // Вопросы истории религии и атеизма. 1964. № 12. С. 106-123; Курочкин П. К. Критика современного русского православия. М.: Знание, 1963. 48 с.; Ковалев С. И. Православное богословие и открытия в районе Мертвого моря // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1960. № 4. С. 3-9; Новиков М. П. О модернизации религиозной идеологии // Вопросы научного атеизма. 1966. № 1. С. 415-425; Красников Н. П. О приспособленчестве православного духовенства к современным условиям // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1963. № 7. С. 107-112; Янкова З. Я. Современное православие и антиобщественная сущность его идеологии // Вопросы истории религии и атеизма. 1963. № 11. С. 67-94.

²¹⁸ См., например: Курочкин П. К. Православие и гуманизм. М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1962. 167 с.; Анисимов С. Ф. Нравственный прогресс и религия. М.: Мысль, 1965. 183 с.; Гордиенко Н. С. Элементы модернизма в православном вероучении // Вопросы научного атеизма. 1966. № 2. С. 167-197; Харахоркин Л. Р. Русское православие против науки в прошлом и настоящем // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1960. № 4. С. 30-51; Шалаев Ю. М. Современное православие и наука. М.: Мысль, 1964. 87 с.; Гордиенко Н. С. Новые веяния в православной экзегетике // Вопросы научного атеизма. 1966. № 1. С. 150-178.

²¹⁹ Гордиенко Н. С., Носович В. И., Харахоркин Л. Р. Современное православие и его идеология. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 205 с.

²²⁰ Грекулов Е. Ф., Курочкин П. К. Исследование православия в советской литературе // Вопросы научного атеизма. 1967. № 4. С. 311.

²²¹ Новиков М. П. Православие и современность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. 253 с.

современному православию — при всех бесспорных ее достижениях — еще не удовлетворяет запросы практики научно-атеистического воспитания»²²².

В 1974 г. Е. Ф. Грекулов публикует библиографический указатель советской исторической литературы по исследованию православия, старообрядчества и сектантства²²³. Всего автор выделяет 15 тематических групп: «В. И. Ленин о религии и церкви», «Отношение КПСС и Советского государства к религии и церкви», «Православная церковь, ее история», «Современное православие, попытки его модернизации», «Старообрядчество», «Сектантство – работы общего характера», «О свободе совести в СССР», «Религиозная мораль, ее критика. Мораль коммунистическая», «Борьба с религиозной идеологией в вопросах воспитания и образования», «Противоположность науки и религии», «Противоположность идеологии православия и научного коммунизма», «Использование памятников церковного искусства и литературы в антирелигиозной пропаганде», «Антицерковное и атеистическое движение в СССР», «Деятельность виднейших атеистов», «Изучение религиозности в СССР. Преодоление религиозных пережитков».

Про отношение В. И. Ленина к религии и церкви Е. Ф. Грекуловым в основном указаны статьи 1967 – 1971 гг. в «Вопросах научного атеизма», «Науке и религии» и «Вопросах философии». Этот факт объясняется кануном празднования столетия со дня рождения вождя пролетарской революции, которое отмечали в 1970 г. В 1969 г. в «Вопросах научного атеизма» вышел целый том полностью посвященный рецепции идей В. И. Ленина по отношению к религии. Среди

²²² Грекулов Е. Ф., Курочкин П. К. Исследование православия в советской литературе // Вопросы научного атеизма. 1967. № 4. С. 309-310.

²²³ Грекулов Е. Ф. Библиографический указатель литературы по исследованию православия, старообрядчества и сектантства в советской исторической науке за 1922-1972 годы. М.: Знание, 1974. 258 с.

источников так же указаны статьи²²⁴, брошюры²²⁵, монографические исследования²²⁶ и сборники²²⁷ известных советских религиоведов.

«Отношение КПСС и Советского государства к религии и церкви» Е. Ф. Грекуловым отмечено работами М. М. Персица²²⁸, П. К. Курочкина²²⁹ и председателя Совета по делам религий В. А. Куроедова²³⁰.

Непосредственная тема истории изучения православия в указателе разделена на две части: историю православия и современное состояние (на момент 1974 г.). Из исторической подтемы выделяются множественные ссылки на статьи в «Журнале Московской патриархии» и популярные краткие заметки из «Науки и религии». В историческую часть Е. Ф. Грекулов отнес тему обновленчества²³¹, в т.ч. указаны брошюры обновленческого митрополита А. И. Введенского и главная работа А. А. Шишкина, которая вышла в 1970 г. и не могла найти отражение в предыдущем историографическом обзоре 1967 г. В историческую тематику автор включил вопросы крещения Руси²³²; церковного/монастырского землевладения и народной борьбе с ним²³³; общественной мысли, вольнодумства и еретических

²²⁴ См., например: Кривелев И. А. В. И. Ленин и некоторые актуальные вопросы атеистической пропаганды // Вопросы истории религии и атеизма. 1960. №8. С. 3-28; Шахнович М. И. Ленин о православной церкви // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1960. №4. С. 52-102.

²²⁵ См., например: Емелях Л. И. Критика В. И. Лениным православия. Л.: Знание, 1971. 31 с.; Цамерян И. П. В. И. Ленин о религии. М.: Знание, 1959. 32 с.; Шахнович М. И. Ленинское атеистическое наследие в кривом зеркале ревизионистов. М.: Знание, 1971. 40 с.

²²⁶ См., например: Кривелев И. А. Ленин о религии. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 239 с.; Шахнович М. И. Ленин и проблемы атеизма. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 671 с.

²²⁷ В. И. Ленин об атеизме, религии и церкви / Сб. статей под ред. Ю. П. Францева. Сост.: М. М. Персиц и др. М.: Мысль, 1969. 318 с.

²²⁸ Персиц М. М. Великая Октябрьская социалистическая революция и отделение церкви от государства // Вопросы истории. 1954. № 11. С. 11-22. Персиц М. М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР (1917-1919 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1958. 198 с.

²²⁹ Валентинов А. А., Курочкин П. К., Цамерян И. П. Строительство коммунизма и преодоление религиозных пережитков. М.: Наука, 1966. 254 с.

²³⁰ Куроедов В. А. Религия и закон. М.: Знание, 1970. 61 с.

²³¹ См., например: Шейнман М. М. Обновленческое течение в русской православной церкви после Октября // Вопросы научного атеизма. 1966. № 2. С. 41-64; Гордиенко Н. С., Курочкин П. К. Либерально-обновленческое движение в русском православии начала XX в. // Вопросы научного атеизма. 1969. № 7. С. 313-340; Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола русской православной церкви. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1970. 367 с.; Трифонов И. Я. Разгул в русской православной церкви (1922-1925 гг.) // Вопросы истории. 1972. № 5. С. 64-87.

²³² См., например: Бахрушин С. В. К вопросу о крещении Киевской Руси // Историк-марксист. 1937. № 2. С. 40-77; Греков Б. Д. Киевская Русь. М.: Госполитиздат, 1953. 568 с.; Будовниц И. У. К вопросу о крещении Руси // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. №3. С. 402-434.

²³³ См., например: Борисов А. М. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI-XVII вв. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1966. 284 с.; Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV-XVI веках (По «житиям святых»). М.: Наука, 1966. 392 с.; Будовниц И. У. Первые русские

течений²³⁴; политической роли церкви в период централизации средневекового российского государства²³⁵; связи церкви с общим уровнем культурного развития в древности и средневековье²³⁶; опричнины²³⁷; религиозной философии²³⁸; революционных пертурбаций начала XX в.²³⁹; патриотической позиции церкви во

нестяжатели // Вопросы истории религии и атеизма. 1958. №5. С. 264-284; Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в северо-восточной Руси. Т. 1. Ч. 1: Частное землевладение; Ч. 2: Землевладение митрополичьего дома. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 496 с.; Гонтаев Н. М. Церковь и феодализм на Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 167 с.; Горфункель А. Х. Вотчинное хозяйство и крестьяне Кирилло-Белозерского монастыря. Автореф. Дисс. Канд. ист. наук. Л., 1956. 16 с.; Кадсон И. З. Антицерковная борьба народных масс в России в трудах советских историков // Вопросы истории. 1969. №3. С. 151-157; Кадсон И. З. Церковь – активный участник подавления крестьянского восстания под руководством Е. Пугачева // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1962. №6. С. 291-304; Казакова Н. А. Борьба против монастырского землевладения на Руси в конце XIV – нач. XV в. // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1958. №2. С. 151-171; Казакова Н. А. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека // Византийский временник. 1968. № 28. С. 109-126; Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 544 с.; Корецкий В. И. Борьба крестьян с монастырями в России в XVI – начале XVII в. // Вопросы истории религии и атеизма. 1958. № 6. С. 169-215; Корецкий В. И. Голод в 1601-1603 гг. в России и церковь // Вопросы истории религии и атеизма. 1959. № 7. С. 218-256; Рындзюнский П. Н. Антицерковное движение в Тамбовском крае в 60-х гг. XVIII в. // Вопросы истории религии и атеизма. 1954. № 2. С. 154-193; Самсонов А. М. Антифеодальные народные восстания в России и церковь. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 184 с.; Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М.: Наука, 1961. 445 с.

²³⁴ См., например: Будовниц И. У. Русская публицистика XVI века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 308 с.; Зимин А. А. Башкин М. – вольнодумец XVI в. // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. №4. С. 230-245; Зимин А. А. Дело «еретика» Артемия // Вопросы истории религии и атеизма. 1958. № 5. С. 213-232; Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской обществ.-полит. мысли середины XVI в. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 498 с.; Клибанов А. И. Реформационные движения в XIV – половине XV вв. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 411 с.; Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI вв. Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 532 с.

²³⁵ См., например: Лурье Я. С. Борьба церкви с великосветской властью в конце 70-х – первой половине 80-х годов XV в. // ТОДРЛ. 1958. № 4. С. 209-218; Будовниц И. У. Русское духовенство в первое столетие монгольского ига // Вопросы истории религии и атеизма. 1959. №7. С. 284-302; Сахаров А. М. Церковь и образование Русского централизованного государства // Вопросы истории. 1966. № 1. С. 49-65; Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV вв. М.: Соцгиз, 1960. 899 с.; Щапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965. 476 с.; Щапов Я. Н. Церковь и становление древнерусской государственности // Вопросы истории. 1969. № 11. С. 55-84; Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церкви в Древней Руси XI-XIV вв. М.: Наука, 1972. 338 с.

²³⁶ См., например: Воронин Н. Н., Кузьмин А. Г. Духовная культура древней Руси // Вопросы истории. 1972. №9. С. 113-120; Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 1970. 180 с.; Молева Н. М. Музыка и религия в России XVII столетия // Вопросы истории. 1971. № 11. С. 143-154; Тихомиров М. Н. Русская культура X-XVIII вв. М.: Наука, 1968. 447 с.; Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV-XV вв. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1957. С. 238-272.

²³⁷ См., например: Зимин А. А. Митрополит Филипп и опричнина // Вопросы истории религии и атеизма. 1963. №11. С. 269-292.

²³⁸ См., например: Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Русская философия. Л.: Наука, 1970. 651 с.; Григорьян М. М. К характеристике религиозно-философской концепции славянофильства // Вопросы научного атеизма. 1970. № 10. С. 130-148; Семенкин Н. С. Апология христианства в русской религиозной философии (К критике идей Вл. Соловьева и его последователей) // Вопросы научного атеизма. 1969. № 7. С. 38-62; Синютина К. С. Критика христианской социологии С. Н. Булгакова // Вопросы научного атеизма. 1972. № 13. С. 94-118; Янов А. Л. Славянофилы и Константин Леонтьев // Вопросы философии. 1969. № 8. С. 97-106.

²³⁹ См., например: Бонч-Бруевич В. Д. Гапон и гапоновщина // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 3. С. 15-47; Осипова Е. С. Поместный собор православной церкви 1917-1918 гг. // Вопросы научного атеизма. 1967. № 3. С. 204-226; Осипова Е. С. Церковь и Временное правительство // Вопросы истории. 1964. № 6. С. 65-76; Петренко М. З., Шиденко В. А. Киево-Печерская лавра в борьбе против революции // Вопросы истории. 1956. № 3. С. 132-136; Плаксин Р. Ю. Крах церковной контрреволюции 1917-1923 гг. М.: Наука, 1968. 192 с.; Плаксин Р. Ю. Церковная контрреволюция в дни Октября // Вопросы истории. 1964. № 11. С. 45-53; Платонов Н. Ф. Православная церковь в борьбе с революционным движением (1900-1917) // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1960. № 4. С. 103-209.

время Великой Отечественной войны²⁴⁰ и др. Также упоминаются проблемы культа и вероучения²⁴¹, современного православия²⁴². Выделены энциклопедические статьи²⁴³ и работы общего характера²⁴⁴. Отдельно Е. Ф. Грекулов указал труды за собственным авторством²⁴⁵.

В подтему современного православия по большей части вошли материалы по «попыткам его модернизации», в т.ч. аспекты социально-нравственного учения церкви и сравнения его с коммунистической моралью²⁴⁶. Данный тематический

²⁴⁰ См., например: Русская православная церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. М.: Московская патриархия, 1943. 100 с.; Суглобов Г. А. Союз креста и меча. (Церковь и война). М.: Воениздат, 1969. 145 с.

²⁴¹ См., например: Белов А. В. Правда о православных «святых». М.: Наука, 1968. 168 с.; Белов А. В. Рождество Христово. М.: Политиздат, 1965. 80 с.; Воропаева К. Л. О Пасхе. М.: Госполитиздат, 1959. 47 с.; Емелях Л. И. Происхождение религиозных обрядов. Л.: Лениздат, 1959. 78 с.; Емелях Л. И. Происхождение христианского культа. Л.: Лениздат, 1971. 200 с.

²⁴² См., например: Вершинская А. А., Рамм Б. Я., Сердобольская Л. А. Некоторые вопросы истории СССР в освещении церковной печати // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1960. №4. С. 10-20; Лимантова Н. Я. Культ реакционера Филарета в современном православии // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1962. № 6. С. 90-101.

²⁴³ См., например: Аверинцев С. С., Курочкин П. К. Православие // Философская энциклопедия. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 333-336; Корецкий В. И., Буганов В. И. Православная церковь // Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 504-510; Каждан А. П. Православная церковь // Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 502-504.

²⁴⁴ См., например: Каждан А. П., Сахаров А. М., Токарев С. А. Церковь в истории России. (IX в. - 1917 г.). М.: Наука, 1967. 336 с.

²⁴⁵ См., например: Грекулов Е. Ф. Православная церковь – враг просвещения, М.: Изд-во АН СССР, 1962. 192 с.; Грекулов Е. Ф. Церковь и отмена крепостного права // Вопросы истории религии и атеизма. 1962. № 10. С. 76-112.; Грекулов Е. Ф. Церковь, самодержавие, народ (2-я половина XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1969. 184 с.; Грекулов Е. Ф., Курочкин П. К. Исследование православия в советской литературе // Вопросы научного атеизма. 1967. № 4. С. 287-325.

²⁴⁶ См., например: Гордиенко Н. С. Идеология современного православия (критическ. анализ модернистских тенденций соврем. Православия). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. философ. наук. Минск, 1969. 38 с.; Гордиенко Н. С. Критика философской аргументации современного православия // Вопросы философии. 1962. № 10. С. 48-56; Гордиенко Н. С. Новые веяния в православной экзегетике // Вопросы научного атеизма. 1966. № 1. С. 150-178; Гордиенко Н. С. Современное православие. М.: Мысль, 1968. 143 с.; Гордиенко Н. С. Современный экуменизм. Движение за единство христианских церквей. М.: Наука, 1972. 200 с.; Гордиенко Н. С. Элементы модернизма в православном вероучении // Вопросы научного атеизма. 1966. № 2. С. 167-197; Гордиенко Н. С., Курочкин П. К. Либерально-обновленческое движение в русском православии начало XX в. // Вопросы научного атеизма. 1969. № 7. С. 313-340; Гордиенко Н. С., Носович В. И., Харахоркин Л. П. Современное православие и его идеология. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 205 с.; Ковалев С. И. Православное богословие и открытия в районе Мертвого моря (О модернизации православной церкви) // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1960. № 4. С. 3-9; Красников Н. П. В погоне за веком (Отражение социальных процессов в богословских трудах и проповеднической деятельности православных священнослужителей). М.: Политиздат, 1968. 160 с.; Красников Н. П. О приспособленчестве православного духовенства к современным условиям // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1963. № 7. С. 107-113; Красников Н. П. Эволюция социальной концепции православия // Вопросы истории. 1970. № 9. С. 16-33; Крывелев И. А. Новейшие приемы религиозной апологетики. М.: Знание, 1971. 63 с.; Курочкин П. К. К оценке процесса модернизации религии в современных условиях // Вопросы научного атеизма. 1966. № 2. С. 5-40; Курочкин П. К. Критика современного русского православия. М.: Знание, 1963. 48 с.; Курочкин П. К. Социальная позиция русского православия. М.: Знание, 1969. 45 с.; Курочкин П. К. Эволюция современного русского православия. Автореф. дис. на соискание учен. степ. д-ра филос. наук. М., 1970. 44 с.; Курочкин П. К. Эволюция современного русского православия. М.: Мысль, 1971. 270 с.; Новиков М. П. О модернизации религиозной идеологии. (Освещение современного православия в атеистической литературе) // Вопросы научного атеизма. 1966. № 1. С. 415-425; Новиков М. П. Православие и современность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. 253 с.;

блок у автора представлен в основном статьями, брошюрами и книгами Н. С. Гордиенко, П. К. Курочкина и Н. П. Красникова.

Отдельно выделены темы старообрядчества²⁴⁷ и сектантства, причем последняя тема после работ общего характера имеет следующие подпункты по различным течениям: адвентисты, баптисты-евангелисты, духоборы, иеговисты, истинно-православные христиане, меннониты, молокане, пятидесятники, скопцы, толстовцы, трезвенники и пр.

Тема свободы совести в СССР²⁴⁸ схожа с предшествовавшей темой «отношение КПСС и Советского государства к религии и церкви». Ряд следующих тем, большинство из которых стали актуальными после 1961 г., уже находил частичное отражение в списках работ, посвященных общей истории православия и его современному состоянию: «религиозная мораль, ее критика и мораль коммунистическая»²⁴⁹, «борьба с религиозной идеологией в вопросах воспитания и

Носович В. И. Роль культа в православной церкви // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1962. № 6. С. 74-89; Чертихин В. Е. Идеология современного православия М.: Наука, 1965. 136 с.

²⁴⁷ См., например: Бахтинский В. С., Молдавский Д. М. Старообрядческие народные легенды о начале раскола, о табаке и бранобритии // ТОДРЛ. 1958. № 14. С. 421-422; Грекулов Е. Ф. Православная инквизиция в России. М.: Наука, 1964. 168 с.; Кадсон И. З. Восстание Пугачева и раскол // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1960. № 4. С. 222-238; Коган Д. М. О преодолении религиозных пережитков у старообрядцев // Вопросы истории религии и атеизма. 1964. № 12. С. 37-43; Миловидов В. Ф. Старообрядчество в прошлом и настоящем. М.: Мысль, 1969. 112 с.; Миловидов В. Ф. Старообрядчество и социальный прогресс // Вопросы научного атеизма. 1966. № 2. С. 198-224; Мюллер Р. Б. Из истории раскола на севере России (Самосожжение в Палеострове) // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1958. № 2. С. 172-182; Румянцева В. С. Огнепальный Аввакум // Вопросы истории. 1972. № 11. С. 111-125; Рындзюнский П. Г. Старообрядческая организация в условиях развития промышленного капитализма // Вопросы истории религии и атеизма. 1950. № 1. С. 188-248; Сарафанова Н. С. Идея равенства людей в сочинениях протопопа Аввакума // ТОДРЛ. 1958. № 14. С. 385-390.

²⁴⁸ См., например: Бонч-Бруевич В. Д. Свобода совести в СССР // Вопросы истории религии и атеизма. 1954. № 2. С. 11-28.

²⁴⁹ См., например: Андреев Г. Л., Ладоренко В. Е., Полякова Л. П. Социальные и нравственные принципы коммунизма в интерпретации современных христианских богословов // Вопросы истории религии и атеизма. 1966. № 2. С. 110-140; Гордиенко Н. С. Библейская мораль на службе идеологов православия // Вопросы философии. 1963. № 10. С. 80-90; Гордиенко Н. С. Моральный кодекс строителей коммунизма против христианской нравственности // Вопросы истории религии и атеизма. 1963. № 7. С. 8-24; Гордиенко Н. С. Православное духовенство о нравственности // Вопросы истории религии и атеизма. 1962. № 6. С. 102-120; Притыкин Я. М. Современные православные «моралисты» и историческая действительность (Из истории борьбы православной церкви против социализма и атеизма) // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1963. № 8. С. 155-168; Сытенко Л. Т. О нравственном облике современного верующего // Вопросы научного атеизма. 1967. № 3. С. 113-130.

образования»²⁵⁰, «противоположность науки и религии»²⁵¹, «противоположность идеологии православия и научного коммунизма»²⁵².

Последние три темы указателя: «антицерковное и атеистическое движение в СССР», «деятельность виднейших атеистов», «изучение религиозности в СССР и преодоление религиозных пережитков». Можно заметить, что ряд работ по истории антицерковных и атеистических настроений и движений во многом идентичны по тематике другим работам, которые встречались в блоке по общей истории православия, но сейчас уже выделены автором в самостоятельную группу²⁵³.

²⁵⁰ См., например: Персиц М. М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР. М.: изд-во АН СССР, 1958. 198 с.; Рындынский П. Г. Борьба за преодоление религиозных влияний в советской школе (1917-1919) // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 3. С. 47-86.

²⁵¹ См., например: Бояринцев В. И. Новые попытки приспособления религии к современному естествознанию // Вопросы научного атеизма. 1966. № 2. С. 141-164; Иванов И. Г. Атеистическое значение трудов советских естествоиспытателей // Вопросы научного атеизма. 1967. № 4. С. 205-242; Крывелев И. А. Религиозная картина мира и ее богословская модернизация. М.: Наука, 1968. 292 с.; Харахоркин Л. В. Из истории борьбы дарвинизма с религией // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1959. № 3. С. 222-248; Харахоркин Л. Р. Об отношении современного православия к науке // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1962. № 6. С. 60-78; Харахоркин Л. В. Русское православие против науки в прошлом и настоящем // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1960. № 4. С. 30-51; Харахоркин Л. Р. Современное православие и наука // Вопросы философии. 1969. № 11. С. 117-123; Шахнович М. И. Мистика перед судом науки. М.: Знание, 1970. 62 с.; Шахнович М. И. Советская наука против религии. Л.: Лениздат, 1958. 87 с.; Шахнович М. И. Современная мистика в свете науки. М.; Л.: Наука, 1965. 207 с.

²⁵² См., например: Митрохин Л. Н. О «диалоге» марксистов и христиан // Вопросы философии. 1971. № 7. С. 48-58; Окулов А. Ф. Социальный прогресс и религия // Вопросы научного атеизма. 1967. № 4. С. 445-453; Цамерян И. П. Коммунизм и религия. М.: Наука, 1967. 200 с.

²⁵³ См., например: Борисов А. М. Церковь и восстание под руководством С. Разина // Вопросы истории. 1965. № 8. С. 74-83; Гаркавенко Д. А. Рост атеистических и антирелигиозных настроений в армии и флоте в 1917 г. // Вопросы истории религии и атеизма. 1960. № 8. С. 192-218; Емелях Л. И. Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М.; Л.: Наука, 1965. 201 с.; Емелях Л. И. Атеизм и антиклерикализм народных масс в 1917 г. // Вопросы истории религии и атеизма. 1958. № 5. С. 64-72; Емелях Л. И. Из истории антиклерикализма и атеизма русских крестьян в 1905-1907 гг. // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1959. № 3. С. 265-286; Емелях Л. И. Секретные донесения православной церкви об антиклерикализме и атеизме крестьян в период первой русской революции // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1962. № 6. С. 320-338; Итенберг Б. С. Революционные народники и вопросы религии // Вопросы истории религии и атеизма. 1963. № 11. С. 293-305; Кирпотин В. Я. Критика религии в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 4. С. 120-136; Клибанов А. И. «Самостийная ересь». (Из истории русского свободомыслия конца XV – половины XVI в.) // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 4. С. 203-229; Клибанов А. И. Свободомыслие в Твери в XV-XVI вв. // Вопросы истории религии и атеизма. 1958. № 6. С. 231-260; Клибанов А. И. К изучению генезиса еретических движений в России // Вопросы истории религии и атеизма. 1959. № 7. С. 186-217; Ковалев И. Ф. О борьбе церкви с Л. Н. Толстым // Вопросы истории религии и атеизма. 1960. № 8. С. 348-376; Коган Ю. Я. Из истории распространения антихристианских памфлетов в России XVIII в. // Вопросы истории религии и атеизма. 1955. № 3. С. 253-277; Коган Ю. Я. Преследование русских вольнодумцев во 2-й половине XVIII в. // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 4. С. 182-202; Козачкова Д. А. Зарождение и развитие антицерковной идеологии в др. Руси // Вопросы истории религии и атеизма. 1958. № 5. С. 283-314; Крикунов В. П. Антицерковные настроения крестьян в пореформенной России // Вопросы истории религии и атеизма. 1962. № 10. С. 128-142; Лапшин Р. Г. Феодосий Косой – идеолог крестьянства // ТОДРЛ. 1953. № 9. С. 235-250; Лебедев Н. А. Антицерковные и антирелигиозные настроения среди крестьян Нижегородской губернии в начале XX в. // Вопросы истории религии и атеизма. 1959. № 7. С. 116-127; Персиц М. М. Атеизм русского рабочего. М.: Наука, 1965. 257 с.; Персиц М. М. Великая Октябрьская социалистическая революция и создание условий для распространения атеизма в массах // Вопросы научного атеизма. 1967. № 4. С. 15-37; Персиц М. М. Из истории народного свободомыслия в России // Вопросы истории религии и атеизма. 1950. № 1. С. 137-154; Персиц М. М. Русские атеистические сборники конца XVIII – начала XIX в. // Вопросы истории религии и атеизма. 1969. № 7. С. 361-409; Пушкарев Л. Н. Критика религии

В 1986 г. сотрудниками Государственного музея истории религии и атеизма Л. И. Емелях²⁵⁴ и Я. Я. Кожуриным в преддверии юбилея тысячелетия принятия христианства на Руси была написана работа о репрезентации этого события в советской исторической науке. В рамках своего историографического обзора авторы выделили следующие темы: «Вымыслы о католическом «крещении Руси», «Был ли апостол Андрей на Руси?», «Как появилось христианство на Руси», «Православное язычество», «Классовая сущность христианизации Руси», «Древнерусская культура и христианство», «Древнерусское вольнодумство».

Работа является как историографическим исследованием, так и непосредственным источником, который, учитывая время публикации, представляет собой финальную точку развития теории и выводы, к которым пришло советское религиоведение по теме истории крещения Руси. Последнее обстоятельство будет рассмотрено далее в соответствующем параграфе.

Авторы отмечают, что в связи с приближающимся юбилеем, усиливается «клерикальная пропаганда» божественного промысла данного события. Тем самым, актуальным является распространение выводов советской исторической науки об истинных причинах, сущности и последствиях христианизации Древней Руси²⁵⁵. Одним из борцов с церковной интерпретацией события и «провиденциалистских измышлений» называют Н. С. Гордиенко и его книгу «"Крещение Руси": факты против легенд и мифов»²⁵⁶, где автор «разоблачает политические спекуляции реакционных эмигрантских церковных кругов вокруг

и церкви И. А. Худяковым // Вопросы истории религии и атеизма. 1955. № 3. С. 104-123; Пушкарев Л. Н. Критика церкви и духовенства в трудах И. Г. Прыжкова // Вопросы истории религии и атеизма. 1954. № 2. С. 128-153; Черепнин Л. В. Из истории еретических движений на Руси в XIV-XV вв. // Вопросы истории религии и атеизма. 1959. № 7. С. 257-283; Чубинский В. В. Вопросы религии в работах М. А. Антоновича // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 4. С. 137-158; Шахнович М. И. Критика легенды о русском народе-богоносце // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1962. № 6. С. 257-290; Шелестов Д. К. Свободомыслие в учении Ф. Косого // Вопросы истории религии и атеизма. 1959. № 11. С. 194-217.

²⁵⁴ См. также: Емелях Л. И. Происхождение религиозных обрядов. Л.: Лениздат, 1959. 78 с.; Емелях Л. И. Происхождение христианского культа. Л.: Лениздат, 1971. 200 с.; Емелях Л. И. Происхождение христианских таинств. М.: Сов. Россия, 1978. 125 с.

²⁵⁵ Емелях Л. И., Кожурин Я. Я. Советская историческая наука о крещении Руси. Л.: Знание, 1986. С. 5.

²⁵⁶ Гордиенко Н. С. "Крещение Руси": факты против легенд и мифов: Полемика. заметки. Л.: Лениздат, 1984. 287 с.

вопроса о "крещении Руси", которые в антисоветских целях пытаются использовать свои измышления в области отечественной истории»²⁵⁷.

В работе Л. И. Емелях и Я. Я. Кожурина упоминается и антисоветская пропаганда Ватикана о «западных корнях крещения Руси». Разоблачение этой «пропаганды» в таком контексте звучит как апология независимости восточного православия: «научная критика несостоятельности этих претензий Ватикана, изображающего себя распространителем и восточного христианства, очень актуальна»²⁵⁸. Трудно такое представить в 50 – 60-х гг. XX в., но для «перестроечного» СССР являлось неосознанной действительностью то, что советские исследователи, выступая, в первую очередь, с критикой ватиканского антикоммунизма, переходя к вопросу об истоках христианизации Руси, будут косвенно, сознательно или нет, но защищать православие и его роль в развитии российского государства на протяжении всех предшествующих веков. Авторы выделяют Б. Я. Рамма и его книгу «Папство и Русь в X–XV вв.»²⁵⁹, как «разоблачающую вымыслы католических авторов». Отвечая на вопрос, откуда пришло православие на Русь, Л. И. Емелях и Я. Я. Кожурин опираются на ряд предшествующих исследователей: «А. А. Шахматов, М. Д. Приселков, А. Е. Пресняков, В. В. Мавродин, А. Г. Кузьмин и другие советские ученые предполагают, что истоки христианизации Руси восходят к Болгарии, которая за 100 лет до крещения Киевской Руси приняла христианство. Греческие миссионеры, борющиеся в Болгарии и в Чехии с католическим влиянием, способствовали выработке славянского алфавита и переводу христианских культовых книг на славянский язык <...> Церковная литература из Болгарии стала проникать в Киевскую Русь еще до ее крещения. Литературным церковным языком Древней Руси стал язык древнеболгарский, или старославянский, близкий по своему характеру и грамматическому строю языку древнерусскому»²⁶⁰.

²⁵⁷ Емелях Л. И., Кожурин Я. Я. Советская историческая наука о крещении Руси. Л.: Знание, 1986. С. 5.

²⁵⁸ Там же. С. 6.

²⁵⁹ Рамм Б.Я. Папство и Русь в X-XV веках. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 283 с.

²⁶⁰ Емелях Л. И., Кожурин Я. Я. Советская историческая наука о крещении Руси. Л.: Знание, 1986. С. 13.

Л. И. Емелях и Я. Я. Кожурин в своих исследованиях опирались в том числе и на труды дореволюционных авторов, в частности на сочинения В. О. Ключевского и Е. Е. Голубинского. Например, работы Е. Е. Голубинского использовались для подтверждением тезиса о том, что история «хождения» апостола Андрея по Руси была вымыслом²⁶¹.

В вопросе появления христианства на Руси авторы сообщают, что крещение Руси было логичной и закономерной частью общего процесса феодализации государства, где церковь должна была способствовать укреплению великокняжеской власти и развитию классовых отношений. Процесс христианизации был не моментальным и не массовым, а поступательным, безусловно, встречавшим сопротивление. Новая вера достигла успехов только тогда, когда укрепился феодализм, чему она непосредственно и способствовала. Авторы отмечают, что такие варварские стороны язычества, как человеческие жертвоприношения, мешали утверждению феодализма: здесь проявился один из аспектов прогрессивности принятия христианства – православие убирало подобного рода пережитки. В качестве хрестоматийных работ перечислены «Киевская Русь»²⁶² Б. Д. Грекова, одноименные статьи «К вопросу о крещении Руси» С. В. Бахрушина²⁶³ и И. У. Будовница²⁶⁴, а также исследования М. В. Левченко, В. Т. Пашуто, А. Н. Сахарова.

Как уже было сказано, процесс христианизации затянулся во времени и зачастую носил насильственный характер: «Академик М. Н. Тихомиров изучил восстания населения в XI в., проходившие от Киева до Новгорода и Белоозера, от Волги до западнославянских земель. Он доказал, что народ враждебно встретил новую веру и ее служителей. Христианство насаждалось насильственно, и его распространение затянулось на несколько столетий»²⁶⁵. Л. И. Емелях и Я. Я. Кожурин соглашаются с точкой зрения В. О. Ключевского на проблему

²⁶¹ Там же. С. 9.

²⁶² Греков Б. Д. Киевская Русь. М.: Госполитиздат, 1953. 568 с.

²⁶³ Бахрушин С. В. К вопросу о крещении Киевской Руси // Историк-марксист. 1937. № 2. С. 40-77.

²⁶⁴ Будовниц И. У. К вопросу о крещении Руси // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. №3. С. 402-434.

²⁶⁵ Емелях Л. И., Кожурин Я. Я. Советская историческая наука о крещении Руси. Л.: Знание, 1986. С. 19.

возникновения и существования оригинального «православного язычества», или двоеверия, даже несмотря на развитие феодальных отношений: «Выдающийся русский историк В. О. Ключевский был прав, утверждая, что принятие христианства не было выходом из мрака идолопоклонства на свет, ибо старые боги не упразднились как вымыслы суеверия, в их существование продолжали верить, лишь подчинив старых богов, которые теперь считались бесами, новому богу <...> Ключевский писал, что православные люди, построив христианские храмы, продолжали жить в прежней языческой избе и по-языческому завету, только развесив по стенам иконы... Сам феодализм порождал потребность в сохранении языческого политеизма, различных видов фетишизма и магии в виде культа святых, икон и молитв»²⁶⁶. Только после упоминания Ключевского, авторы обзора переходят к советским историкам и этнографам, которые в начале XX в. собирали материалы по «православному язычеству»: Д. К. Зеленину, Н. М. Маторину, С. А. Токареву, Е. И. Чичерину, Н. С. Державину.

Таким образом, можно выделить два аспекта советских историографических исследований. Первый заключается в том, что специализированных историографических работ по истории изучения православия в СССР было недостаточно. Особенно в сравнении с обобщенными указателями атеистической литературы, которые из-за обхвата материала к данной конкретной проблеме имеют мало отношения. Второй аспект выражается в ограниченном круге вопросов по истории изучения православия, которые интересовали советских историков и религиоведов. Эти проблемы можно объединить в конкретные тематические блоки: влияние православия на древнерусскую культуру и книжность, проблемы христианизации Руси в исторической ретроспективе, вопросы феодализма и монастырского землевладения, народные восстания и борьба с церковным землевладением, антифеодальные религиозные движения, положение церкви как социального института в истории России, церковь и революции, вопросы современного православия и модернизации православного вероучения.

²⁶⁶ Там же.

2.3. Проблематика исследований по истории православия

Прежде чем раскрыть содержание основных тем, которые интересовали советских историков и религиоведов в истории православия, следует обозначить несколько общих работ по истории отечественной культуры и социально-политического устройства. Такие обобщающие работы затрагивают комплекс узконаправленных сюжетов, которые будут выделены в дальнейшем как самостоятельные тематические блоки.

Логично будет начать с одной из самых первых работ рассматриваемого в данном исследовании периода. Директор Института истории АН СССР, авторитетнейший советский историк Б. Д. Греков во время Великой отечественной войны выпускает небольшой труд преимущественно научно-популярного характера «Культура Киевской Руси». Написанный в период естественно-научной, а не научно-атеистической пропаганды, книга Б. Д. Грекова заметно выделяется, по сравнению с последующими исследованиями, отсутствием атеистической риторики.

Б. Д. Греков рассуждает, опираясь на открытия Б. А. Рыбакова, о развитых ремесле, торговле, военных пунктах у славян. Все это позволяет историку говорить о культурной состоятельности Руси в дорюриковскую эпоху. Тема развитой и высокой культуры уже к X в. ведет к критике норманнской теории (и А. Л. Шлецера как ее представителя). Уже в VI–VIII вв. Среднее Поднепровье имело высокий уровень отношений с Востоком: Византией и Ираном. Б. Д. Греков, находясь под влиянием исследований не только Б. А. Рыбакова, но и А. С. Лаппо-Данилевского, говорит о генеалогической связи племен славян (антов) со скифами и о культурно-торговых связях с эллинами, римлянами, арабами и греками-византийцами.

Весьма положительно отзывается Б. Д. Греков о дальновидной, с его точки зрения, религиозной политике князя Владимира, которая сначала заключалась в создании пантеона славянских богов, куда вошли божества различных племен с

целью их объединения, а затем и в принятии христианства: «Когда Владимир Святославович сделал попытку использовать религию для укрепления единства своего государства, он сделал это широко и обдуманно...»²⁶⁷ и «когда христианство было объявлено государственной общеобязательной религией, русские и нерусские люди еще долго продолжали признавать всех тех богов, которых Владимир утвердил в Киеве на холме и позаботился об их утверждении в других местах своего обширного государства»²⁶⁸. Религиозность славян, по Б. Д. Грекову, менялась с течением времени: первоначально народ поклонялся упырям и берегиням, потом появляются фигуры Рода и Роженицы, наконец, приводящие к культу Перуна, который в дальнейшем трансформируется в целый пантеон языческих божеств под влиянием потребности в объединении страны, что оценивается автором как грамотный политический шаг. С разными религиями, в т.ч. православием, славяне были знакомы как раз благодаря тесным контактам с другими народами. Принятие христианства, как полагает автор, было закономерным и подготавливалось всей предыдущей культурной историей. И здесь важно отметить, что Б. Д. Греков не использует тезис о феодальной формации общества, как одной из взаимосвязанных причин принятия христианства.

Но главное положение все же заключается в прогрессивном значении христианизации Руси: «Несомненно, однако, что официальное принятие христианства, как и было рассчитано, ввело Русь в еще более тесное общение с народами Европы. Это общение, как и самое учение христианское, несомненно внесло в русскую общественную среду много нового, заставило задуматься над рядом новых проблем, вызвало к жизни много новых запросов и явилось гранью в истории русской культуры. Все это совершенно верно. *Нельзя забывать только того, что и самое вероучение христианское и сопутствующие ему требования перестройки некоторых сторон жизни не были простым пересаживанием чужого на новую почву, а воспринимались как назревшая потребность русского общества, способного самостоятельно разобраться, что именно ему в данный момент*

²⁶⁷ Греков Б. Д. Культура Киевской Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1944. С. 25.

²⁶⁸ Там же. С. 26.

нужно для дальнейшего роста своей собственной культуры [курсив мой – П. Д.]. Было бы большой наивностью считать, что греческое духовенство научило русских людей думать и строить свою собственную культуру»²⁶⁹. При этом в народе христианизация шла медленно, что выразилось в формировании специфической, синкретической религии, - оригинального русского православия со своими святыми и праздниками.

В итоге, работа Б. Д. Грекова является органичным продуктом своей эпохи, проповедующим патриотизм и уважительное отношение к культурному прошлому своей Родины. Особое и почтительное место отводится «Повести временных лет», как важному и надежному, по мнению автора, историческому источнику. При оценке риторики необходимо отметить, что советский классик и признанный лидер исторической науки использует частые ссылки на дореволюционных историков, таких как Е. Е. Голубинский и В. О. Ключевский.

Совместно с «Культурой Киевской Руси» можно кратко рассмотреть другую небольшую книгу Б. Д. Грекова «Борьба Руси за создание своего государства», первое издание которой вышло в свет в 1942 г., а второе – в 1945 г. Эта работа так же лишена атеистических пропагандистских нарративов: «В наши дни полезно напомнить, как боролись наши далекие предки за свое политическое существование среди других народов Европы, как закладывали фундамент того самого государства, защищать которое завещали нам наши деды и отцы и которое с таким блеском в наше время выдержало великие испытания»²⁷⁰.

Однако, сущностно исследование отличается тем, что в нем присутствуют теоретические положения об общественно-экономических формациях. Античная рабовладельческая цивилизация – это «дряхлающий и обреченный мир», но есть и другой – «растущий, исполненный надежд на будущее, способный вдохнуть новую жизнь в старое умирающее общество»²⁷¹. «Варварский» мир не знал рабовладения,

²⁶⁹ Там же. С. 42-43.

²⁷⁰ Греков Б. Д. Борьба Руси за создание своего государства. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. С. 3.

²⁷¹ Там же. С. 12.

а от общинно-родового строя шагнул сразу в феодальную формацию через промежуточный дофеодальный строй (переходный период «военной демократии»). Для Рима варвары – это германские племена, а для Византии – славяне. Так, славяне (анты) вышли из первобытного общинно-родового устройства уже в VI в.

Представляется, что «Борьбу Руси за создание своего государства» и «Культуру Киевской Руси» стоит рассматривать в комплексе. Автор использует одни и те же источники, например, сведения византийского историка Прокопия Кесарийского, «Повесть временных лет», комплиментарно ссылается, например, на В. О. Ключевского. Нарратив обеих работ построен вокруг признания за славянами высокой культурной и политической развитости уже в VI–VIII вв., т.е. еще до призвания варягов или, например, до крещения Руси. Феодальный концепт, который разворачивается на страницах «Борьбы Руси за создание своего государства», органично можно сопоставить с пассажами о закономерности и прогрессивности принятия христианства, которые описаны в «Культуре Киевской Руси»; тем самым, текстологическое сплетение сюжетов показывает читателю хрестоматийную теорию Б. Д. Грекова о взаимообусловленности перехода Киевского государства к феодальному уровню социально-экономического развития и принятия православия как государственной религии.

Можно заметить, для работ военного периода характерна патриотическая риторика. Как уже отмечалось, в предвоенные годы государство использовало идеологию патриотизма для мобилизации и консолидации общества вокруг правящей партии. Тенденция естественным образом сохранилась во времена Великой отечественной войны и в первые годы после. Тем самым появлялся запрос на возвеличивание исторического прошлого страны.

В качестве примера послевоенных работ можно использовать статью крупнейшего специалиста по источниковедению М. Н. Тихомирова «Москва и культурное развитие русского народа XIV–XVII вв.» опубликованную в девятом номере журнала «Вопросы истории» за 1947 г. М. Н. Тихомиров пишет о Москве,

центре русской культуры с XIV в., «который впитывал в себя все лучшее, что породил русский творческий гений»²⁷². Для автора признаками культурной развитости города является наличие большого количества церквей и монастырей – «обычными культурными центрами русского средневековья». М. Н. Тихомиров, как и Б. Д. Греков, видит в окончательном закреплении православия распространение «византийской» образованности и просвещения, центрами которых становились монастыри с их богатыми библиотеками²⁷³.

Также в 1947 г. выходит знаковая работа Б. А. Романова «Люди и нравы древней Руси», которая является первым опытом антропологического исследования древнерусской культуры повседневности. Религиозная составляющая была неотъемлемой частью быта и окружения жителя древней Руси. Примечательно, что автор пользуется летописными источниками не как «газетной хроникой», фиксирующей факты, а как литературным произведением конкретной эпохи. Т.е. для Б. А. Романова через летописный текст проявляется лишь «силуэтное отображение» факта исторического, соответственно, к чему нужно относиться с осторожностью. Сконцентрировано же источниковедческое внимание Романова на «Слове Даниила Заточника». Исторический контекст – жизнь феодального общества XII–XIII вв. В главе «Отцы духовные» Б. А. Романов вырисовывает «физиономии братии, садившейся за общую трапезу», т.е. персональные и социальный портреты монашества, а также белого духовенства. Используя метод микроисторического анализа, автор выбрал ряд персонажей и на примере их историй и письменных источников продемонстрировал бытовые зарисовки повседневности: монастырская дисциплина, правила и распорядок, пороки и соблазны для клира и т.п. Немаловажно, что Б. А. Романов рассматривает тему феодальных преференций для духовенства. На момент первой публикации книги для советской историографии еще не было характерна критика церкви в резкой антифеодальной риторике, автор больше говорит об этом вскользь, нежели

²⁷² Тихомирова М. Н. Москва и культурное развитие русского народа XIV-XVII вв. // Вопросы истории. 1947. №9. С. 9.

²⁷³ О монастырских библиотеках см., например: Пызиков Д. Д., Блинкова А. О., Хижая Т. И. Библиотеки православных духовных учебных заведений Российской империи // Былые годы. 2022. № 17 (4). С. 1666-1674.

это является объектом его пристального внимания. Духовенство, имеющее власть над своей паствой, больше использует психологический контроль, нежели социально-экономическое угнетение: «Указанный здесь способ воздействия – епитимья – свидетельствует, что во второй половине XII в. церковник свободно оперировал обоими "тайнствами", входившими в состав дисциплинарной триады: покаяние – епитимья – причащение. Но дело это было настолько новое и деликатное, что тактика рекомендовалась церковнику свыше в отношении "духовных детей" весьма осторожная»²⁷⁴. В главе «Жизнь человека» продемонстрировано, что религиозное влияние с соответствующими церковными ритуалами (в первую очередь обрядами инициации) и контролирующими правилами сопровождало средневекового мирянина на всех этапах его жизненного пути. Б. А. Романов в своей работе показал то разделение общества на народную массу и господствующий над ними класс, которое характерно для уже сложившейся феодальной формации. К тому же, автор продемонстрировал, что духовенство не только само по себе относилось к господствующему классу, но и имело «духовную» и психологическую власть над другими его представителями, обладая абсолютной возможностью наблюдения и контроля за самыми интимными сторонами жизни мирянина, будь то смерда или князя.

В 1951 г. выходит фундаментальный двухтомник под общей редакцией Б. Д. Грекова и М. И. Артамоновой «История культуры древней Руси». В подготовке материалов и написании разделов принимали участие такие видные советские ученые как В. В. Мавродин, Б. А. Рыбаков, Б. А. Романов, Н. Н. Воронин, А. В. Арциховский, Н. Ф. Лавров, Д. С. Лихачев и др. В предисловии к первому тому отмечается, что работа авторского коллектива была начата еще в 1940-1941 гг., но начало войны отложило выпуск. По заверению редакции, издание отличается от предшествующих попыток показать историю русской культуры тем, что демонстрируются не только узкоспециализированные вопросы надстроечной стороны культуры, но и дается «систематическое освещение всех сторон как

²⁷⁴ Романов Б. А. Люди и нравы древней Руси: Ист.-бытовые очерки XI-XIII вв. / Предисл. Н. Е. Носова. 2-е изд. М.; Л.: Наука, 1966. С. 175.

материальной, так и духовной культуры – от сельского хозяйства и ремесла до изобразительного искусства и музыки»²⁷⁵.

Религиозная проблематика в той или иной степени затронута почти во всех главах, но главное внимание ей уделено в третьей главе («Религия и церковь»), которую написал Н. Ф. Лавров еще до начала Великой Отечественной войны. Так, христианство было известно на Руси еще задолго до его принятия в качестве официальной религии. Распространено оно было среди социальных верхов киевского общества, а в народные массы городского и сельского населения не проникало. Княгиня Ольга в своем крещении преследовала мотивы, которыми впоследствии руководствовался Владимир: укрепление власти киевского князя над славянскими племенами, усиление международного положения, расширение экономических, политических и культурных связей с европейскими христианскими государствами. «Поэтому вероятно, что одной из задач двукратной поездки Ольги в Константинополь в 957 г. и 959 г. были переговоры о крещении Руси и об организации русской церкви. Однако эти переговоры не привели к положительному результату. Можно предполагать, что греки слишком ясно и прямолинейно связывали вопрос о крещении с политической зависимостью Руси от Империи. Все же Ольга приняла лично крещение, но, по возвращении на Русь, она не решилась не только на провозглашение христианства официальной религией, но и на крещение своего сына»²⁷⁶. Формирующаяся же русская феодальная знать видела во всеобщей христианизации славян новую силу своего классового господства. Крещение Владимира и женитьба на сестре византийского императора Анне обозначается крупным успехом международной политики киевского князя: «Киевское государство, которое греки всегда третировали как "варварское", становилось теперь на один уровень с христианскими государствами Европы»²⁷⁷.

²⁷⁵ История культуры древней Руси / Под общ. ред. акад. Б. Д. Грекова и проф. М. И. Артамонова. Т. 1. Материальная культура. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 5.

²⁷⁶ История культуры древней Руси / Под общ. ред. акад. Б. Д. Грекова и проф. М. И. Артамонова. Т. 2. Общественный строй и духовная культура. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 83.

²⁷⁷ Там же. С. 86.

Насаждение же христианства в Киеве и во всем государстве шло императивным и зачастую насильственным путем, сам процесс затянулся надолго. Используя учение о «Царе небесном» и связанном с ним учении о «безусловном повиновении власти земных царей и князей», и «учение» Маркса и Энгельса о социальных принципах христианства, Н. Ф. Лавров интерпретирует православие как «наилучшее идеологическое оружие в борьбе за утверждение формировавшегося феодального строя и упрочнение складывавшейся государственной власти господствующего класса»²⁷⁸. Таким образом, в послевоенной советской историографии была четко сформулирована риторика об «идеологическом оружии», которое господствующий класс использует для угнетения трудящихся масс. Учитывая, что текст был написан еще в довоенный период атеистической пропаганды, его публикация через десять лет не вызывает вопросов, т.к. к концу 1940-х – началу 1950-х гг. церковно-государственные отношения в СССР ухудшаются накануне периода научно-атеистической пропаганды. Н. Ф. Лавров также отмечает, что «условный» христианский монотеизм со множеством святых, ангелов, пророков, почитанием икон и т.п. подходящим образом был перенесен на языческое многобожие, чем явил собой русский православный синкретизм или двоеверие.

Однако автор не обходит вниманием и прогрессивное значение крещения Руси: «Церковь с первых же шагов своей деятельности выступила и как сильнейшее орудие укрепления феодального классового общества, вступив в борьбу с язычеством и всеми пережитками дофеодальной старины. Она брала под свою защиту моногамную семью, боролась против обычая кровной мести, содействовала укреплению новых, более прогрессивных по сравнению с рабством феодальных форм господства и подчинения <...> В то же время, наряду с богослужебной литературой, на Руси появились и переводные сочинения "общеобразовательного" характера, знакомившие читателя с вопросами мироздания и историей, сообщавшие сведения о природе и ее явлениях. Весь этот материал

²⁷⁸ Там же. С. 88.

преподносился, конечно, под углом зрения "целесообразности" мироздания и "премудрости" творца, а явления природы рассматривались в богословско-символическом плане. Однако и эти искаженные сведения о жизни природы и истории народов расширяли кругозор читателя и будили его мысль. Произведения же переводной художественной литературы способствовали быстрому развитию самостоятельной русской литературы. Особо следует отметить развитие русского летописания, которое оказало большое влияние на формирование русского национального самосознания, на выработку представлений о единстве русского народа»²⁷⁹. Вместе с распространением христианства на Руси шло развитие монументального строительства и искусства. Конечно, с т.ч. автора, это искусство служило тем же идеологическим целям, что и сама церковь, и «обслуживало» нужды господствующего класса. Однако в то же время «русские зодчие и художники создали выдающиеся по силе и своеобразию произведения, сумели воплотить жизненные идеи своего времени»²⁸⁰.

Глава, написанная Н. Ф. Лавровым, как и все двухтомное издание, до сих пор представляет собой научный интерес. Богатое фактологическое и историческое насыщение материала превалирует над идеологическими постулатами марксизма-ленинизма.

Показательно, что в фундаментальном труде «Киевская Русь» (1949 г. – 1-е изд., 1953 г. – 2-е изд.) Б. Д. Греков использует более классический язык советской исторической науки, говоря об идеологии и религии классового общества, а так же отмечая, что процесс феодализации в древнерусском государстве создал базу для утверждения христианства в качестве господствующей религии: «Принятие христианской религии свидетельствует о большом сдвиге в области идеологии киевского общества. Языческая религия, созданная в родовом строе, не похожа на религию классового общества. Религия родового строя не знает классов и не требует подчинения одного человека другому, не освящает господства одного

²⁷⁹ Там же. С. 89-90.

²⁸⁰ Там же. С. 90.

человека над другим; классовая религия имеет иной характер <...> Владимир желал создать такую религию, которая могла бы крепче объединить все его государство <...> Если христианство все же сделалось господствующей религией, то это значит, что господствующий класс был достаточно сильным и многочисленным, что у него в руках была крепкая власть. Если бы тут заинтересованы были только единицы, тогда принятие христианства в общегосударственном масштабе сделалось бы невозможным <...> Вся предыдущая история классов и процесс феодализации в Древнерусском государстве создали базу для признания христианства в качестве господствующей религии»²⁸¹. Основная тема – возникновение и развитие феодализма на Руси IX–XI вв. Другие темы, затрагиваемые в его работе – это сельское хозяйство Древней Руси, политический строй и общественные отношения Киевской Руси, истоки русской культуры и пр. Называются такие последствия принятия христианства, как политическое сближение с Европой, становление церкви новым и сильным орудием воздействия на массы в целях дальнейшего их подчинения государству, упрочнение связей между частями государства, развитие культуры Руси под воздействием византийской культуры.

В сборнике работ разных лет «Русская культура X–XVIII вв.» М. Н. Тихомирова впервые была напечатана статья «Философия в Древней Руси», в которой автор разделял точку зрения, что христианство на Руси установилось не сразу, а затянувшийся процесс в итоге вылился в синкретизм/двоеверие, когда языческие праздники и боги трансформировались в христианских святых: «Все это только говорит о том, что язычество восточных славян вовсе не так быстро уступило дорогу торжественному христианству и долго еще сохраняло свое значение преследуемого, но любимого народными кругами мировоззрения»²⁸². Тихомиров так же отмечает прогрессивное значение принятия христианства в распространении книжного просвещения на Руси: «Есть что-то поразительное и увлекательное в истории культуры Киевской Руси. Еще в X в. Древняя Русь бредет

²⁸¹ Греков Б. Д. Киевская Русь. М.: Госполитиздат, 1953. С. 476–478.

²⁸² Тихомиров М. Н. Русская культура X–XVIII веков. М.: Наука, 1968. С. 95.

робкими шагами по пути просвещения, а менее чем через одно столетие в ней уже появляются собственная литература и искусство, появляются замечательные писатели "русины", подобные Иллариону»²⁸³. В сборнике «Исторические связи России со славянскими странами и Византией»²⁸⁴ М. Н. Тихомиров, опираясь на акты и летописи, расширил тему культурного влияния Византии на новокрещенную Русь. Данная работа явилась значительным вкладом в разработку проблематики не только русско-византийских отношений, но и истории русской культуры.

Таким образом, исследования по истории древнерусской культуры являются в той или иной степени обобщающими для ряда узкоспециализированных тем. Советские историки заложили основы для будущих исследований истории христианизации Руси, культурного влияния Византии, церковно-государственных отношений эпохи феодализма и т.д. Общность теоретических положений проявляется в признании следующих фактов: русская культура находилась на высоком уровне еще до крещения Руси; сам процесс христианизации был закономерным политическим прогрессивным шагом, который соответствовал и взаимообуславливал переход государства в феодальную социально-экономическую формацию; прогрессивность также заключается в политических и культурных связях с Византией и распространением просвещения; затянувшийся процесс породил феномен двоеверия или «православного» синкретизма православия; православие явилось действенным «идеологическим оружием» в дальнейшем упрочнении власти господствующих классов.

2.3.1. Крещение Руси

Одной из важнейших и дискуссионных тем в советских исследованиях истории православия была тема крещения Руси. Необходимо немного выйти за

²⁸³ Там же. С. 98.

²⁸⁴ Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М.: Наука, 1969. 374 с.

временные рамки исследования и сказать, что после многих лет «вульгарного социологизма» школы М. Н. Покровского первая попытка иначе взглянуть на проблему была предпринята известным историком С. В. Бахрушиным, который в 1937 г. в журнале «Историк-марксист» (из которого через 8 лет выйдет журнал «Вопросы истории») опубликовал статью «К вопросу о крещении Киевской Руси»²⁸⁵. С. В. Бахрушин пытался показать, что принятие христианства было обусловлено процессами внутреннего развития страны и стало возможным вследствие благоприятных социальных предпосылок. Однако сам процесс занял не одно десятилетие. Автор открыто заявляет о большом прогрессивном значении этого события, т.к. принятие христианства способствовало изжитию остатков родового строя и развитию феодального способа производства. Впоследствии все авторы будут в той или иной степени принимать тезис С. В. Бахрушина о прогрессивном значении христианизации Руси. По риторике автора, на свой исторический момент от принятия христианства (согласно марксизму, на определенном историческом этапе феодализм и даже капитализм были прогрессивными эпохами человеческой истории) плюсов было больше, чем минусов.

И. У. Будовниц в своей статье «К вопросу о крещении Руси»²⁸⁶ соглашаясь в целом с С. В. Бахрушиным, подвергал критике его желание преувеличить прогрессивный характер принятия христианства и считал, что тот переоценил роль Византии и одновременно недооценил дохристианскую славянскую культуру. И. У. Будовниц подчеркивает реакционную роль новой религии, которая «одурманивала» сознание народных масс, приглушала классовые противоречия. По его мнению, процесс феодализации и христианизации был не взаимообусловлен, а второе вытекало из первого, тем самым ликвидация и трансформация старого базиса потребовали ликвидации старой надстройки: «Старая религия потеряла значение. Новый, феодальный базис на Руси создал соответствующую ему надстройку. Вместе с новыми политическими, правовыми

²⁸⁵ Бахрушин С. В. К вопросу о крещении Киевской Руси // Историк-марксист. 1937. № 2. С. 40-77.

²⁸⁶ Будовниц И. У. К вопросу о крещении Руси // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. №3. С. 402-434.

взглядами и соответствующими им учреждениями (Древнерусское государство с киевским князем во главе, судебные учреждения, руководствовавшиеся нормами «Русской Правды», и т. д.) победили и новые религиозные взгляды в виде христианства с соответствующими ему учреждениями (церковная организация)²⁸⁷. Подводя итоги, автор заостряет внимание на том, что процесс христианизации начался еще до деятельности Владимира Святославовича и не на нем завершился, при нем православие стало только де-юре государственной религией. Бросается в глаза, что автор свел практически на нет внешнеполитическое значение крещения Руси.

В первом в СССР сводном учебном пособии по основам научного атеизма²⁸⁸ главу, посвященную истории православия, написали Н. Н. Розенталь и Э. Г. Филимонов. Первые же строчки постулируют, что «православие сложилось как религиозное выражение особенностей развития феодального общественного строя Византии, по сравнению со странами Западной Европы»²⁸⁹, т.е. как надстройка феодального базиса. На Руси же возник господствующий класс феодалов, которому нужна была религия в целях освящения их нового эксплуататорского порядка и приучения народа к покорности. Авторы оговаривают, что христианство способствовало развитию феодальных отношений, которые были более прогрессивной формой общественной жизни, нежели патриархально-общинный строй. К тому же, как пишут Н. Н. Розенталь и Э. Г. Филимонов, на Русь проникла церковная литература, которая способствовала распространению грамотности и письменности. Здесь авторы противоречат Б. Д. Грекову, который отмечал, что письменность на Руси была еще и до принятия христианства²⁹⁰, и особенно настаивал на том, что при Владимире на Русь пришла не грамотность, которая уже существовала до этого, а византийское образование и просвещение.

²⁸⁷ Там же. С. 408.

²⁸⁸ Цамерян И. П., Долгих Ф. И., Колоницкий П. Ф., Шейнман М. М. Основы научного атеизма. М.: Госполитздат, 1961. 456 с.

²⁸⁹ Там же. С. 196.

²⁹⁰ Греков Б. Д. Культура Киевской Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1944. С. 31.

В 1967 г. под эгидой Института истории АН СССР вышел первый обобщенный труд со времен Н. М. Никольского по истории православной церкви в России – «Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.). Критические очерки». Раздел, посвященный истории принятия христианства на Руси, написал А. М. Сахаров. Автор пишет, что для укрепления Киевского государства нужна была единая религия, «которая обожествляла бы не столько и не только силы природы, но прежде всего новый общественный строй с его частной собственностью, с делением на богатых и бедных, на господ и эксплуатируемых»²⁹¹. Также, новая религия должна была способствовать политическому и культурному сближению Руси с другими странами и усилению международного авторитета молодого государства. Автором подчеркивается, что проникновение православия в древнерусское государство шло через верхние слои общества, т.к. христианская идеология соответствовала их интересам в удержании власти. Интересно отметить, что А. М. Сахаров называет «Повесть временных лет», так уважаемую советскими историками и филологами, «манифестом христианства» и «оружием в борьбе за его окончательное утверждение». Автором критикуется летописный эпизод об «испытании вер» Владимиром. Историк пишет: «Властные римско-католические политики прибегали к самым различным средствам, чтобы полностью подчинить своему влиянию народы и страны, куда проникала католическая церковь. Угрозу зависимости от Рима в случае принятия католичества ощущали в Киеве совершенно определенно, и именно потому Владимир предпочел принять предложение из Византии, тем более что это предложение было сделано в обстановке, очень выгодной для Руси и невыгодной для Византии, обратившейся к киевскому князю за военной помощью против своих вассалов»²⁹². В этом тезисе объединились и советская историографическая тенденция связывать принятие христианства византийского типа (в виду его подчиненности светской власти), и антикатолическая (антизападная) риторика времен Холодной войны²⁹³. Важным

²⁹¹ Каждан А. П., Сахаров А. М., Токарев С. А. Церковь в истории России. (IX в. - 1917 г.). М.: Наука, 1967. С. 38.

²⁹² Там же. С. 42.

²⁹³ См. подробнее, например: Шахнович М. М. Холодная война и идеологическая борьба на «религиозном фронте»: о некоторых моделях советской пропаганды // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 164-184.

выступает положение, что христианизация населения древней Руси шла принудительным и насильственным путем, а встречающееся упорное сопротивление этому можно считать одним из ранних проявлений классовой борьбы. В итоге, распространение христианства являлось важным средством упрочнения раннефеодальных порядков, в этом заключалась внутренняя социально-экономическая предпосылка события²⁹⁴. Однако в конце главы автор сообщает, что «в условиях раннего средневековья принятие христианства имело в целом положительное значение для роста культуры на Руси»²⁹⁵: развивалась письменность и распространялась книжность, что дало толчок к развитию древнерусской литературы, а влияние византийской материальной культуры способствовало появлению выдающихся произведений искусства. Выводится противоречивая роль православной церкви в истории России, что является своего рода уступкой и компромиссом для исследователей и пропагандистов.

В актуальную повестку вопрос крещения Руси вернулся с приближением празднования тысячелетия принятия христианства. Соответственно, 1980-е гг. являются плодотворными на исследования данной темы. В этот период сразу несколько работ вышло под авторством известного пропагандиста Н. С. Гордиенко²⁹⁶. Всех их объединяет желание показать, что крещение Руси было не быстрым событием, а длительным процессом, который носил насильственный характер и встречал упорное сопротивление в народе; что последствия принятия христианства хоть и были прогрессивными, но не стоит их преувеличивать, т.к. еще до крещения на Руси существовала развитая и богатая культура, а также, что в русской эмигрантской среде наличествуют антикоммунистические и клерикальные настроения, которые распространяют клевету о свободе совести и вероисповедания в СССР и фальсифицируют историческое значение православия на Руси. Научный

²⁹⁴ Каждан А. П., Сахаров А. М., Токарев С. А. Церковь в истории России. (IX в. - 1917 г.). М.: Наука, 1967. С. 46.

²⁹⁵ Там же. С. 49.

²⁹⁶ Гордиенко Н. С. Мировоззренческая оценка процесса христианизации Древней Руси. М.: Знание, 1984. 40 с.; Гордиенко Н. С. «Крещение Руси»: факты против легенд и мифов: Полемиические заметки. Л.: Лениздат, 1984. 287 с.; Гордиенко Н. С. Введение христианства на Руси: домыслы буржуазно-клерикальной пропаганды. М.: Знание, 1987. 62 с.

же интерес представляет монография «Крещение Руси: факты против легенд и мифов. Полемические заметки» (1984 г. – 1-е изд., 1986 г. – 2-е изд.).

В своей работе Н. С. Гордиенко отмечает ошибочную коннотацию словосочетания «крещение Руси», подразумевающую единоразовое событие. На самом же деле это был долгий процесс. Автор полемизирует с идеологами современного русского православия, которые стремятся связать процессы христианизации и возникновение древнерусской государственности: «Таким образом, христианство входит в общественную жизнь Киевской Руси как мощный идеологический фактор не в догосударственный период ее истории, а лишь тогда, когда Древнерусская держава просуществовала уже более века, политически окрепла и заявила о себе всему миру как могучая сила, с которой должны были считаться соседние государства, вплоть до императорской Византии. Поэтому утверждение идеологов церкви о том, будто с принятия христианства князем Владимиром и его подданными начинается русская государственность, является искажением исторической правды»²⁹⁷. Следовательно, с высоким уровнем государственности до официального принятия христианства на Руси существовал и высокий уровень развития духовной культуры, в т.ч. письменность. Также Н. С. Гордиенко проводит «критическое» сравнение славянского язычества и христианства: «На самом же деле христианство в познавательном отношении никак не совершеннее язычества. Конечно, у первого шире, чем у второго, объект отражения (не только природа, но и общество, классовые отношения, государство и т. п.), сложнее догматика, разнообразнее обрядность, больше включений нерелигиозных компонентов и т. д. Но от истины они одинаково далеки, поскольку являются фантастическим отражением действительности, представляют собой различные модификации веры в сверхъестественное <...> Различаются они лишь идеологически: в язычестве объектом искажения выступает первобытнообщинный строй, и поэтому оно является идеологией доклассовой, а в христианстве — рабовладельческий и феодальный, что делает эту религию классовой

²⁹⁷ Гордиенко Н. С. «Крещение Руси»: факты против легенд и мифов: Полемические заметки. Л.: Лениздат, 1986. С. 33.

идеологией»²⁹⁸. Автор подвергает критике легенды и сказания об посещении апостолом Андреем территорий Киевской Руси и об «испытании вер». Свои рассуждения он подтверждает ссылками на дореволюционных богословов и историков. Объясняя выбор именно византийского православия, Н. С. Гордиенко апеллирует к традиции «симфонии властей», которая была выгодно использована правящими классами. В свою очередь, когда папа римский требовал полного подчинения себе королей и императоров «Владимир и его окружение остановили свой выбор на византийской разновидности христианства вполне сознательно, руководствуясь прежде всего политическими соображениями...»²⁹⁹. Ассимиляция византийского православия на славянской земле произошла за счет множества языческих элементов, которые сохранились и трансформировались в христианстве, например, в культе святых, иконах, церковных праздниках и т.п. Автор заявляет об особенности восприятия православия на Руси, которая заключается во внешней стороне веры, тогда как догматы оставались непознанными большинством вплоть до начала XX в.: «Следующей особенностью религиозности масс в Древней Руси и старой России было "обрядовереие", или "обрядолюбие",— абсолютизация культовой стороны религии, превращение обряда из средства пропаганды вероучения в самостоятельный, и притом центральный, объект веры и поклонения»³⁰⁰.

В заключительной части своей работы, переходя к современному положению православной церкви в СССР, Н. С. Гордиенко в очередной раз строит свою аргументацию через поиск внешних врагов — эмигрантов клерикалов-антикоммунистов, распространяющих «злостную клевету» о репрессированном состоянии православной церкви в Советском государстве и предсказывает русскому православию скорый конец: «Приведенные факты свидетельствуют: существенной особенностью религиозно-церковной жизни предреволюционной, революционной и послереволюционной России были следовавшие один за другим

²⁹⁸ Там же. С. 45-46.

²⁹⁹ Там же. С. 73.

³⁰⁰ Там же. С. 118.

кризисы русского православия как феодально-крепостнической идеологии, антинародной по своей социальной сущности, и расколы церкви как феодального учреждения, отстаивавшего враждебные народу интересы. Продолжительность и острота, глубина и размах, отличавшие эти кризисы и расколы, сотрясавшие церковь в переломный момент отечественной истории, красноречиво говорят о том, что десятый век русского православия – это век идейной деградации данной конфессии и ее организационного упадка, век потери этой религией статуса господствующей формы духовной жизни и государственной идеологии и перехода ее в разряд пережитка прошлого, достояния немногих. Этот век предвещает русскому православию, может быть, и не очень близкий, но неизбежный и неотвратимый конец»³⁰¹.

Важная историографическая работа Л. И. Емелях и Я. Я. Кожурина «Советская историческая наука о крещении Руси» (1986 г.), о которой уже шла речь выше, подводит общую черту в истории изучения вопроса в советской науке. Использование ссылок на дореволюционных историков, таких как Н. М. Карамзин, Е. Е. Голубинский, В. О. Ключевский, свидетельствует об окончательном включении их исследований в научный советский дискурс и историографический нарратив. Авторы одновременно признают оправданным тезис С. В. Бахрушина о прогрессивном значении крещения в истории России, но с и принятием критики от И. У. Будовница о преувеличенном его характере и неверной оценке влияния Византии на развитие отечественной культуры. Л. И. Емелях и Я. Я. Кожурин закрепляют выводы о том, что принятие христианства восточными славянами было вызвано в конечном счете формированием феодальных отношений, и о том, что христианство насаждалось насильственно, а его распространение затянулось на несколько столетий.

А. Г. Кузьмин в вводной статье³⁰² к сборнику хрестоматийного формата «Крещение Руси» в трудах русских и советских историков» так же подводит итоги

³⁰¹ Там же. С. 224.

³⁰² Кузьмин А. Г. «Крещение Руси»: концепции и проблемы // «Крещение Руси» в трудах русских и советских историков. М.: Мысль, 1988. С. 3-56.

изучения данной темы в советской науке и очерчивает круг проблем, которые остались актуальными к 1988 г. Он признает ценность дореволюционной буржуазной историографии за введение в научный оборот большого количества источников. Но что более характерно и важно, автор также открыто признает государственные послеоктябрьские перегибы в борьбе с религией и православной церковью.

Так же в юбилейный 1988 г. вышла небольшая работа за авторством А. И. Клибанова и Л. Н. Митрохина «Крещение Руси: история и современность». Интересно, что работа была сдана в набор 7 июня 1988 г., т.е. в самый разгар общегосударственного празднования. В предисловии авторы, аргументируя актуальность вопросов, которые простимулированы юбилейной датой, среди прочих называют пошатнувшееся утверждение об СССР как стране победившего атеизма и риторически вопрошают, может «религиозная проповедь и в самом деле содержит не убывающие со временем нравственные ценности?»³⁰³. Возможно, это стоит воспринимать как признание поражения «научного атеизма». По исторической иронии именно так все еще называлась научно-популярная серия издательства «Знания», под обложкой которой вышла данная работа. Также, интересна критика некоторых публикующихся современников: «И если современный автор или лектор (а примеров подобного рода, к сожалению, достаточно) критикует богословский взгляд на роль церкви в истории по принципу «все наоборот»: православие всегда и во всем играло реакционную роль, оно неизменно «тормозило», «сдерживало», «омертвляло» и т.п. – это будет пример не научно-атеистического, а теоретически несостоятельного подхода, противоречащего принципу историзма...»³⁰⁴.

Говоря о 988 г., авторы немного иначе, чем их предшественники, смещают акценты и заявляют, что христианизация Руси стала не причиной, а следствием того, что Древнюю Русь уже в X в. можно было отнести к европейской

³⁰³ Клибанов А. И., Митрохин Л. Н. Крещение Руси: история и современность. М.: Знание, 1988. С. 4.

³⁰⁴ Там же. С. 8-9.

цивилизации: «Не христианство "подключило" Русь к европейской цивилизации, а распространение христианства в Древней Руси и принятие его в качестве государственной религии идеологически завершило принадлежность Древней Руси к европейской цивилизации»³⁰⁵. Также, хоть сам процесс христианизации целого государства был сложным, конфликтным и неединовременным, но не стоит преувеличивать его насильственный характер: «Распространение христианства на Руси при Владимире... не являлось религиозной войной держателей киевского стола против собственного населения»³⁰⁶. Конфликты согласно соответствующей обстановке проходили не только на Руси, но «так было и в странах Западной Европы». Данная небольшая работа суммирует предшествующий опыт исследования темы. Можно заметить не только компромиссную смягченную риторику, но и сознательное сглаживание углов за своими предшественниками по особо дискуссионным вопросам.

Таким образом, тема крещения Руси является одной из центральных в советской исторической науке в контексте изучения православия. Первая попытка нового взгляда на христианизацию Руси принадлежит известному советскому историку С. В. Бахрушину. В дальнейшем, различные аспекты данного вопроса будут раскрываться в работах Н. Ф. Лаврова, Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, И. У. Будовница, А. М. Сахарова, Н. С. Гордиенко, Л. И. Емелях, А. И. Клибанова, Л. Н. Митрохина и др. В зависимости от времени написания и социально-политической обстановки в стране, исследования различаются как по риторике и стилю написания, так и по системе аргументации. Однако все они сходятся в одном, что на факт принятия христианства повлиял ряд закономерных причин и предпосылок, которые сложились в древнерусском государстве к X в. Процесс христианизации признавался всеми советскими учеными как прогрессивное явление.

³⁰⁵ Там же. С. 25.

³⁰⁶ Там же. С. 28.

2.3.2. Древнерусская книжность

Одной из первых тем, которую вернули в научный дискурс после периода воинствующего атеизма 1920–1930-х гг. была древнерусская книжность. Реабилитации подверглось героическое прошлое страны и соответствующие военные деятели, в первую очередь, Александр Невский и Дмитрий Донской. Выходит научно-популярная литература, посвященная древнерусским князьям. То есть, в рамках изучения древнерусской книжности первой большой исследуемой группой была агиография выдающихся исторических личностей. Второй группой, на которую распространяется научный интерес были летописные источники, такие как «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника», «Задонщина». Третья группа исследований была связана с изучением историко-антропологической и философской древнерусской мысли³⁰⁷, к которой можно добавить и фольклор. Наконец, стали появляться исследования, которые были посвящены различным церковным средневековым источникам.

В тот же период публикуется достаточно много работ в периодических изданиях, некоторые из которых были напрямую посвящены древнерусской письменности, например, «Труды отдела древнерусской литературы» Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии Наук. Соответствующие статьи начинают публиковаться в «Вопросах философии» и «Византийском временнике».

Великая Отечественная война стала катализатором оформления официального советского дискурса о коллективной идентичности. Военный нарратив интегрировал в себя образы, которые были характерны для идеологии довоенного советского патриотизма и служили целям объединения общества на почве героического прошлого страны. Подобные идеологемы остались актуальными и в послевоенный период. Одним из символов был образ Александра Невского. Разбору различных редакций текста жития А. Невского посвящены

³⁰⁷ См. подробнее: Чумакова Т. В. Советская историография древнерусской философской мысли // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2004. №. 2. С. 13-17.

статьи в «Трудах отдела древнерусской литературы». Работы эти представляют собой филологические труды по истории создания различных редакций жития, а также введение их в научный оборот. Религиозный аспект остается вне основного фокуса исследований, но все же представляет собой сопутствующий фон, который приходилось иметь в виду. Так, например, Д. С. Лихачев сопоставляет текст жития и «Русского Хронографа», а упоминание религиозных сюжетов было сугубо по «утилитарным» причинам, для демонстрации первоисточника заимствований³⁰⁸. В. И. Малышев в своей статье приводит архивоведческое описание документа и публикацию самого источника³⁰⁹. С. Н. Азбелев демонстрирует текстологическое сравнение и редакционную преемственность Никоновской летописи и Погодинской (XVI или XVII вв.), подчеркивающую воинскую (т.е. светскую) доблесть Александра Невского. Характеристика в ней А. Невского только как полководца и государственного деятеля натолкнула автора на вывод, что это редакция одного из самых ранних источников, т.к. агиографические наслоения о «святости» появлялись в процессе эволюции памятника³¹⁰. Работы Ю. К. Бегунова написаны на различные темы: краткая историография изучения различных редакций жития и публикация редакции третьей четверти XVI в.³¹¹; анализ иконографических изображений князя в образе схимника после канонизации в 1547 г., соотношение иконографических изображений и сюжетного содержания жития с возможностью датировки икон через знание о литературных источниках³¹²; публикация отрывков новой светской переработки первой редакции жития³¹³; сообщение о редакции, связанной с трансформацией культа А. Невского из владимирского святого в духовного покровителя Санкт-Петербурга³¹⁴;

³⁰⁸ Лихачев Д. С. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского // ТОДРЛ. 1947. № 5. С. 36-56.

³⁰⁹ Малышев В. И. Житие Александра Невского по рукописи середины XVII в. // ТОДРЛ. 1947. № 5. С. 185-193.

³¹⁰ Азбелев С. Н. Светская обработка Жития Александра Невского // ТОДРЛ. 1958. № 14. С. 147-153.

³¹¹ Бегунов Ю. К. К вопросу об изучении Жития Александра Невского // ТОДРЛ. 1961. № 17. С. 348-357.

³¹² Бегунов Ю. К. Житие Александра Невского в станковой живописи начала XVII в. // ТОДРЛ. 1966. № 22. С. 311-326.

³¹³ Бегунов Ю. К. Кирилло-белозерские отрывки Жития Александра Невского // ТОДРЛ. 1969. № 24. С. 105-107.

³¹⁴ Бегунов Ю. К. Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII в. об Александре Невском // ТОДРЛ. 1971. № 26. С. 72-84.

исследование происхождения третьего вида второй редакции и сравнение ее с другими³¹⁵.

Вместе с изучением различных редакций жития А. Невского советских филологов и историков также интересовало житие другого русского национального героя – Дмитрия Донского. В. П. Адрианова-Перетц отмечает общую тенденцию изменения агиографического стиля: «Княжеские жития XI–XIII вв., как особая литературная форма, служившая для прославления национальных героев, с XIV в. теряют свой преимущественно историко-публицистический характер, и житийные элементы начинают выдвигаться в них на первый план. Панегирики национально-историческим героям превращаются быстро в рассказы о христианских подвижниках. Элементы житийного стиля оттесняют историческое повествование. Вероятно, этот процесс был обусловлен разными причинами. Прежде всего теряли остроту те политические тенденции, которые в свое время послужили основанием для возвеличения определенных исторических лиц. С другой стороны, регламентация церкви становилась строже и, возможно, церковная власть для канонизации или хотя бы местного прославления как святого светского лица требовала от него не только общественно-государственных подвигов, но и выдающихся христианских добродетелей. По этим именно причинам поздние редакции княжеских житий XI–XIII вв. стремятся подогнать своих героев под общий тип "святого" — христианского подвижника, пользуясь для этого привычными шаблонами агиографического стиля, за неимением реального биографического материала»³¹⁶. Это замечание об утере актуальности исторического контекста и строгой внутри-церковной регламентации для канонизации справедливо для житийной традиции как и А. Невского (XIII–XV вв. – образ воина / XVI–XVII вв. – образ святого), так и Д. Донского. Стоит только сказать, что Д. Донской, в отличие от А. Невского, на момент формирования своего жития еще не был причислен церковью к лику святых. Основной же вопрос о житии

³¹⁵ Бегунов Ю. К. Житие Александра Невского в сборнике из собрания Н. П. Лихачева // ТОДРЛ. 1976. № 30. С. 60–72.

³¹⁶ Адрианова-Перетц В. П. Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского // ТОДРЛ. 1947. № 5. С. 73.

Д. Донского, который волновал исследователей, заключался в его атрибуции и авторстве. Так, А. В. Соловьев развивает идеи В. П. Адриановой-Перетц об авторстве жития и предположил, что житие Д. Донского написано не подражателем Епифания Премудрого, а самим автором жития Сергия Радонежского³¹⁷. М. А. Салмина выстраивает схему взаимоотношений различных списков и редакций жития³¹⁸. М. Ф. Антонова критически разбирает теорию А. В. Соловьева об авторстве жития и анализирует жанровую природу произведения³¹⁹. Г. М. Прохоров писал об инородных философских вставках в тексте жития, которые дополняют теорию А. В. Соловьева³²⁰.

За авторством уже упомянутой В. П. Адриановой-Перетц есть ряд важных работ по истории древнерусской литературы и фольклора, которые представляют интерес для исследования отечественной истории изучения православия. «Очерки поэтического стиля Древней Руси»³²¹ (1947 г.), – её первая послевоенная работа. Основной тезис автора заключается в том, что культура русского средневековья творчески использовала усвоенный культурный опыт соседних народов и не может быть и речи о несамостоятельном, подражательном характере русского изобразительного искусства, литературы и литературного языка XI–XVII вв. Целью автора является последовательное восстановление системы художественных средств, с помощью которых древнерусский писатель решал стоящие перед ним задачи, и теоретическая фиксация на их изначальной укорененности в древнерусской культуре, когда почва для усвоения принесенного извне (библейско-византийского метафорического стиля) была подготовлена многовековой историей устной отечественной поэзии.

³¹⁷ Соловьев А. В. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго» // ТОДРЛ. 1961. № 17. С. 85-106.

³¹⁸ Салмина М. А. «Слово о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго» // ТОДРЛ. 1970. № 25. С. 81-104.

³¹⁹ Антонова М. Ф. «Слово о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго». (Вопросы атрибуции и жанра) // ТОДРЛ. 1974. № 28. С. 140-154.

³²⁰ Прохоров Г. М. Непонятый текст и письмо к заказчику в «Слове о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго» // ТОДРЛ. 1985. № 40. С. 229-247.

³²¹ Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л.: АН СССР, 1947. 188 с.

Стоит добавить, что в 1970–1980-х гг. под редакцией академика Д. С. Лихачева была издана 12-томная антология «Памятники литературы Древней Руси» (с 1997 г. переиздается под названием «Библиотека литературы Древней Руси»).

Таким образом, основным предметом исследований по древнерусской книжности были летописи и агиографическая литература. Главной формой таких исследований являлась публикация различных редакций исторических памятников. Первоочередное внимание уделялось национальным военным героям прошлого: Александру Невскому и Дмитрию Донскому. Источниковедческий анализ агиографической литературы о полководцах показал временную трансформацию литературного стиля из исторического повествования о национальном герое в житийную форму прославления православного святого.

2.3.3. Вопросы феодализма и монастырского землевладения

Краеугольными для советской историографии были вопросы феодализма и церковного (монастырского) землевладения. Советскими авторами православная церковь в истории России воспринималась одним из главных феодалов, которая в союзе с самодержавием «угнетала» крестьянские трудовые массы.

В 1947 г. С. Б. Веселовский, опираясь на огромное количество источников, публикует скрупулёзное и детальное исследование феодальных владений митрополичьего дома в средневековой Руси³²². Автор пишет, что до середины XIV в. митрополиты и епископы были главными представителями несветского землевладения, т.к. получали от князей финансирование и земельные владения. Монастыри же не имели такой поддержки. Только со второй половины XIV в. монастыри начинают обогащаться и в будущем обойдут иерархов церкви. Главная

³²² Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в северо-восточной Руси. Т. 1. Ч. 1: Частное землевладение; Ч. 2: Землевладение митрополичьего дома. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 496 с.

масса монастырских владений образовалась в XV–XVI вв. Владения митрополичьего двора росли в процессе переезда кафедры митрополита по маршруту Киев – Владимир – Москва.

После смерти митрополита Алексея (1378 г.) «симфония» церковной и светской власти в стране была нарушена, т.к. княжество Литовское и Константинополь пытались поставить своего кандидата на освободившуюся кафедру. Политику московских государей, начиная с Ивана III, С. Б. Веселовский характеризует следующим образом: «Путем почестей и всяческими материальными благами, но отнюдь не земельными пожалованиями, московские государи привлекали на свою сторону податливых и угодных им митрополитов, смещали неподатливых и неугодных... в общем низводили митрополичью кафедру, а вместе с тем и всю православную церковь, на положение одного из органов государственного управления»³²³. С XV в. митрополиты превратились в «обычных вотчинников», привилегии которых не отличались от привилегий монастырей или служилых людей.

Источниковедческая работа Л. В. Черепнина «Русские феодальные архивы. XIV— XV вв.» представляет собой идеологически-выверенный, согласно эпохе, труд, с соответствующими выводами и заключениями. Основной архивный источник, который использует автор, – церковные и монастырские копийные книги – «источник с ярко выраженным классовым характером», т.к. создавались они в основные этапы истории юридического оформления феодальной зависимости крестьян. Так же Л. В. Черепнин обращается к формулярникам московской митрополичьей кафедры. Через анализ источников автор показывает, что церковь пыталась защитить свои владения, используя документы, обосновывающие закрепление ее прав: «При этом церковные и монастырские сборники списков земельных актов являлись гибким орудием... монастырь пытался при помощи юридического документа закрыть свои богатства от поползновений государственной власти <...> Составление митрополичьих и монастырских

³²³ Там же. С. 346.

копийных книг во второй четверти и середине XVI в. было ответом со стороны церковных феодалов осифлянского лагеря не только на выпады нестяжателей против церковного и монастырского землевладения, но и на публицистические произведения, направленные против эксплуатации крестьян в церковных вотчинах»³²⁴. Выступления боярской оппозиции, отстаивавшей взгляды нестяжателей, например, Вассиана Патрикеева было продиктовано «не защитой непосредственных производителей от эксплуатации духовных феодалов», а защитой боярских вотчин и крестьян от потенциального перехода в состав монастырских землевладений. Основной же смысл духовных копийных книг Черепнин видит в ссылке на древнеобоснованность уклада, когда крестьяне трудились на церковных землях: «Ссылка на «старину» в отношениях между духовными феодалами и непосредственными производителями должна была заглушить голос оппозиции»³²⁵.

В контексте создания русского централизованного государства особое положение занимала Новгородская республика. Труд В. Н. Бернадского «Новгород и Новгородская земля в XV веке»³²⁶ (1958 г.) посвящен социально-экономической истории Новгорода в XIV–XV вв. Основные источники, к которым обращался автор, – это летописи и новгородские писцовые книги. Церковь в работе выступает одним из социально-экономических факторов отставания феодальных отношений в Новгородской республике. Архаичность заключалась в использовании дофеодальных и раннефеодальных форм эксплуатации. В историческом контексте преодоления феодальной раздробленности и создания централизованного государства, новгородская «боярская олигархия» и «церковные магнаты» выступали за сохранение старого положения. В. Н. Бернадский подтверждает мысль С. Б. Веселовского о росте монастырского землевладения в XIV–XV вв. в северо-восточных волостях. Соответственно, это был универсальный процесс, который коснулся и независимого Новгорода. Автор показал, что вслед за

³²⁴ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. XIV–XV вв. Ч. II. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 50.

³²⁵ Там же. С. 51.

³²⁶ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 246 с.

боярскими землевладениями расширялись и монастырские. Закат же Новгородской республики и присоединение ее территорий к княжеству Московскому было закономерным результатом длительного и многостороннего процесса изменений в «базисе и надстройке феодальной Руси». Падение Новгородской республики, по мнению В. Н. Бернадского, было связано с обратной стороной феодального типа развития экономики – усилением классовой борьбы крестьянства и стихийными антибоярскими движениями народных масс. Случилось это во многом из-за невозможности боярских и монастырских хозяйств перестроиться на более прогрессивный тип феодальной экономики.

В 1959 г. Л. С. Прокофьева публикует микроисторическое исследование монастырской вотчины, характерной для русского государства XVII в., на примере Спасо-Прилуцкого монастыря³²⁷. Исследование построено на архивных материалах, в первую очередь на приходо-расходных книгах, которые отражали торговую деятельность монастыря: посевы хлеба, сбор денежного оброка с крестьян, наем рабочей силы, ростовщическая деятельность и т.д. Также автор подключила к списку основных источников писцовые и переписные книги, актовые материалы самого монастыря и крестьянские челобитные. Л. С. Прокофьева построила цельную картину социально-экономической деятельности монастыря, типичного для XVII в. Книга представляет собой подробное статистическое описание экономической жизни вотчины и монастыря, включая общую картину феодальной эксплуатации крестьян. Так, было показано, что в XVII в. происходит замена части отработочных повинностей денежным оброком, что является следствием проникновения товаро-денежных отношений в монастырское вотчинное хозяйство в условиях складывающегося всероссийского рынка. Наибольший «идеологический» интерес могла бы представлять четвертая глава («Крестьяне»), которая описывает обложение крестьян Спасо-Прилуцкого монастыря повинностями различного рода и данные об их задолженностях и последующих наказаниях. Однако, работа является скорее источником

³²⁷ Прокофьева Л. С. Вотчинное хозяйство в XVII в.: По материалам Спасо-Прилуцкого монастыря. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 177 с.

статистического и фактологического материала, без идеологических выводов атеистического толка и акцентировании на них внимания. К формату статистических исследований можно добавить работы Н. А. Горской³²⁸ и И. А. Булыгина³²⁹.

Однако у Н. А. Горской, в отличие от Л. С. Прокофьевой, помимо приведенного статистико-фактологического материала, присутствуют выводы идеологического характера. В период окончательного оформления крепостного права в конце XVI – начале XVII вв. барщина в монастырских вотчинах была тяжелее, нежели на частновладельческих землевладениях. Следовательно, жесткая барщина, как один из компонентов окончательного оформления крепостного права на общегосударственном уровне, по мнению автора, свидетельствовала о ведущей роли церкви в закреплении крестьян.

Работа И. А. Булыгина демонстрирует численность и географическое распределение крестьян и монастырей, виды государственных повинностей монастырских крестьян до и после петровских преобразований, подробно разобрана внутренняя хозяйственная жизнь монастырей. Особое внимание уделено реформам Петра I, в результате которых значительная часть церковных земель перешла в собственность государства. По выводам автора, секуляризация духовных имений подрывала основы феодально-крепостнического строя, облегчая положение крестьян, и способствовала утверждению более прогрессивных капиталистических отношений.

Помимо вотчинных землевладений у духовных феодалов, также как и у светских, в XIV–XV вв. появляются во владениях т.н. «дворы» в городах, которые использовались как центры торгово-промышленной деятельности. Л. В. Черепнин в 1960 г. пишет: «Возникновение церковных и монастырских дворов было связано с развитием промыслов и торговли во владениях духовных феодалов»³³⁰. Таким

³²⁸ Горская Н. А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. (О сущности и формах феодально-крепостнических отношений). М.: Наука, 1977. 365 с.

³²⁹ Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М.: Наука, 1977. 327 с.

³³⁰ Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV вв. М.: Соцэкгиз, 1960. С. 356.

способом, по мнению автора, «духовные феодалы» распространяли и увеличивали свое влияние уже не только в деревне, но и проникая в город, что в общем способствовало укреплению там феодально-крепостнических отношений. Но, как бы это не было парадоксально, подобные шаги со стороны церкви имели и прогрессивное значение и вели в том числе и к экономическому развитию страны, что в итоге способствовало политической централизации: «Давая оценку социально-экономических и политических последствий развития монастырского и церковного дворовладения в городах на протяжении XIV–XV вв., надо сказать, что они были сложны и противоречивы. Я уже не раз указывал, что городские дворы духовных землевладельцев становились, как правило, средоточием торгово-промышленной деятельности, а поскольку последняя протекала при поддержке князей в достаточно благоприятных условиях, она способствовала общему экономическому прогрессу в стране, расширению товарного обращения, торговых связей. Торгово-промышленная деятельность монастырей, распространявшаяся на значительное число городов независимо от их принадлежности к тем или иным политическим образованиям на территории феодально-раздробленной Руси, объективно содействовала созданию предпосылок государственного объединения страны. В церковных и монастырских владениях в городах великокняжеская власть, проводившая политику централизации, находила опору»³³¹.

В учебном пособии «Основы научного атеизма» (1961 г.) не отражены и не упоминаются противоречивые взаимоотношения светской и духовной властей в период феодальной раздробленности и централизации российского государства. Положение, приводимое авторами учебника явно упрощенное, но идеологически выверенное и однозначное: «Православие утвердилось на Руси исключительно благодаря поддержке со стороны государства. Распространившись в Киевской Руси как религия господствующего класса феодалов, оно усердно служило этому классу в течение всего его исторического существования. В отличие от западноевропейского средневекового католицизма, православная церковь

³³¹ Там же. С. 360.

выступала не в качестве самостоятельной политической силы, а в качестве подчиненного органа светской власти»³³².

Отношениям между княжеской властью и церковью в период образования русского централизованного государства посвящена статья А. М. Сахарова³³³. Ссылаясь на С. Б. Веселовского, автор повторяет, что в первой половине XIV в. московским князьям удалось привлечь на свою сторону церковь путем предоставления политических и экономических преференций. Таким образом, уже к середине XIV в. церковь представляла собой мощную политическую и экономическую силу. Однако с началом централизации возник острый конфликт между светской и церковной властью. К тому же, это совпало со смертью митрополита Алексея, на значительную роль которого в «симфонии» особенно обращал внимание С. Б. Веселовский. А. М. Сахаров достаточно подробно разбирает действия великого князя Василия II по отношению к митрополиту Исидору в контексте отказа русской церкви от Флорентийской унии и находит в них мотив подчинения церкви великокняжеской светской власти. Автор, очевидно, пытается показать неоднозначность позиции церкви и ее «метания» между противоборствующими сторонами. В итоге церковь выбрала компромисс, получив, с одной стороны, независимость от Константинополя, с другой – подчинившись в известной мере великокняжеской власти Василия II. Так же подробно автор останавливается на внутренней и внешней политике Ивана III, которая непосредственным образом касалась положения церкви. Такого важного церковного деятеля эпохи как Иосифа Волоцкого А. М. Сахаров считает борцом за привилегии феодальной церкви, который так же из-за этого вступал в конфликт со светской властью: «Литературные произведения Иосифа Волоцкого, этого воинствующего церковника, совершенно определенно свидетельствуют о враждебном отношении определенных кругов церкви к централизации

³³² Цамерян И. П., Долгих Ф. И., Колоницкий П. Ф., Шейнман М. М. Основы научного атеизма. М.: Госполитздат, 1961. С. 206.

³³³ Сахаров А. М. Церковь и образование Русского централизованного государства // Вопросы истории. 1966. № 1. С. 49-65.

государственной власти и объединению русских земель»³³⁴. Здесь показан один из классических тезисов советской историографии о церкви как противнице централизации русского государства, т.к. централизация государства требовала «обуздания» независимости крупных феодальных владений. Но уже в начале XVI в. светская власть «примирилась» с церковью, и Иосиф Волоцкий теперь уже поддерживал великого князя. А. М. Сахаров считает, что тот продолжал отстаивать феодальные интересы церкви, изменив тактику: духовенство проповедовало о божественном происхождении и характере светской власти. По мнению автора, именно это догматическое «новшество» впоследствии оказало сильное влияние на Ивана Грозного. Светская власть использовала господствовавшее в средние века религиозное мировоззрение для укрепления своего авторитета, а церковь, в свою очередь, получила протекцию своих феодально-экономических интересов. В конце статьи А. М. Сахаров останавливается на истории происхождения теории о Москве как «третьем Риме». С точки зрения автора, старец Филофей, будучи иосифлянином, в своих посланиях требовал от светской власти охраны монастырской земельной собственности: «С этой точки зрения надо оценивать и его рассуждения о "Москве — третьем Риме", суть которых сводилась прежде всего к тому, чтобы заставить государство считаться с церковью, охранять ее положение и привилегии. Не случайно эта концепция была изложена в посланиях, адресованных великому князю: на его сознание хотели воздействовать церковники, ему хотели внушить мысль об особой миссии великокняжеской власти — охранять и поддерживать "истинную" церковь, что должно было льстить и самой великокняжеской власти, которая представала, по крайней мере в своем собственном воображении, как самая важная для мирового христианства государственная власть»³³⁵. К тому же, как далее пишет А. М. Сахаров, концепция «Москва – третий Рим» служила для церкви защитой старого привилегированного положения в государстве, т.е. автор продолжает традицию советской исторической

³³⁴ Сахаров А. М. Церковь и образование Русского централизованного государства // Вопросы истории. 1966. № 1. С. 57.

³³⁵ Там же. С. 64.

науки, считавшей, что с началом централизации государства церковь использовала «ссылки на старину» (будь то копииные книги или же разработанная историософская теория), чтобы защитить свои владения, приобретенные в предыдущий период феодальной раздробленности.

В сборнике «Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.)» заявленной теме соответствуют три главы: третья («Церковь в период феодальной раздробленности»), четвертая («Церковь в период монголо-татарского ига и объединения русских земель в единое государство») и пятая («Церковь и образование русского централизованного государства»). Все они написаны также А. М. Сахаровым. Автор считает, что до получения автокефалии, когда Русскую православную церковь возглавляли митрополиты, назначенные Константинополем, последние были «агентами империи» и поэтому активно вмешивались во внутривластные дела государства, пытаясь поддерживать реакционные силы, ориентированные на Византию. Могущество же церкви, – пишет А. М. Сахаров, основывалось на увеличении ее материальных средств: «Церковь не только щедро одаривалась князьями и другими феодалами, жаловавшими ей земли и доходы с целью привлечь ее на свою сторону в междоусобной борьбе. Она и сама была активным стяжателем»³³⁶. Практика же княжеской поддержки церкви была заведена с момента ее основания на Руси, когда Владимир постановил выплачивать десятину. К тому же, добавляет автор, богатства церкви внутри ее распределялись неравномерно: «Митрополиты и епископы представляли богатейшую церковную аристократию, тогда как приходские священники по своему имущественному положению зачастую мало чем отличались от массы городского и сельского населения»³³⁷. Среди способов увеличения экономических благ церкви, автор называет и судебные полномочия, которые были предоставлены ей специальными княжескими уставами: «Церковь наживалась на всем, на чем только было возможно, и сосредоточение в ее руках

³³⁶ Каждан А. П., Сахаров А. М., Токарев С. А. Церковь в истории России. (IX в. - 1917 г.): Критические очерки. М.: Наука, 1967. С. 53.

³³⁷ Там же. С. 54.

широкого круга судебных дел было одним из важных источников ее обогащения. Нормы церковного права имели ярко выраженный классовый характер и были весьма далеки от идеи равенства всех людей перед богом, официально проповедовавшейся христианским вероучением»³³⁸. Церковные обряды и таинства так же служили антинародным интересам духовенства и целому господствующему классу: «При помощи обязательной исповеди церковники проникали во внутренний мир людей, воздействовали на их психику и поступки и в то же время выводывали сведения о всяких замыслах, направленных против церкви, господствующего класса и существующего общественного строя»³³⁹. XIV–XV вв. А. М. Сахаров описывает как время роста количества монастырей и, соответственно, монастырского землевладения, усиления влияния церкви во всех сферах общественной жизни. Четвертая («Церковь в период монголо-татарского ига и объединения русских земель в единое государство») и пятая («Церковь и образование русского централизованного государства») главы, по сути, ничем не отличаются от собственной статьи А. М. Сахарова годом ранее в «Вопросах истории»³⁴⁰, только для обобщенного текста был расширен фактологический материал и количество примеров. В частности, были добавлены пассажи про еретические средневековые движения на Руси, которые, безусловно, уместны в качестве общего исторического описания эпохи.

Немного смещен акцент, по сравнению с предыдущими работами А. М. Сахарова, в статье 1976 г.³⁴¹. Вместо демонстрации негативных проявлений антинародной и стяжательной политики церкви в период феодальной раздробленности, теперь активным деятельным субъектом выступает светская княжеская власть, которая в процессе централизации государства пыталась

³³⁸ Там же. С. 56.

³³⁹ Там же. С. 57.

³⁴⁰ Сахаров А. М. Церковь и образование Русского централизованного государства // Вопросы истории. 1966. № 1. С. 49-65.

³⁴¹ Сахаров А. М. Образование единого Российского государства и идейное воздействие церкви на этот процесс // Вопросы научного атеизма. 1976. № 20. С. 170-189.

подчинить себе церковь и использовать ее «в своих классово-политических интересах».

До 1976 г. наличие множества статей, либо параграфов в обобщающих работах, по древнерусской церковной истории не меняли того факта, что до тех пор не вышло ни одной советской комплексной монографической работы. Исследование Я. Н. Щапова³⁴² заявлено как первая монография по исследованию истории древнерусской церкви с позиций марксизма. В качестве источников автор рассматривает княжеские уставы и уставные грамоты епископских кафедр. Объектом исследования является эволюция церковной организации, ее прав и юрисдикции в контексте развития древнерусского государства эпохи феодализма. Я. Н. Щапов прежде всего выделяет устав князя Владимира Святославовича о десятинах и церковных людях и устав князя Ярослава Мудрого о церковных судах. Они возникли в первые века существования церкви на Руси и оказали непосредственное влияние на поздние уставы и грамоты. С течением времени и развитием церковно-государственных отношений на Руси, эти уставы претерпевали изменения, переработки и дополнения. Источниковедческое исследование Я. Н. Щапова позволяет по текстам поздних редакций определить юридическое содержание и состав первоначальных памятников. Автор пришел к выводу, что устав Владимира является документом, который отражает договор княжеской и церковной власти о разделе феодальной ренты и выделении десятины на финансирование церкви и относится он к XII в. Устав Ярослава был следующим шагом по укреплению не столько экономического, сколько юридического и общественного положения церкви в древнерусском государстве: «Обращает на себя внимание очень большой объем юрисдикции церкви на Руси, как он отразился в княжеских уставах и негативно в Русской Правде. По количеству дел церковное судебное ведомство вторгалось в жизнь древнерусского населения не менее часто, чем княжеское. Через епископского волостеля или тиуна проходила вся масса бытовых конфликтов, связанных с жизнью семьи, а также все дела, обусловленные

³⁴² Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в древней Руси. XI-XIV вв. М.: Наука, 1972. 338 с.

заменой традиционных общинных брачных норм и обычаев на новые нормы классового общества»³⁴³.

Еще одно исследование микроисторического характера было опубликовано А. А. Зиминим в 1977 г.³⁴⁴. Монография написана по истории землевладения и социальной структуры Иосифо-Волоколамского монастыря, который назван одним из крупнейших церковных феодалов в XVI в. Феодальное владение монастыря рассматривается А. А. Зиминим в контексте политики и идеологии иосифлян. Автор указывает, что в середине XVI в. больше трети населенных земель страны принадлежало духовным феодалам, таким образом, крупная монастырская вотчина играла заметную роль в социально-политической структуре государства. Рассматривая социальную структуру Иосифо-Волоколамского монастыря, А. А. Зимин отмечает, что иосифляне своей политической деятельностью поддерживали власть московских князей и собственные «корпоративные» интересы. Конечной целью церковных стяжателей было создание государства в государстве: «Это в значительной мере объяснялось реальным положением церкви как крупного полусамостоятельного земельного магната в русском феодальном обществе...»³⁴⁵. А. А. Зимин в своей работе попытался продемонстрировать, как последователи доктрины Иосифа Волоцкого вели борьбу за обладание всеми ключевыми позициями в среде высшей церковной иерархии. В свою очередь, борьба иосифлян и нестяжателей оказывала реальное воздействие на текущую политику великих князей. Автором показано, как при помощи светской власти уже к середине XVI в. важнейшие церковные посты находились в руках иосифлян. Отдельно отмечена деятельность иосифлянского митрополита Московского и всея Руси Макария, которая была направлена на укрепление власти московского государя и церкви, что можно расценивать как содействие централизации и укреплению всего государства. Таким образом, в советских исследованиях был неоднозначным вопрос об отношении к доктрине Иосифа Волоцкого и его

³⁴³ Там же. С. 309.

³⁴⁴ Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV-XVI в.). М.: Наука, 1977. 356 с.

³⁴⁵ Там же. С. 281.

последователей: с одной стороны, иосифляне могли расцениваться как реакционные феодалы, накапливающие богатства; с другой стороны, их поддержка московских князей все же вела к окончанию процесса централизации государства вокруг Москвы, что в отечественной историографии считалось прогрессивным явлением после эпохи феодальной раздробленности.

Таким образом, проблема церковного феодализма и монастырского землевладения является одной из самых разработанных тем в советской историографии истории православия. Напрямую затрагиваются вопросы социально-экономических отношений, которые являлись краеугольными для марксистской идеологии и методологии. За почти полвека было написано множество работ по экономической истории монастырских вотчин, митрополичьих дворов, церковных владений. Авторами были использованы различные источники, такие как летописи, писцовые книги, копийные книги, приходо-расходные книги, формулярники епископских кафедр, уставные грамоты епископских кафедр, княжеские уставы и пр.

2.3.4. Борьба крестьян с церковным землевладением

Логическим продолжением темы феодализма являются вопросы крестьянской борьбы с церковным землевладением. Восстания, в т.ч. под предводительством И. И. Болотникова, С. Т. Разина, Е. И. Пугачева, советская историография оценивала как прогрессивное явление классовой борьбы угнетенных с угнетателями.

В 1955 г. в научно-популярной серии издательства Академии наук СССР вышла книга А. М. Самсонова «Антифеодальные народные восстания в России и церковь». Книга написана под влиянием двух известных постановлений ЦК КПСС в 1954 г. Тем самым, ужесточение идеологической риторики в области религии «подсказывало» исследователям необходимый язык. Автор обличительным тоном

представляет церковь «служанкой самодержавия», затемняющей классовое сознание народных масс: «Церковь и ее служители всегда были тесно связаны с эксплуататорскими классами, а верхушечная часть церковников сама принадлежала к крупным землевладельцам и обладала значительными капиталами. Поэтому церковнослужители, как и церковь в целом, были ревностными проводниками политики эксплуататорских классов»³⁴⁶. Пришедшая на Русь православная церковь действовала в интересах феодалов, и сама становилась крупным землевладельцем. А. М. Самсонов противоречит С. Б. Веселовскому, заявляя об увеличении благосостояний и феодальных вотчин у монастырей с XI в. Автор, видимо, связывает это с началом первых народных антифеодальных движений, которые имели религиозную окраску. В XI в. социальный протест использовали волхвы во время восстания смердов в Суздальской земле в 1024 г. Автор отмечает колонизаторскую деятельность монастырей в XIV–XV вв. В 1950-х гг. в советской исторической науке уже сложилось мнение о положительной стороне колониальной политики самодержавия. А. М. Самсонову приходится «вшивать» небольшие «положительные» абзацы почти в каждую главу, но появляются они в отрыве от основной логики и антиклерикального настроения повествования и выглядят искусственными вставками: «Проводимая монастырями усиленная колонизация много способствовала хозяйственному и культурному развитию страны, развитию письменности и начального просвещения среди коренного населения осваиваемых земель»³⁴⁷. Еще одним примером неоднозначной авторской оценки выступает роль церкви в централизации земель и укреплении самодержавия: «Церковь объективно играла прогрессивную роль в процессе ликвидации феодальной разобщенности и образования централизованного государства, содействуя укреплению самодержавной власти. Объединение русских земель под властью московских князей отвечало и интересам самой церкви, которая нуждалась в сильной власти, способной охранять ее крупные земельные владения и держать в повиновении массы зависимых от нее

³⁴⁶ Самсонов А. М. Антифеодальные народные восстания в России и церковь. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 5.

³⁴⁷ Там же. С. 18.

крестьян»³⁴⁸. В отличие от деятельности нестяжателей, которые выступали за интересы боярства в борьбе с церковным землевладением, А. М. Самсонов выделяет прогрессивную роль ересей Феодосия Косого и Матвея Башкина. В «своеобразной религиозной форме» они выражали классовый протест закрепощенных масс. На установление крепостного права крестьянство ответило стихийным возмущением. Сгущающаяся смута, общая социальная напряженность и голод в первых годах XVII в. стали причинами восстания И. И. Болотникова, которое А. М. Самсонов именуется первой масштабной антикрепостнической войной против бояр, помещиков и духовных феодалов. Следующим крупным проявлением классовой борьбы в XVII в. было восстание С. Т. Разина, в борьбе с которым церковь приняла активное участие. Однако автор привел достаточно скромное количество примеров о роли церкви. К тому же, заметно снисходительно-нейтральное отношение и краткое упоминание факта разорения церквей «разинцами» в захваченных городах и казней представителей духовенства. Похожий авторский настрой сопровождает и описание событий во время восстания под предводительством Е. И. Пугачева: «Антикрепостническое движение, возглавленное Пугачевым, носило во многих случаях ярко выраженный антицерковный характер. Крестьяне осаждали монастыри, разоряли церкви, уничтожали иконы, убивали попов. Антицерковные настроения среди восставших проявлялись, в частности, и в попытках создания новых форм быта, освобожденного от церковной опеки. <...> Наряду с помещичьими усадьбами часто пылали и церкви. Насильственное распространение христианства среди нерусских народностей, преследование старообрядцев, эксплуататорская деятельность церкви и ее активная борьба с восстанием — все это приводило к многочисленным случаям «осквернения и разорения божьих храмов»³⁴⁹. Имея достаточно широкие хронологические рамки исследования, А. М. Самсонов сосредотачивается преимущественно на восстаниях И. И. Болотникова, С. Т. Разина и Е. И. Пугачева. При перечислении событий трех крестьянских

³⁴⁸ Там же. С. 24.

³⁴⁹ Там же. 152-153.

восстаний прослеживается очевидная и нескрываемая авторская симпатия к ним. Научно-популярное изложение материала не позволяет автору раскрыть тему, ограничиваясь рядом разрозненных примеров. Церковь упомянута только косвенно и из-за необходимости заявленной темы, но определенно не выступает главным объектом исследования. Но частные примеры «реакционной политики духовенства» выдаются А. М. Самсоновым за общую тенденцию.

В сборнике «Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.)» в восьмой главе («Крестьянская война начала XVII в. и церковь») В. И. Корецкий считает, что искрой, которая разожгла крестьянские восстания XVII в. был голод начала века, а также эпидемии чумы и холеры, когда «страдания народных масс достигли невиданных размеров». Однако, замечает автор, хлебные запасы в стране имелись у светских феодалов, купцов, зажиточных крестьян и монастырей. Спекуляция на продаже хлеба «духовными вотчинниками», по мнению В. И. Корецкого, была использована для усиления феодальной эксплуатации. Автор особо выделяет в этом роль Кирилло-Белозерского и Иосифо-Волоколамского монастырей. Подобная социальная несправедливость и стала катализатором начала крестьянских волнений. Обострение классовых противоречий привели к восстанию Хлопка в 1603 г. и антицерковному выступлению в Москве в 1605 г.: «То, что народное выступление в Москве в 1605 г. приняло резко выраженный антицерковный характер, в значительной мере объясняется возмущением той своекорыстной политикой, какую проводило православное духовенство в лице патриарха и высшей иерархии в голодные годы»³⁵⁰. Далее В. И. Корецкий пишет, что церковь одобрила антипольский заговор князя В. И. Шуйского, поддержав его. В это время зарождалось восстание И. И. Болотникова – «кульминационный пункт крестьянской войны». «В начавшейся ожесточенной борьбе церковь предоставила в распоряжение правительства Шуйского все свои средства — идеологические и материальные, чтобы добиться победы над народом»³⁵¹. Особенно, по мнению

³⁵⁰ Каждан А. П., Сахаров А. М., Токарев С. А. Церковь в истории России. (IX в. - 1917 г.): Критические очерки. М.: Наука, 1967. С. 130.

³⁵¹ Там же. С. 136.

автора, в этом упорствовал патриарх Гермоген, который был «непримиримым врагом восставших крестьян». «Враждебность» православного духовенства к восстанию Болотникова объясняется автором тем, что, народное движение было направлено против феодальных порядков. Тем самым оно наносило удар и по православной церкви, одной из представительниц класса угнетателей. Отрицательное отношение к церкви как крупному собственнику, как силе, выступившей на стороне правительства крепостников, проявилось в ходе восстания совершенно очевидно, считает автор.

Первым в советской историографии исследованием, в котором на основе житийной литературы раскрывается история монастырей и их роль в социально-экономических и политических процессах в истории страны, была работа И. У. Будовница «Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв.». Источниками для монографии служат жития святых. Через источниковедческий анализ агиографической литературы, автором из житий извлекается материал, свидетельствующий о борьбе крестьян с монастырским землевладением. Так как текст был готов еще в 1960 г., а сама книга вышла уже посмертно, в авторском введении наличествует «идеологическое обрамление», которое было характерно для работ эпохи хрущевской антирелигиозной кампании. Используются такие эмоционально-окрашенные эпитеты негативного характера, как «позорная кличка стяжателей», «безмерно алчные и жадные люди», «преподобные хищники», «феодальные насильники в рясах».

И. У. Будовниц исследует переворот в монастырской жизни во второй половине XIV в., когда монастыри превратились в самостоятельные феодальные вотчины. Авторская периодизация соответствует выводам С. Б. Веселовского. И. У. Будовниц приводит подробный историографический обзор и разбор дореволюционных исследований житийной литературы, в т.ч. высоко оценивает исследования В. О. Ключевского. Автор пишет: «В советской исторической литературе "жития святых" как исторический источник не привлекали к себе особого внимания. Они не подвергались подробному разбору и не использовались даже в антирелигиозной литературе, хотя "жития" содержат обширный материал,

характеризующий жестокий феодальный гнет со стороны монастырей...»³⁵². С точки зрения И. У. Будовница жития: 1) дают богатый материал по истории возникновения нового типа монастырей-вотчинников, массовое распространение которых произошло во второй половине XIV в.; 2) выступают как источники по истории классовой борьбы между монастырями-феодалами и крестьянством, а так же по истории быта монастырей и организации их хозяйств.

Автор использовал литературу только о тех святых, которые являлись основателями новых монастырей в XIV–XVI вв. И. У. Будовниц ставит своей целью реабилитировать жития святых в качестве достоверного исторического источника и «пересмотреть установившийся в историографической практике взгляд В. О. Ключевского на "жития" как на литературные произведения, бедные по содержанию»³⁵³. До XIV в. монастыри строились и поддерживались князьями, архиепископами и видными боярами, и не обладали большими земельными владениями. Такие выводы справедливы и для женских монастырей: «Еще в меньшей степени можно назвать феодальными землевладельцами монастыри женские. Как в интересующее нас время, так и на протяжении всей дальнейшей истории русского монашества женские монастыри, за редким исключением (например, Новодевичий), не обладали значительными земельными богатствами»³⁵⁴. Тип монастыря-феодала, который начинает складываться со второй половины XIV в., строился на уставе общежития, что превращало его в коллективного феодального вотчинника, разветвленное хозяйство которого было основано главным образом на труде феодально-зависимых крестьян. В XV в. таковыми были уже большинство монастырей. Переворот, совершившийся в монастырской жизни Руси, связан с именами Сергия Радонежского и митрополита Алексея. Ценнейший источник по истории этого события – житие Сергия, написанное Епифанием Премудрым. Троицкий монастырь стал первым в своем роде монастырем нового типа. По характеристике И. У. Будовница, Сергий – не

³⁵² Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв. (по «житиям» святых). М.: Наука, 1966. С. 42.

³⁵³ Там же. С. 45.

³⁵⁴ Там же. С. 55.

смирный святой, чуждый всего мирского, как его рисует житие, а властный и предприимчивый игумен, имевший тесные связи с великокняжеской властью и влиятельным митрополитом: «Отныне начинается тесное сотрудничество Алексея и Сергия по насаждению в Северо-Восточной Руси общежитийных монастырей, игуменами которых, как правило, становились ближайшие ученики и сподвижники Сергия»³⁵⁵.

Автор приходит к заключению, что монастыри нового типа появлялись на территориях, где были плохо развиты феодальные отношения и отсутствовала конкуренция с поместным светским землевладением. Но, при этом И. У. Будовниц отдельно подчеркивает, что образ монастыря, основанного в незаселенной пустыне – это миф. Основатели монастырей принципиально селились недалеко от городов и сел по пути колонизаторского продвижения государственной власти. Колонизаторская же деятельность самих монастырей выражалась в присвоении земель с крестьянами на открытых территориях. В отдаленных районах монастыривотчинники были опорой централизуемого феодального государства. По выводам автора, история монастырей нового типа на Руси – это история эксплуатации крестьян и их борьба с новым видом феодального закрепощения.

«Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв.» представляет собой фундаментальное исследование по истории создания монастырей и внутреннему укладу монастырской жизни на Руси. Проведенный И. У. Будовницем источниковедческий анализ житийной литературы позволил автору разделить материал на исторически-достоверный и вымышленные наслоения. Можно сказать, что это один из примеров качественной исторической работы советского периода, где не утратившая свою актуальность научная ценность скрыта за актуальным политизированным названием на обложке и тенденциозным идеологизированным вводным словом.

Таким образом, борьба крестьян с монастырским землевладением привлекала внимание советских исследователей не меньше, чем описание

³⁵⁵ Там же. С. 92.

церковных феодальных владений. Особенно концентрировалось внимание на проявлениях классовой борьбы в восстаниях И. И. Болотникова, С. Т. Разина, Е. И. Пугачева. Советская историография оценивала крестьянские, в т.ч. антиклерикальные, выступления как явление прогрессивного характера.

2.3.5. Антифеодальные религиозные движения

Среди антифеодальных выступлений в истории России отдельно советская историография выделяла религиозные антифеодальные движения, которые именovala реформационно-гуманистическими. Оценивались они так же через призму классовой борьбы. Авторы видели в них прогрессивное явление, однако все же скрытое под «религиозной пеленой».

В 1947 г. выходит первая работа, посвященная истории русской публицистике, а если шире – общественной мысли XVI в., за авторством И. У. Будовница³⁵⁶. Рассмотренные автором литературные памятники преимущественно представляют собой труды духовных лиц. И. У. Будовниц ставит себе задачу «вскрыть религиозную оболочку» их воззрений и показать «реальные общественные интересы», т.е. классовую борьбу, которую хотели выразить авторы. Историк начинает с ереси стригольников и «жидовствующих», говоря о них, как о первых социальных религиозных движениях антифеодального характера. Основным источником знания о сущности учения стригольников является поучение против них епископа пермского Стефана, т.к. собственная литература еретиков не сохранилась. О ереси «жидовствующих» известно со слов их обличителей: архиепископа новгородского Геннадия и известного игумена И. Волоцкого. И. У. Будовниц подмечает, что И. Волоцкий изображает учение «жидовствующих» не как ересь, а как полное отступничество от христианства, что каралось в средневековой Руси намного суровее. По мнению автора, именно то, что

³⁵⁶ Будовниц И. У. Русская публицистика XVI века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 308 с.

«жидовствующие» ссылались главным образом на книги Ветхого Завета, побудило архиепископа Геннадия предпринять перевод Библии на славянский язык, а уже существовавшие переводы отдельных книг сверить с оригиналом, исправить и дополнить. В итоге, И. У. Будовниц характеризует ереси стригольников и «жидовствующих» как реформаторские движения. По его мнению, ереси средневековой Руси испытали влияние похожих социальных движений Западной Европы и европейских вольнодумцев, но, в свою очередь, предвосхитили некоторые протестантские идеи, например, отрицание икон и института монашества. Антифеодалные настроения еретиков повлияли и на ряд церковных деятелей, которые стали также выступать против стяжательства монастырей. Во второй половине XV в. обостряется борьба за церковные земли – на них начинают претендовать бояре и центральная великокняжеская власть. Внутри самого духовенства выделяется группа сторонников нестяжательного образа жизни монахов, во главе со старцем Нилом Сорским. И. У. Будовниц пишет, что сторонники секуляризации монастырских земель были тесным образом связаны с боярством. Автор подробно излагает учение Нила Сорского во всей его многоаспектности, что создает впечатление симпатии автора к описываемой личности. «В учении Нила Сорского есть один пункт, затрагивающий животрепещущий вопрос современности. Этот пункт – о недопустимости для монастырей владения землей с крестьянами, – задевавший кровные интересы могущественной церкви и отвечавший стремлениями ряда влиятельных социальных групп и центральной власти, должен был рано или поздно превратить все учение Нила Сорского в боевое оружие политической борьбы. Так оно и случилось, причем в борьбу оказался втянутым сам Нил Сорский»³⁵⁷. Произошло это, по мнению исследователя, под влиянием собственного ученика – Вассиана Патрикоева. Бывший князь захотел вырваться из «невольного монашества» и вернуться в привычную сферу политической деятельности. «Вассиан Косой сумел – и это обличает в нем опытного политика – аморфное учение Нила Сорского

³⁵⁷ Там же. С. 79.

приспособить к политическим нуждам другого класса, сделать это учение орудием боярской политики и при помощи его дать господствующей церкви бой по такому важному вопросу, как вопрос о монастырском землевладении»³⁵⁸.

Одной из важнейших работ по тематике истории реформационно-гуманистических движений является монография Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье «Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века»³⁵⁹ (1955 г.). Впервые в отечественной историографии на основе глубокого изучения источников комплексно исследуется история двух главных еретических движений Руси в XIV – начале XVI вв.: стригольников и «жидовствующих». В традициях советской историографии авторы рассматривают эти еретические движения как антифеодальные и реформационно-гуманистические³⁶⁰. Методологическую основу авторы данного труда видят в «Крестьянской войне в Германии» Ф. Энгельса, где указывается, что ереси явились одной из форм оппозиционной борьбы. А религиозное обличье протест принимал ввиду идеологических условий эпохи феодализма и исключительного экономического положения официальной церкви. Подобное воззрение и взгляды перенесены в поле российской истории. Авторы сравнивают обе ереси с движением Яна Гуса.

Первая часть книги, посвященная Новгородско-псковской ереси стригольников, написана Н. А. Казаковой. Вторая часть, написанная Я. С. Лурье, посвящена Новгородско-московской ереси «жидовствующих». Так же издание сопровождается впервые введенными в оборот историческими источниками, подготовленными к публикации А. А. Зиминим, А. И. Клибановым, Я. С. Лурье и Н. А. Соколовым.

Ересь стригольников, первое масштабное еретическое движение на Руси, возникла в Новгороде в середине XIV в., а затем распространилась на Псков, там

³⁵⁸ Там же. С. 80.

³⁵⁹ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV - начала XVI века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 544 с.

³⁶⁰ См. также: Казакова Н. А. Идеология стригольничества – первого еретического движения на Руси // ТОДРЛ. 1955. № 11. С. 103-117; Лурье Я. С. Истоки большой традиции (Русское свободомыслие 14-17 веков) // Наука и религия. 1961. № 7. С. 41-45.

достигла наивысшего расцвета и была подавлена. Новгород и Псков были развитыми центрами ремесла и товарно-денежных отношений и уровень классовой борьбы между посадским населением и феодалами там был выше. Таким образом, стригольничество – ересь посада, выражавшая протест в религиозной оболочке всех слоев посадского населения против феодального строя и господствующей церкви. Прогрессивность общественно-религиозного движения заключалась в том, что в борьбе с феодалом оно расчищало дорогу для следующего уровня социально-производственных отношений. В «реакционной религиозной оболочке» ереси стригольников Н. А. Казакова видит стихийные материалистические и пантеистические мотивы. По мнению автора, движение потерпело поражение из-за того, что на Руси еще не создались условия для падения феодального строя. К тому же, в движение не был вовлечен самый массовый и угнетенный класс – крестьянство.

Новгородско-московская ересь – самое крупное еретическое движение древней Руси, возникла в конце XV в. и была разгромлена в начале XVI в. Резкое обострение классовой борьбы в период образования централизованного государства обусловило территориальную широту и длительность существования ереси. Информация о ереси черпается из самой разнообразной обличительной литературы, одним из активнейших авторов был И. Волоцкий. Новгородская часть ереси была идейно близка к своей предшественнице – стригольничеству, и, скорее всего, как предполагает Я. С. Лурье, вышла из нее. «Жидовствующие» отрицали догмат о Троице и иконы, критиковали «отцов церкви», институт монашества и церковную иерархию. Автор настаивает на особой роли «жидовствующих» в развитии русской культуры. Я. С. Лурье отмечает, что представители ереси способствовали развитию письменности, литературы, истории, математики и астрономии, т.е. прокладывали путь развитию науки. Прогрессивную роль автор видит так же во влиянии на развитие «тайного» вольнодумства на Руси, например, на появление ересей Матвея Башкина и Феодосия Косого.

Исследованию реформационно-гуманистических идеологий посвящен ряд работ известного советского историка А. А. Зимина. В своей монографии «И. С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской обществ.-полит. мысли середины XVI в.» среди ключевых современников известного публициста автор выделяет вольнодумцев и лидеров реформационных движений. Помимо М. Башкина³⁶¹ и Ф. Косого, автор называет еще старца Артемия³⁶². Последний интересен А. А. Зимину как продолжатель идеологии нестяжателей Нила Сорского и Вассиана Патрикеева. Краткое время Артемий пользовался расположением протопопа Сильвестра и Ивана IV. Одним же из учеников Артемия был именно Феодосий Косой. По «показаниям» М. Башкина на церковном Соборе в 1553 г., Артемий отрицал предания «святых отцов» и критиковал практику поклонения иконам. Однако А. А. Зимин считает эти слова Башкина не соответствующими реальной позиции Артемия и результатом сознательной клеветы. «Еретичность» же воззрений Артемия относилась, по мнению его обвинителей, в нестяжательных воззрениях и критике практической деятельности церкви в духе иосифлянских доктрин. Как заключает автор: «Таким образом, религиозные воззрения Артемия, хотя во многом и соответствовали русскому православию XVI в., вместе с тем подготавливали почву для появления радикальных реформационных учений, представителем которых был Феодосий Косой. Выступление против монастырского землевладения, требования нравственного преобразования человеческой природы, призыв к повседневному учению и апелляции к "заповедям" и евангелию как основе христианского вероучения – таковы некоторые из положений Артемия, отражавшие и развивавшие воззрения ранних нестяжателей. В этих положениях ощущается уже некоторое влияние реформационных идей, объясняющееся тем, что определенные круги нестяжателей, идеологом которых был Артемий, в обстановке роста

³⁶¹ См. также: Зимин А. А. М. Башкин — вольнодумец XVI в. // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 4. С. 230-245.

³⁶² См. также: Зимин А. А. Дело «еретика» Артемия // Вопросы истории религии и атеизма. 1958. № 5. С. 213-232.

реформационного движения вынуждены были считаться с этим движением и использовать отдельные его лозунги»³⁶³.

В реформационном движении в России наряду с крестьянством и посадским населением принимало участие также и дворянство. Одним из наиболее видных представителей дворянства был вольнодумец Матвей Башкин. Именно в «ереси» М. Башкина иосифляне обвиняли старца Артемия. Зимин сравнивает и соотносит разные источники, по которым можно судить о религиозно-догматических сторонах учения М. Башкина и приходит к следующей характеристике его «еретических» взглядов: отрицание официальной церкви как института, отрицание иконопочитания и таинство покаяния, отрицание святоотеческой литературы и «извращенное толкование» евангелия.

Феодосий Косой – наипрочайший представитель «плебейской» ереси, отражавшей социальные интересы городских низов и крестьянской бедноты. По выражению А. А. Зиминой, Ф. Косой был «непримиримым борцом против социального неравенства» и «последовательным противником феодальной церкви». Косой выступал против основных догм православия: отрицал догмат о троице (как отмечает Зимин, непонятный широким массам), в личности Христа признавал простого человека, отвергал святоотеческую литературу, рационалистически толковал Писание, отрицал все таинства и обряды как «человеческие предания». По учению Феодосия Косого, все созданное на земле – самобытное и не создано кем-то, а человеческая душа не бессмертна, тем самым в этих взглядах кроются «смелые материалистические догадки». Социальным зерном в его «ереси» было отрицание не только монашеского землевладения, но и института монашества вообще. К тому же отрицалось существование всей церковной иерархии: «Попы и епископы обвинялись Феодосием Косым в стяжании богатства и праздной жизни»³⁶⁴. Историк замечает, что Ф. Косой в своих нестяжательных взглядах напрямую ссылался на В. Патрикеева. Автор подводит

³⁶³ Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской обществ.-полит. мысли середины XVI в. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 166-167.

³⁶⁴ Там же. С. 206.

итог: «"Рабье учение" Феодосия Косого было вершиной развития прогрессивной общественно-политической мысли Руси середины XVI в. Отражая подъем классовой борьбы в стране, отмеченный городскими восстаниями и движением среди крестьянства, оно выражало идеологию складывающейся плебейской оппозиции феодализму и являлось наиболее радикальным проявлением реформационного движения в России середины XVI в.»³⁶⁵.

Значительное внимание уделено текстологическому исследованию литературного творчества Вассиана Патрикеева в работе Н. А. Казаковой³⁶⁶. В. Патрикеев – один из представителей «блестящей плеяды русских публицистов XVI в.». По мнению Н. А. Казаковой, антифеодальные реформационно-гуманистические движения, которые приобретали характер ересей, были отправным пунктом и толчком к возникновению внутри самой церкви двух течений: нестяжателей и иосифлян: «Возникновение их было связано с широко распространившейся в обществе критикой пороков православной церкви – нападками еретиков на феодальную церковную организацию в целом и протестом против монастырского землевладения...»³⁶⁷. В. Патрикеев рассматривается автором как наиболее яркий идеолог нестяжательства. Во время княжения Василия III обострилась борьба между иосифлянами и нестяжателями, когда во главе последних стоял уже В. Патрикеев. Основное содержание публицистической деятельности В. Патрикеева заключалось в борьбе против вотчинных прав монастырей. Также, одной из важных тем публицистики Патрикеева было положение монастырских крестьян. Не в полной мере Н. А. Казакова соглашается с точкой зрения В. И. Корецкого, который считал, что позиция нестяжателей по крестьянскому вопросу продиктована «раздражением и недовольством в обществе»³⁶⁸, т.е. вызвана ростом крестьянских волнений в монастырских вотчинах. Как объясняет Н. А. Казакова, для В. Патрикеева указание на

³⁶⁵ Там же. С. 212.

³⁶⁶ Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 363 с.

³⁶⁷ Там же. С. 25.

³⁶⁸ Корецкий В. И. Борьба крестьян с монастырями в России в XVI — начале XVII вв. // Вопросы истории религии и атеизма. 1958. № 6. С. 215.

«бесчеловечную эксплуатацию крестьян» обусловлена не гуманизмом и заботой о крестьянах как таковых, а обличением иноков за нарушение обетов: «Но ссылкой на Евангелие свои возражения против эксплуатации крестьян монастырями Вассиан ограничивает, не давая той развернутой религиозно-теоретической, исторической и канонической аргументации, на которой он основывал свои выступления против монастырского землевладения»³⁶⁹. Также исследователь сближает воззрения В. Патрикеева с еретиками: стригольниками, «жидовствующими» и Ф. Косым. Проводит между ними связь по вопросам церковного стяжания, системы аргументации через Евангелие, критического отношения к канонической литературе, двойственной природы Христа. Важно, что это сближение не ведет к отождествлению, т.к. для историка, и всей советской историографии, ереси XIV–XVI вв. – это социальный протест против феодального строя, который подразумевал в том числе и отрицание всей «официальной» церкви. Учение же В. Патрикеева, хоть и содержало критику вотчинных прав монастырей, было нацелено на «очищение» церкви и, следовательно, поднятие ее авторитета.

А. И. Клибанов в монографии «Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI в.»³⁷⁰ ставит себе цель продемонстрировать, что реформационные движения на Руси имели гуманистическую направленность и оригинальный и автономный характер, появление которых не было простимулировано иноземным влиянием. В источниковедческой части работы А. И. Клибанов рассматривает памятники русской реформационной литературы, по сути своей еретической и антицерковной, и демонстрирует, что идейные корни их уходят в конец XIII в. Также, автором приведена история и характеристика реформационных движений XIV–XVI вв. Важное значение работы А. И. Клибанова состоит в том, что автор приводит данные о возникновении реформационных движений антицерковного и антифеодального характера еще в конце XIII в., т.е. еще до возникновения ереси стригольников; а также об

³⁶⁹ Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 87.

³⁷⁰ Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 411 с.

антицерковных реформационных движениях в Твери XIV в. Автор приходит к заключению, что в основах русских реформационных движениях лежат гуманистические идеи. Таким образом, демонстрируются общие пути развития культуры и общественной мысли на Руси и в Западной Европе. По выводам А. И. Клибанова, существовали общие источники гуманистических идей в России и европейских странах (например, идеи П. делла Мирандола и М. Фичино в Италии). Источники этого кроются в неоплатонических идеях из сочинений Псевдо-Дионисия Ареопагита и в учении о нравственной свободе человека «Отцов церкви». В своем оригинальном исследовании А. И. Клибанов показал, почему религиозные движения являются именно реформационно-гуманистическими.

В одной из последующих своих работ А. И. Клибанов пишет: «Идеологическая борьба народных масс России в период феодализма облекалась в религиозные формы подобно тому, как это было на стадии феодального развития в странах Запада и Востока»³⁷¹. Одной из умозрительных утопий для А. И. Клибанова является ересь Ф. Косого. В учении Ф. Косого автор видит итог «достижений передовых идейных движений в России, начиная с еретических движений конца XV – начала XVI в.» и вписывает его в контекст общеевропейской реформационно-гуманистической мысли.

Таким образом, советские исследователи православия выделяли отдельное направление антифеодальных движений, которые носили религиозную окраску, зачастую еретического толка. Антифеодальные религиозные (еретические) движения в советской историографии именовались реформационно-гуманистическими за счет своего прогрессивного характера. Главными объектами исследования выступали ереси стригольников и «жидовствующих», взгляды нестяжателей, в первую очередь Вассиана Патрикеева, деятельность еретиков-вольнодумцев Матвея Башкина и Феодосия Косого. Советские историки и религиоведы сходились во взглядах, что в средневековой Руси существовали не «заносные» еретические идеи, а самобытные движения внутри самого православия

³⁷¹ Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М.: Наука, 1977. С. 3.

и отражали они классовую борьбу. С точки зрения советской историографии нестяжатели так же относились к представителям реформационной мысли и ставились в один ряд с еретиками и вольнодумцами.

2.3.6. Церковь как социальный институт в истории России

Большой блок работ посвящен отношению советских исследователей к церкви в истории России как социальному институту. В этом контексте можно упомянуть работы про отношения православной церкви и самодержавия в отечественной истории; борьбу церкви с наукой³⁷², где церковь характеризовалась как «гонитель просвещения народных масс и рассадник невежества», - подобный резкий тон высказываний и характеристик можно расценить как продукт своей эпохи, а именно пика хрущевской антирелигиозной кампании.

Авторы «Основ научного атеизма» проводят мысль, что православная церковь как институт на протяжении всей своей истории в России служила угнетателям народа, и не только князьям, царям, помещикам и буржуазии, но и татарским ханам во время ига. Утверждение же патриаршества в 1589 г. отвечало взаимным интересам церкви и государства. «Руководители Русской церкви всегда подчеркивали свою постоянную верность самодержавию»³⁷³. По логике авторов, с каждым годом укреплялся союз самодержавия и православной церкви, усиливалась служебная роль последней. В соответствии с требованиями государственного строя создавалась более централизованная система церковного управления. Будучи

³⁷² См., например: Емелях Л. И., Шахнович М. И. Дело об отлучении от церкви академика А. А. Маркова // Вопросы истории религии и атеизма. 1954. № 2. С. 397-411; Рындзюнский П. Г. Борьба за преодоление религиозных влияний в советской школе (1917-1919) // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 3. С. 47-86; Будилова Е. А. Борьба церкви против рефлекторной теории Сеченова // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 3. С. 152-183; Пушкарев Л. Н. Критика религии и церкви И. А. Худяковым // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 3. С. 184-213; Кравец И. Н. Борьба Т. Ф. Осиповского против идеализма и религии // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 3. С. 237-246; Шахнович М. И. Штурм космоса // Наука и религия. 1959. №2. С. 23-27; Крывелев И. А. Современное богословие и наука. М.: Госполитиздат, 1959. 206 с.

³⁷³ Цамерян И. П., Долгих Ф. И., Колоницкий П. Ф., Шейнман М. М. Основы научного атеизма. М.: Госполитиздат, 1961. С. 208.

крупнейшим землевладельцем, церковь «освящала» феодальную эксплуатацию крестьян и «активно поддерживала царизм». Царские власти репрессиями подавляли представителей раскола, т.к. в его глубоких корнях содержалось выражение классовых противоречий и борьба против феодального гнета. Полное же подчинение церкви государству осуществил Петр I, создав коллективный ведомственный орган с гражданским чиновником во главе. Церковь продолжала выполнять роль «слуги самодержавия», особенно в идеологических выступлениях в защиту господствующего строя от народных восстаний. С ростом революционного рабочего движения православная церковь изначально негативно относилась к его идеологии, которую авторы именуют «научным социализмом», что для них тождественно марксизму. Отдельно оговаривается, что после Октябрьской революции духовенство подверглось «заслуженным репрессиям отнюдь не за свои религиозные убеждения, а за антисоветскую политическую деятельность»³⁷⁴. Заключение о том, что «дух современного православия, как и других религий, в корне враждебен коммунистическим идеалам», полностью соответствует идеологическому климату конца 1950-х – началу 1960-х гг.

Резкий тон высказываний и оценок, как продукта своей эпохи, так же характерен для работы Е. Ф. Грекулова 1962 г.³⁷⁵. Повествуя о периоде XIX – начале XX вв., автор пытается раскрыть идею «союза самодержавия и православия против просвещения». Затрагиваются темы насаждения духовной цензуры и ее борьбы с наукой, роли религии в начальной, средней и высшей школе.

Словосочетание «православная инквизиция» являлось неофициальным определением действий насильственного характера представителей и учреждений Русской православной церкви по отношению к ересям, расколу и свободомыслию. Так, для Е. Ф. Грекулова «инквизиция» — это своеобразный символ католической церкви, ассоциирующийся с картинами горящих костров и монашеским орденом доминиканцев, доступный для восприятия массовым сознанием. Свою книгу³⁷⁶ он

³⁷⁴ Там же. С. 217.

³⁷⁵ Грекулов Е. Ф. Православная церковь – враг просвещения. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 192 с.

³⁷⁶ Грекулов Е. Ф. Православная инквизиция в России. М.: Наука, 1964. 168 с.

посвятил сравнению и поиску параллелей этого образа в православной церкви. Например, Е. Ф. Грекулов находит в истории России примеры «ведовских процессов», когда после официального установления православия на Руси, преследовались волхвы, «колдуны» и «чародейки».

Автором приводятся различные примеры казней еретиков, в первую очередь представителей стригольников и новгородско-московской ереси, а также М. Башкина; ссылок в монастыри М. Грека, игумена Троицкого монастыря Артемия и т.д. По законодательству того времени «религиозные» преступники («церковные мятежники») приравнивались к преступникам государственным, а сама борьба с ересями осуществлялась руками светской власти. Е. Ф. Грекулов объясняет это тем, что репрессированные были основными представителями антифеодальных движений.

Автор также приводит разрозненные примеры пыток, казней и преследований сторонников «старой веры», которые усилили массовое бегство крестьян и жителей посадов. «Одним из следствий кровавого террора по отношению к раскольникам было их самосожжение, принявшее большие размеры в XVII—XVIII вв. Самосожжение часто объясняется причинами мистического характера, проповедью, будто "мир во зле лежит", верой в пришествие царства антихриста, желанием очиститься от следов злого царства, совершить искупительную жертву огнем... Это, однако, неправильно. Самосожжение, особенно в начале его распространения, не было догматом какой-нибудь секты, в нем проявлялось крайнее отчаяние людей, затравленных беспощадным преследованием со стороны правительства и церкви»³⁷⁷. Однако это не столь однозначное утверждение. Так, например, другие советские исследователи не отрицали, что добровольное участие в «гарях» могло быть результатом религиозной экзальтации и проявлением крайней формы фанатизма. Основной же побудительный мотив, характерный для самых бедных слоев крестьянства,

³⁷⁷ Там же. С. 58.

заклучался в желании вырваться из угнетенного состояния крайне радикальным образом³⁷⁸.

При описании гонений церкви на просвещение и науку, Е. Ф. Грекулов использует сокращенную версию своей книги «Православная церковь – враг просвещения» (1962 г.) и дополняет ее примерами до XIX в.

Важное идеологическое и методологическое значение имел сборник «Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.)». Рассматривая различные частные вопросы, коллективная монография, в первую очередь, была посвящена именно истории церковно-государственных отношений на протяжении всех веков официального существования православия в России.

В десятой главе («Церковь и русский абсолютизм в XVIII в.»; авторы: Ю. Я. Коган, Е. Ф. Грекулов, В. Ф. Миловидов) описывается, как полностью завершилось «огосударствление» церкви и видоизменилась религиозная идеология и религиозный культ соответственно функциям абсолютистского государства: «Реформа церковного управления и экономические преобразования создали основные предпосылки для деятельности церкви в качестве идейной опоры феодально-крепостнических порядков в условиях абсолютизма»³⁷⁹. В XVIII в. церковь стала государственным ведомством, т.е. царские указы полностью могли контролировать ее деятельность. Авторы, в частности, заостряют внимание, например, на том, что таинство исповеди было подчинено целям политического сыска. В книге представлен достаточно подробный пересказ хода церковной реформы, начатой Петром I, и которая завершилась полной секуляризацией церковных и монастырских земель.

В одиннадцатой главе («Церковь на службе самодержавия и крепостничества в первой половине XIX в.»; Авторы: С. С. Дмитриев, В. Ф. Миловидов) фокус исследовательского внимания смещен с общеисторических вопросов

³⁷⁸ См., например: Мюллер Р.Б. Из истории раскола на севере России (Самосожжения в Палеострове) // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1958. № 2. С. 172-182.

³⁷⁹ Каждан А. П., Сахаров А. М., Токарев С. А. Церковь в истории России. (IX в. - 1917 г.): Критические очерки. М.: Наука, 1967. С. 189.

взаимоотношений церкви и государства на трансформацию православной идеологии в связи с обозначенными изменениями: «В народное сознание внедрялась мысль о том, что поскольку власть царя установлена богом, то и повиновение такой власти угодно богу <...> Православные иерархи со своей стороны усердно трудились над освящением и оправданием самодержавия, внушали народу идею святости и незыблемости существовавшего общественно-политического строя как опекаемого богом»³⁸⁰. Отдельно выделены роли митрополита Филарета (Дроздова), как неофициального лидера церкви, и министра народного просвещения С. С. Уварова с его новой официальной государственной идеологией.

Двенадцатая («Усиление идеологического влияния церкви в пореформенный период»), тринадцатая («Революция 1905–1907 гг. и церковь») и четырнадцатая («Усиление русского клерикализма») главы написаны Е. Ф. Грекуловым и легли в основу его книги «Церковь, самодержавие, народ: (2-я половина XIX – начало XX в.)», которая будет рассмотрена далее.

Отдельный интерес представляет шестнадцатая глава («Духовная цензура в России в XIX – начале XX в.»), написанная Г. С. Лялиной. Рассмотрена структура духовного цензурного ведомства, сфера ответственности и последовательное взаимодействие с гражданской цензурой. Автором перечислены примеры книги и статей, которые изымались из печати. Продемонстрировано влияние духовной цензуры на университетское образование.

Как уже было написано выше, «Церковь, самодержавие, народ: (2-я половина XIX — начало XX в.)» – это расширенное издание глав из коллективной монографии «Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.)», написанных Е. Ф. Грекуловым. В книге использован большой фактический и статистический материал, например, по количественному составу духовенства, а также его

³⁸⁰ Там же. С. 206-207.

материальному обеспечению, количеству церквей и монастырей и их экономическому положению во второй половине XIX в.

Одну из главных проблем эпохи автор видит в системе религиозного образования в семинариях и духовных академиях, где «господствовала мертвящая схоластика и рутина»: «Семинария стремилась убить в учащих волю, заполняя их мозг схоластической псевдонаукой <...> В них [духовных академиях – П. Д.], как и в семинариях, господствовал полицейский режим»³⁸¹. Со второй половины XIX в. в сфере духовного образования происходили определенные процессы, связанные с ужесточением духовной цензуры и контроля за идеологией: из программы исчезали преподавание философии, истории и других светских наук, ужесточался контроль над свободой научных исследований³⁸². К тому же, проблемой оставался кастовый тип сословия духовенства. По объяснимой логике автора, все эти факторы привели к тому, что во второй половине XIX – начале XX вв. появился определенный исторический тип православного клирика, подвергавшийся критике и карикатурному осмеянию еще современниками. Е. Ф. Грекулов находит виновных в лице обер-прокуроров Синода Д. А. Толстого и К. П. Победоносцева.

Во второй половине XIX в. наблюдался активный рост количества церковных школ, воспитание в которых проходило в духе преданности самодержавию, также шло распространение православных школ в районах страны с преимущественно нерусским населением. В светской средней школе было сокращено преподавание естественных наук. Повсеместно запрещалась и изымалась литература, пропагандирующая материалистические и атеистические взгляды. Е. Ф. Грекулов видит в этом борьбу с растущим в стране революционным движением:

³⁸¹ Грекулов Е. Ф. Церковь, самодержавие, народ. (2-я половина XIX - начало XX в.). М.: Наука, 1969. С. 4.

³⁸² См. подробнее: Чумакова Т. В. Инфосфера духовных учебных заведений Российской империи XIX - начала XX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. № 2. С. 264-274; Пызилов Д. Д., Блинкова А. О., Хижая Т. И. Библиотеки православных духовных учебных заведений Российской империи // Былые годы. 2022. № 17 (4). С. 1666-1674.

«Церковники усматривали зло современной жизни, враждебной христианству, в союзе трех сил: социализма, материализма и атеизма»³⁸³.

После революции 1905 г., помимо внешней политической активизации церкви в виде идеологического воздействия на массы населения, усилилась борьба различных настроений внутри самой церкви: «В церковных рядах наблюдался раскол, шла борьба между церковными иерархами и белым духовенством»³⁸⁴. Е. Ф. Грекулов, хоть достаточно кратко, но затрагивает важные вопросы и проблемы внутренней церковной жизни.

Позицию же церкви в 1917 г. автор оценивает однозначно. По его мнению, сначала церковь враждебно встретила Февральскую революцию, а потом духовенство «перекрасилось» и начало «изображать себя жертвами самодержавия». Е. Ф. Грекулов видит в этом корыстные интересы духовенства и желание сохранить привилегированное положение в общественной жизни. Автором не отражены все сложные и противоречивые процессы, происходившие как внутри церкви, так и в взаимоотношениях с государством между двумя революциями.

К 1980-м гг. смягчает риторику в своих работах и И. А. Кривелев. Так он пишет: «В наши дни русская православная церковь занимает вполне лояльные позиции в отношении социалистического государства и активно участвует в борьбе всех прогрессивных и демократических сил за сохранение мира. Было, однако, время, когда ее позиции не были ни демократическими, ни прогрессивными. В церковной "юбилейной" литературе об этом умалчивается, и мотивы такой тактики можно понять. Но это не значит, что ее можно принять. Нам нужно знать действительную историю — не "улучшенную" и не ухудшенную. Это особенно относится к истории религии и церкви»³⁸⁵. Основной темой книги автора является союз церкви и самодержавия в начале XX в.: «[накануне Первой мировой войны —

³⁸³ Грекулов Е. Ф. Церковь, самодержавие, народ. (2-я половина XIX - начало XX в.). М.: Наука, 1969. С. 56.

³⁸⁴ Там же. С. 109.

³⁸⁵ Кривелев И. А. Русская православная церковь в первой четверти XX века. М.: Знание, 1982. С. 3.

П. Д.] в стране была развернута широкая проповедническая кампания, направленная на то, чтобы внедрить в сознание народных масс верноподданнические монархические чувства»³⁸⁶. И. А. Кривелев показывает политическую эволюцию церкви от ее «воинствующе непримиримой позиции» церкви после Октябрьской революции до декларации митрополита Сергия 1927 г. о лояльности советскому правительству.

В рамках исследований по истории церковно-государственных отношений в истории России для советских ученых особняком стояла тема позиции церкви и ее отношения к революционным событиям в начале XX в. В 1960 г. в «Ежегоднике Музея истории религии и атеизма» бывший ленинградский митрополит Н. Ф. Платонов представил обширную статью³⁸⁷. Основным тезисом, который в дальнейшем будет идти через советскую историографию, заключается в том, что большинство представителей духовенства в революционные годы было едино в желании сохранить самодержавие. Выводы подтверждаются приведением многочисленных фактов. Автором продемонстрирован преувеличенный характер роли внутренней церковной оппозиции и показано, что либеральное духовенство составляло меньшинство в церковной иерархии. Н. Ф. Платоновым намечаются три основных течения в духовенстве: черносотенное, консервативно-традиционалистское и обновленческое.

Важной является серия статей Л. И. Емелях об антиклерикализме крестьян во время первой русской революции: «Антицерковное движение крестьян в годы первой революции»³⁸⁸, «Из истории антиклерикализма и атеизма русских крестьян в 1905-1907 гг.»³⁸⁹, «Секретные донесения епископов православной церкви об антиклерикализме и атеизме крестьян в период первой русской революции»³⁹⁰ и

³⁸⁶ Там же. С. 11.

³⁸⁷ Платонов Н. Ф. Православная церковь в борьбе с революционным движением в России (1900–1917 гг.) // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1960. № 4. С. 103-209.

³⁸⁸ Емелях Л. И. Антицерковное движение крестьян в годы первой революции // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 3. С. 459-478.

³⁸⁹ Емелях Л. И. Из истории антиклерикализма и атеизма русских крестьян в 1905-1907 гг. // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1959. № 3. С. 265-286.

³⁹⁰ Емелях Л. И. Секретные донесения епископов православной церкви об антиклерикализме и атеизме крестьян в период первой русской революции // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1962. № 6. С. 320-338.

«Крестьяне и церковь в первой русской революции»³⁹¹. «Секретные донесения» епископов в Святейший Правительствующий Синод были впервые опубликованы исследователем. Все статьи логично рассматривать как единое повествование, которое, на большом количестве архивных документов, впервые введенных в научный оборот, рисует картину индифферентизма и массового упадка религиозности среди крестьян в 1905-1907 гг. Называются такие причины, как возросшие поборы за исполнение треб, сословная привилегированность духовенства, пережитки крепостной системы в церковно-монастырских землевладениях. Антиклерикальное движение крестьян характеризуется стремлением к конфискации церковных и монастырских земель и отказу финансово содержать духовенство. В 1962 г. Л. И. Емелях защитила кандидатскую диссертацию по теме «Антиклерикальные движения крестьян в революции 1905–1907 гг.». В 1965 г. была опубликована монография «Антиклерикальные движения крестьян в первой русской революции»³⁹², в состав которой вошли вышеназванные статьи.

Только в 1984 г. вышло одно из первых исследований, посвященное внутрицерковным вопросам и проблемам в революционный период российской истории³⁹³. Автор П. Н. Зырянов ставит себе задачу показать контрреволюционную деятельность церкви в союзе с самодержавием в период первой русской революции. Ценность работы – уделение серьезного внимания вопросам внутренней истории церкви, а не просто описание церковно-государственных отношений заданного периода. При решении задачи автор использует большое количество опубликованных и архивных источников: законодательные акты, общегражданские и церковные, синодальные указы, отчеты обер-прокурора, мемуарную литературу церковных иерархов и священников, церковную и светскую периодику и т.д. П. Н. Зырянов показал, что православная церковь в

³⁹¹ Емелях Л. И. Крестьяне и церковь в первой русской революции // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1963. № 7. С. 70-93.

³⁹² Емелях Л. И. Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М.; Л.: Наука, 1965. 201 с.

³⁹³ Зырянов П. Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905-1907 гг. М.: Наука, 1984. 224 с.

России была связана с государством прочными экономическими, политическими и идеологическими узами. В следствии чего церковь выступила активным борцом с революционным движением. Основы контрреволюционного учения церкви были сформированы под влиянием митрополита Филарета (Дроздова) и обер-прокурора К. П. Победоносцева. Однако союз церкви и самодержавия не носил равный характер и не был избавлен от противоречий. К сожалению, последний немаловажный аспект внутрицерковного положения часто игнорировался предыдущими советскими исследователями. По мнению П. Н. Зырянова, особым направлением деятельности официальной церковной иерархии была борьба против священников-демократов во II Думе, символизирующая внутренние противоречия церкви в ее контрреволюционной деятельности. Основной же причиной кризиса церковной идеологии рубежа XIX–XX вв. автор видит в несоответствии ее устройства с внешними условиями сложившихся капиталистических отношений. Свидетельством этого внутреннего кризиса был религиозный индифферентизм и антиклерикализм народных масс.

В коллективной монографии 1967 г. (в семнадцатой главе «Временное правительство и церковь») Е. С. Осипова высказала идею о том, что церковь попыталась использовать Февральскую революцию в своих интересах, поэтому она поддержала Временное правительство. Быстрая переориентация связана со страхом развертывания революции, боязни лишиться своих землевладений вследствие решения земельного вопроса и нежелания потерять связь с массами, выступавшими против царизма. Так же произошла «некоторая чистка» среди высшей иерархии, коснувшаяся в первую очередь ставленников Распутина: были смещены митрополит петроградский Питирим, митрополит московский Макарий, епископы Варнава и Исидор. Рядовое же духовенство также поддержало Временное правительство и в своих политических симпатиях в большинстве своем склонялось к партии кадетов.

Приводимые Л. И. Емелях многочисленные архивные материалы свидетельствуют о том, что антиклерикализм и атеизм крестьян накануне

Октябрьской революции имел глубокие социальные корни и исторические предпосылки³⁹⁴. Катализатором кризиса религиозного сознания крестьян, по мнению автора, стала Первая мировая война. Бедствия и трудности военного времени, с одной стороны, могли произвести кратковременный всплеск религиозности, но в массе своей порождали полное безразличие к церкви и ее обрядам, о чем и свидетельствуют отчеты архиереев о состоянии епархий. По мнению автора, война со всеми связанными с ней бедствиями «открывала глаза» всем трудящимся на истинных виновников их бед – царизм и поддерживающее его духовенство. Падение самодержавия в феврале 1917 г. усилило процесс отхода крестьян от религии, вызвало антиклерикальные движения. Наблюдается рост антиклерикальных и индифферентных к религии настроений в солдатской среде. Выделяется ряд причин происходящего: 1) Весомая роль большевистской пропаганды и агитации, как среди солдат, так и среди крестьян; 2) Даже после Февральской революции черносотенное приходское духовенство продолжало вести монархическую пропаганду, что вызывало народное возмущение и протест; 3) Недовольство поборами крестьян со стороны духовенства, в т.ч. конфликты из-за треб; 4) Защита духовенством интересов помещиков. Таким образом, заключает автор, анализ отношений народных масс к религии и церкви в России в начале XX в. продемонстрировал, что созрели все основания и создались все предпосылки для отделения церкви от государства, а школы от церкви³⁹⁵.

Таким образом, работы, освещающие историю православной церкви как социального института в России носят наиболее обобщающий характер. На многие из них наложился отпечаток хрущевской антирелигиозной кампании с резкой атеистической риторикой. Особенно исследователей интересовала тема борьбы церкви с просвещением и наукой в истории России, что остро воспринималось со стороны идеологии научно-атеистической пропаганды и воспитания. Отдельно

³⁹⁴ Емелях Л. И. Крестьяне и церковь накануне Октября. Л.: Наука, 1976. 182 с.

³⁹⁵ Об истории и содержании проекта декрета см. подробнее: Персиц М. М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР (1917-1919 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1958. 198 с.

можно выделить направление исследований по церковно-государственным отношениям во времена революций 1905 г. и 1917 г.

2.3.7. Эволюция православия и «модернизация» православного богословия

Отдельная область исследований по истории православия посвящена «модернизации» православного богословия, или, в общем, положению «современного» православия. Как объяснял будущий директор Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС П. К. Курочкин, понятия «приспособление» и «модернизация» подразумевают активный аспект деятельности института церкви и духовенства. «Приспособление» – простая разновидность изменений в религиозной идеологии, «открывающая дорогу модернизации». «Модернизация» — это отбрасывание одних и выдвижение на передний план других, более созвучных времени, аспектов вероучения и практики; модернизация предполагает новаторство и апелляцию к положениям современной науки³⁹⁶. Как раз важным знаменем эпохи является то, что большинство таких исследований посвящены морально-нравственным ценностям, которые несет, с одной стороны, православие, с другой – коммунистическая идеология. Одна из первых работ – статья известного религиоведа Л. Н. Митрохина «Современное православие»³⁹⁷, в которой он пишет, что спустя 40 лет после Октябрьской революции, невзирая на «внешнюю оболочку» принятия социалистической действительности и отсутствия выступлений против социалистических преобразований и против коммунизма со стороны духовенства в СССР, идеология православия в своих существенных пунктах осталась неизменной. В том же году выходит книга И. А. Кривелева «Современное богословие и наука» где присутствует воинственная атеистическая

³⁹⁶ Курочкин П. К. Эволюция современного русского православия. М.: Мысль, 1971. С. 12-13.

³⁹⁷ Митрохин Л. Н. Современное православие // Наука и религия. 1959. №1. С. 25-31.

риторика: «Противника необходимо знать – это очень важное правило всякой борьбы, в том числе борьбы идеологической»³⁹⁸.

Множество работ по современному состоянию русского православия вышло у М. П. Новикова³⁹⁹, Н. С. Гордиенко⁴⁰⁰, П. К. Курочкина⁴⁰¹ (и совместно⁴⁰²) и др.⁴⁰³, - написаны они научно-популярным стилем, некоторые с отголосками воинствующего безбожия.

В контексте XXII съезда КПСС и вопросов «научно-атеистического воспитания» в целях преодоления религиозных предрассудков написана кандидатская диссертация, а потом и книга П. К. Курочкина «Православие и гуманизм» (1962 г.). В основе работы лежит анализ актуальной церковной литературы, а сама работа представляется философско-этической. Для автора коммунистический гуманизм – высшая форма гуманизма, т.к. исходит из необходимости уничтожения всех форм эксплуатации человека.

П. К. Курочкин критикует церковный взгляд на цель и смысл жизни человека, отмечая: «Но диалектика истории такова, что, утвердившись на почве социальной придавленности масс, трансцендентная религиозная концепция смысла жизни укрепляет породившие ее порядки, усиливает порабощение трудящихся, обрекает их на пассивность, покорность и терпение»⁴⁰⁴. «Мистическая» православная идеология в условиях социализма мешает

³⁹⁸ Крывелев И. А. Современное богословие и наука. М.: Госполитиздат, 1959. С. 3.

³⁹⁹ Новиков М. П. Православие и современность. М.: Изд-во МГУ, 1965. 253 с.; Новиков М. П. Тупики православного модернизма: (Критический анализ богословия XX в.). М.: Политиздат, 1979. 167 с.

⁴⁰⁰ Гордиенко Н. С. Современные православные фальсификаторы // Наука и религия. 1962. № 10. С. 28-31; Гордиенко Н. С. Современное православие. М.: Мысль, 1968. 143 с.; Гордиенко Н. С. Современный экуменизм: Движение за единство христианских церквей. М.: Наука, 1972. 200 с.; Гордиенко Н. С. Критика новых тенденций современного православия. Л.: Знание, 1974. 32 с.; Гордиенко Н. С., Новиков М. П. Современная идеологическая борьба и религия. М.: Знание, 1980. 40 с.; Гордиенко Н. С. Мистика на службе современного православия. М.: Знание, 1981. 63 с.; Гордиенко Н. С. Эволюция русского православия (20-80-е гг. XX ст.). М.: Знание, 1984. 64 с.; Гордиенко Н. С. Современное русское православие. Л.: Лениздат, 1987. 302 с.

⁴⁰¹ Курочкин П. К. Православие и гуманизм. М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1962. 167 с.; Курочкин П. К. Идеология современного православия. М.: Знание, 1965. 31 с.; Курочкин П. К. Социальная позиция русского православия. М.: Знание, 1969. 45 с.; Курочкин П. К. Эволюция современного русского православия. М.: Мысль, 1971. 270 с.

⁴⁰² Гордиенко Н. С., Курочкин П. К. Особенности модернизации современного русского православия. М.: Знание, 1978. 64 с.; Гордиенко Н. С., Новиков М. П. Современная идеологическая борьба и религия. М.: Знание, 1980. 40 с.

⁴⁰³ Красников Н. П. О приспособленчестве православного духовенства к современным условиям // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1963. № 7. С. 107-112; Притыкин Я. М. Современные православные «моралисты» и историческая действительность // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1963. № 7. С. 155-168.

⁴⁰⁴ Курочкин П. К. Православие и гуманизм. М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1962. С. 18.

трудящимся принимать деятельное участие в строительстве коммунизма. А так как для автора коммунизм – это и есть гуманизм, т.е. имплицитно антигуманистическая православная идеология ко всему прочему еще и препятствует на пути к истинному гуманизму.

Антигуманизм православия также заключается и в учении об идеале человека. Отрешенность от мира и аскетизм – это нечто противоположное истинному идеалу. Особенно антигуманистический характер носит православный «культ страдания». Необходимо отметить предвзятое толкование всех аспектов православного вероучения автором: однобокое и тенденциозное.

Еще одной работой, которая «вдохновлена» XXII съездом КПСС, была монография М. П. Новикова «Православие и современность». По М. П. Новикову, православие не изменяет своего теистического мировоззрения, ложного по своей сути и противоречащего науке, своей позиции по поводу человеческой нравственности и морали и продолжает пропагандировать антигуманистическое в своей сущности вероучение. Также неизменны догматы: именно в их консервативной неизменности и кроется, по мнению автора, одна из главнейших проблем модернизации православия, хотя их формулировки могут интерпретироваться богословами наиболее подходящим образом согласно условиям времени. Изменяется в православии же социальная оценка действительности, т.е. внешняя форма и *истолкование* внутреннего неизменного содержания. Целью работы М. П. Новикова является демонстрация этих «маскировочных» действий по модернизации различных сторон вероучения и культа. В исследовании нет четкого определения и проведения различий между понятиями «приспособление», «обновление» и «модернизация», автор употребляет их попеременно или вместе.

В богослужебной практике заметное место занимают нововведения: «Христианский культ тесно связан с догматикой, является ее продолжением, внешней формой. Но он выглядит более доступным для понимания и уяснения. Именно поэтому церковь стремится приобщить к богослужению как можно больше

верующих и посредством богослужений формировать основные религиозные представления. Кроме того, обряды проще входят в привычку, труднее преодолеваются. Они способны оживлять верования, привлекать людей, даже не имеющих ясных религиозных убеждений. Именно поэтому приспособлению богослужебной практики к запросам и представлениям верующих в настоящее время церковь уделяет особое внимание»⁴⁰⁵. В качестве примеров автор приводит смягчение постов и ограничений в дни религиозных праздников, отказ от признания «новых» чудес и освящения новых икон, проведение в церквях двух, с разницей по времени, литургий и т.п.

По мнению М. П. Новикова, после «триумфа марксизма-ленинизма», богословы начали утверждать, что религия не препятствует научному познанию, а полученные научные данные находятся в согласии с истинами веры. Также богословы начали отождествлять заповеди с моральным кодексом строителя коммунизма. Но сама по себе христианская нравственность, по заключению автора, антигуманна – это мир иллюзий отчаявшихся и беспомощных людей.

Ряд работ Н. С. Гордиенко затрагивают различные аспекты общей темы истории православия в XX в. Также, работы автора заметно различаются на «научном» уровне и представляют собой широкий спектр: от пропагандистских брошюр до монографий. Далее будут рассмотрены работы автора, представляющие, в первую очередь, научную ценность.

Так, например, в одной из первых серьезных работ⁴⁰⁶ Н. С. Гордиенко описывает историю православия в первые годы советской власти через призму ее обновленческих тенденций. Отдельно стоит заметить новые мотивы для советской историографии истории современного православия: помимо рассмотрения «группы 32-х» или, например, «Живой церкви», автор прослеживает преемственность идей сторонников обновления с идеями славянофилов, Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьева и т.д. Представители обновленческого раскола

⁴⁰⁵ Новиков М. П. Православие и современность. М.: Изд-во МГУ, 1965. С. 44.

⁴⁰⁶ Гордиенко Н. С. Современное православие. М.: Мысль, 1968. 143 с.

признали Советскую власть и социалистическую революцию, это же, в свою очередь, было поддержано «подавляющим большинством верующих» и «основной частью духовенства». Только реформаторские планы радикально «обновить» православие не нашли поддержку, что привело к победе патриарха Тихона и его лагеря. В послевоенный период церковь предпринимает меры по активизации своей деятельности: воссоздаются духовные учебные заведения, расширяется издательская деятельность (самое главное – возобновлено издание «Журнала московской патриархии»), усиливается проповедническая деятельность. Н. С. Гордиенко вслед за Н. П. Новиковым отмечает «церковный» пересмотр и адаптацию обрядности к новым условиям социалистической жизни.

П. К. Курочкин основную часть своих работ посвятил объяснению сущности «приспособления» и «модернизации» православия. Так, в 1969 г. начало приспособления православной церкви к историческим изменениям он описывал через переход на лояльные позиции к Советскому государству. Далее последовала социально-идеологическая активизация, которая заключалась в «социальном» истолковании религии. Центральное место занимает идея «коммунистического христианства» - узловой пункт модернизации православия. Автор выделяет попытки с богословских позиций сблизить идейные основы и социально-нравственные принципы коммунизма и религии⁴⁰⁷.

В 1971 г. П. К. Курочкин выпускает одну из центральных своих работ. «Эволюция современного русского православия» явилась результатом защиты автором докторской диссертации. Если его работа «Православие и гуманизм» – это опыт философско-этического исследования, то данный – философско-социологический. Курочкин показывает особенности приспособления и модернизации православия к условиям социализма: масштабы, темпы и направления этого процесса. А также марксистскую оценку идеологического и политического аспектов эволюции православия: «Однако то, что в союзе церкви и самодержавия коренится одна из причин большего консерватизма православия по

⁴⁰⁷ Курочкин П. К. Социальная позиция русского православия. М.: Знание, 1969. 45 с.

сравнению с другими основными христианскими конфессиями, несомненно <...> После ликвидации старого политического строя и отделения церкви от государства православие попало в условия естественного развития, потребовавшие от него большей мобильности и выработки гибких средств защиты веры»⁴⁰⁸.

Автор обуславливает необходимость исследования эволюции православия тем, что, изменяясь и модернизируясь, оно усложняет задачи атеистического воспитания. Игнорирование богословской модернизации ведет к абстрактной, поверхностной и неактуальной критике. В идеологии православия были пересмотрены и «адаптированы»: политический курс, социальная позиция, нравственная концепция, вероучительные основы, литургия, каноника. Особенно важны первые два компонента, которые автор подробно раскрывает в соответствующих главах.

Первым политическим решительным шагом церкви навстречу социалистической действительности было «Послание пастырям и пастве» митрополита Сергия 29 июля 1927 г., когда начались трансформационные процессы внутри церкви и в позиции взаимоотношений с государством. После этого события П. К. Курочкин выделяет период 1930–1940-х гг. как этап «приспособления» в области церковной идеологии и культа. С 1950-х гг. начался уже этап «модернизации».

Предвестниками православно-церковного обновления П. К. Курочкин, вслед за Н. С. Гордиенко, видит в славянофилах, которых называет «пионерами критического отношения к церковной действительности». Автор останавливается на анализе почвенничества Ф. М. Достоевского и идеализма В. С. Соловьева, а также «неохристианского» нового религиозного сознания Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Д. С. Мережковского, В. В. Розанова и др. «Внутрицерковные» сторонники обновления – это участники «Религиозно-философских собраний» 1901–1903 гг. Например, протопресвитер И. Л. Янышев, епископ Антонин

⁴⁰⁸ Курочкин П. К. Эволюция современного русского православия. М.: Мысль, 1971. С. 90.

(Грановский), епископ Сергей (Страгородский) и др. Что немаловажно, по поводу всех вышеназванных фамилий, с оговорками, но П. К. Курочкин говорит как о представителях прогрессивного взгляда на положение Русской православной церкви. «Программные требования либерально-обновленческого движения начала XX в. прежде всего сводились, таким образом, к изменению социально-политической ориентации церкви, соответствующей новому, капиталистическому этапу развития страны. Выход из-под опеки самодержавия, отказ от компрометирующего православие обожествления царской власти, предоставление церкви независимости — все эти требования церковных прогрессистов отражали интересы либеральной буржуазии, заинтересованной в большом динамизме и приспособленности русского православия к духу времени. Основное ядро либерально-обновленческого движения было на стороне конституционной монархии, провозглашенной царским манифестом 17 октября 1905 г., и поддерживало политическую платформу октябристов и кадетов»⁴⁰⁹. Как было показано ранее, об поддержке партии кадетов либеральным духовенством в 1967 г. писала Е. С. Осипова, а о причинах внутрицерковного кризиса подробнее в 1984 г. будет писать П. Н. Зырянов.

Изменение политической платформы православия повлияло на все аспекты ее идеологии: «За годы, прошедшие после опубликования «Послания к пастырям и пастве» 29 июля 1927 г., политическая ориентация русского православия прошла проверку временем. С проведением в жизнь принципа политической лояльности к Советскому государству завершился разрыв связей церкви с эксплуататорскими классами»⁴¹⁰. Особенную «проверку» церковь прошла во время Великой Отечественной войны. А после нее усилилось влияние Русской православной церкви в международном движении за мир.

Если «приспособление» православия больше проходило в плоскости политической лояльности, то уже «модернизация» характеризуется изменениями в

⁴⁰⁹ Там же. С. 60.

⁴¹⁰ Там же. С. 136.

ее социальной позиции: «Социальное истолкование православия в настоящее время составляет узловой пункт его модернизации. Перестраивая свою идеологию, церковно-богословские круги Московской патриархии основное внимание уделяют религиозной интерпретации проблем общественного развития. Именно она сейчас определяет идеологическое место религии и является важнейшим фактором ее укрепления»⁴¹¹.

Отдельно этап «модернизации» православия Н. С. Гордиенко и П. К. Курочкин рассматривают в совместной книге «Особенности модернизации современного русского православия». Работа написана «под впечатлением» от Поместного собора Русской православной церкви в 1971 г. Можно отметить достаточно комплиментарную риторику авторов относительно того, что церковь учла ошибки предыдущих опытов обновленческого прошлого. «В годы Великой Отечественной войны Русская православная церковь, в целом уже имевшая примерно полуторадесятилетний опыт лояльного отношения к Советскому государству, проявила себя патриотически, оказывала определенную материальную помощь нашей стране в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Состоявшийся в 1945 г. ее Поместный собор, избравший патриарха Алексия (Симанского), одобрил уже сложившуюся политическую ориентацию. Поместный собор 1971 г., избравший патриарха Пимена (Извекова), заявил о политической поддержке Русской православной церковью советского государственного и общественного строя, выразил удовлетворение существующим советским законодательством о религиозных объединениях и состоянием дел, связанных с взаимоотношениями церкви и государства»⁴¹². Также Поместный собор 1971 г. осудил лидеров РПЦЗ за антисоветскую агитацию, что не могло не встретить одобрения авторов.

Отмечается снижение интенсивности православно-церковных реформ с начала 1970-х гг., процесс модернизации продолжается, но другими темпами и в

⁴¹¹ Там же. С. 156.

⁴¹² Гордиенко Н. С., Курочкин П. К. Особенности модернизации современного русского православия. М.: Знание, 1978. С. 7.

другом ключе, в отличии от «радикального модернизма» 1960-х гг. В первую очередь, это проявляется во внешнеполитической деятельности церкви путем участия в различных всемирных конференциях миротворческого толка и пропаганды идей экуменизма, особую роль в которых играл председатель отдела внешних церковных сношений Московского патриархата митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим (Ротов). «Иными словами, модернизированное русское православие стало более привлекательным для современных верующих, которые воспринимают эту религию не как исторический анахронизм, а как учение, адресованное нынешним поколениям христиан. Одновременно оно сделалось менее уязвимым для критики, ориентированной на борьбу с теми религиозными идеями и представлениями, реакционность и антинаучность которых слишком очевидна»⁴¹³.

Немного под другим углом рассматривал проблему модернизации православия М. П. Новиков. В своей книге «Тупики православного модернизма» автор уделил больше внимания современным теологическим разработкам в вопросах вероучения и ставил перед собой задачу раскрыть «несостоятельность» новых богословских аргументов. Новиков показывает апологетическую трансформацию христианских догматов, например, видоизменение понятия искупления из «расплаты за прошлые грехи» в «подвиг во имя свободы, равенства и справедливости», что более созвучно мировосприятию современного человека. «Более того, объявляя исходные христианские понятия незыблемыми в своей основе, богословы одновременно всю противоречивость этих понятий пытаются представить результатом ограниченности человеческого разума, не позволяющей ему проникнуть в область непостижимых божественных тайн бытия»⁴¹⁴. Новиков анализирует экзегетические идеи религиозных философов и богословов, например, антиномиз П. А. Флоренского, попытки примирить Библию и науку через «визионерную теорию» А. П. Лопухина, исторический метод типологического

⁴¹³ Там же. С. 23.

⁴¹⁴ Новиков М. П. Тупики православного модернизма: (Критический анализ богословия XX в.). М.: Политиздат, 1979. С. 23.

толкования библейских текстов А. В. Карташева, религиозную антропологию В. Ф. Войно-Ясенецкого. Автор рассматривает современное эсхатологическое учение Русской православной церкви на примере концепций С. Н. Булгакова, В. Н. Лосского, Н. А. Бердяева, влияние религиозной философии В. С. Соловьева на современное православие. Особое внимание уделяет отношению православного богословия к эволюционному монизму Тейяра де Шардена и теоцентрической «диалектической теологии» К. Барта. Отдельно выделена тема современных теологических подходов к вопросам экологии и отношения человека к природе в контексте научно-технического прогресса.

Накануне празднования тысячелетия крещения Руси была представлена обобщающая монография по истории существования современного православия в Советском Союзе⁴¹⁵. Ее автор Н. С. Гордиенко комплексно исследует историю эволюции православия за последние семьдесят лет, изменения во внутренней структуре и организации, актуальные вопросы вероучения и культа. В данной работе можно обнаружить уже мало следов научно-атеистической риторики.

В исторической части автор ведет историю современного православия от обновленческого раскола и борьбу с ним «реакционного» патриарха Тихона до активизации апологетической деятельности духовенства в связи с приближением празднования тысячелетия крещения Руси. Автор освещает темы стабилизации церковной жизни при местоблюстителе патриаршего престола митрополите Сергии, послевоенном переходе церковной идеологии с позиций традиционализма к модернизму, «умеренного динамизма» идеологии после Поместного собора 1971 г., миротворческой активности церкви, политической лояльности советскому государству.

В отдельной части книги автор представляет демографический состав верующих в СССР, описывает духовную иерархию клира, объясняет церковное территориальное деление и административные подразделения Московской

⁴¹⁵ Гордиенко Н. С. Современное русское православие. Л.: Лениздат, 1987. 302 с.

патриархии, рассказывает про православные учебные заведения и издательскую деятельность Русской православной церкви.

Отдельно Н. С. Гордиенко выделяет положительные стороны деятельности православной церкви в истории СССР: «Как было показано, Русская православная церковь, начиная с 40-х годов текущего столетия и кончая настоящим временем, совершила немало одобренных народом общественных акций: в прошлом она клеймила фашизм, помогала материально фронту и тылу, сейчас осуждает агрессоров и поджигателей войны, ратует за разрядку международной напряженности, призывает к активной поддержке дела мира. Словом, можно признать, не погрешая против истины, что сейчас Русская православная церковь с народом при отстаивании гражданских позиций и решении социально-политических проблем»⁴¹⁶. Можно обратить внимание, что впервые автором наименование «Русской православной церкви» написано с заглавной буквы, что подчеркивает вынужденное уважительное отношение к ней бывшего пропагандиста. Представляется, что цитирующийся выше пассаж можно рассматривать не просто как признание за Русской православной церковью особой роли в истории и общественной жизни СССР, но и как эпитафию советскому атеизму.

Таким образом, советские исследователи причинами эволюции православия считали изменение экономической базы после полной секуляризации и национализации церковных земель, перемену в социальном составе прихожан, лишение статуса государственной церкви. Направлением эволюции был поиск новых ориентиров для функционирования в рамках советского законодательства, поддержка внутренней и внешней политики СССР, принятие социально-этической концепции «коммунистического христианства», пересмотр отношения к научно-техническому прогрессу и т.д. Описывая историю Русской православной церкви в XX в., советские религиоведы выделяли особую роль обновленческого раскола, запустившего механизм преобразований. Методологической разработке

⁴¹⁶ Там же. С. 136.

подверглись понятия «приспособление» и «модернизация» православного богословия к социалистической действительности. «Приспособление» имело политическую плоскость и рассматривалось как изменение идеологии под внешним давлением в 1930-1940-х гг. «Модернизация» подразумевала социальную плоскость и характеризовалась «отсевом» или актуализацией вероучительных аспектов согласно эпохе начиная с 1950-х гг. Обращают на себя внимание отличные знания исследователями-атеистами современной им церковной печати, в первую очередь, статей из «Журнала Московской патриархии». На протяжении почти полувека можно отметить смягчение авторских оценок и риторики по отношению к православию.

В данной главе настоящего исследования было показано, что во всех тематических группах были, как и фундаментальные работы (в первую очередь, монографии), которые до сих пор не потеряли своей научной актуальности; так и «вспомогательные» (чаще всего, брошюрного типа), которые можно отнести к научно-популярной литературе. Так, например, множество знаковых научных работ строились на большом количестве архивных документов и источников, которые авторы анализировали или же впервые вводили в научный оборот. Другая часть рассмотренных книг не претендовала на эвристический потенциал, но содержала большой фактологический материал. Иные же и вовсе не обладали высокой академической значимостью. Важнейшей особенностью советской историографии православия был политический аспект. Политика партии в области идеологии прямым образом влияла на дискурс и цензуру исследований. Особенно это заметно по конструированию введений и заключений работ с преобладанием, так называемых, «идеологических обрамлений». Также, необходимо отметить, что определенные темы в рамках изучения русского православия в большей мере были раскрыты представителями других гуманитарных наук: истории, философии, источниковедения, фольклористики, литературоведения и др. С одной стороны, они представляли самостоятельную ценность для собственных дисциплин; с

другой же – они оказывали сильное воздействие на развитие отечественной науки о религии, обогащая ее.

Заключение

Идеологическая политика партии и государства в области атеизма непосредственным и прямым образом влияла на развитие отечественного религиоведения в 1943–1988 гг. Историю изучения православия можно воспринимать как своеобразное зеркало отношения государства к религии и церкви. В истории СССР можно выделить несколько периодов церковно-государственных отношений, каждому из которых соответствует определенный вид атеистической пропаганды. Проведенный в диссертационном исследовании анализ социокультурного и политического контекста показал, что смена этих «эпох» антирелигиозной пропаганды влияла на темы, объекты, методологию, оценки, результаты и риторику исследований.

Первым этапом в заданных хронологических рамках была естественно-научная и патриотическая пропаганда (конец 1930-х – 1953 гг.), когда в общественном и научном дискурсе произошла реабилитация военных и политических деятелей прошлого. Данный хронологический отрезок характеризуется публикационной активностью в области источниковедения. В научный оборот вводится достаточно большое количество исторических памятников: в первую очередь различные редакции житий А. Невского и Д. Донского. Публикацией первоисточников особенно отмечались издания «Труды отдела древнерусской литературы» и «Византийский временник». Также авторы исторических работ избегали откровенной атеистической риторики. Наоборот, можно отметить комплиментарные коннотации по отношению к историческому прошлому страны.

С концом сталинской эпохи пришла научно-атеистическая пропаганда (1954–1961 гг.) как составной элемент образования, культуры и советского образа жизни в целом. Эта эпоха хрущевской оттепели и последующей антирелигиозной кампании началась с двух постановлений ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения» и от 10

ноября 1954 г. «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». После начала критики культа личности И. В. Сталина в научном поле намечается смещение исследовательских акцентов. Актуальными теперь становятся работы по общим проблемам истории. Период оттепели хоть и был краткосрочным явлением, но все же нельзя проигнорировать положительные сдвиги, которые успели произойти в это время. Наука номинально находилась в положении «санкционированной свободы», однако были и качественные изменения: произошел отказ от императивных установок сталинского периода и были «переоткрыты» архивы. Показательно, что именно в этот период впервые в СССР была опубликована Библия. Данные советской социологии свидетельствовали и возрождении интереса граждан к религии и православной культуре, вследствие чего в 1958 г. государством было развернуто новое наступление на «религиозном фронте». В научной сфере результатом этого стала разработка теоретического и идеологического концепта «научного атеизма» и создание кафедр научного атеизма в высших учебных заведениях по всей стране. Также начался выпуск научно-популярного журнала «Наука и религия». В 1960 г. на должности председателя СДРПЦ Г. Г. Карпова сменил В. А. Куроедов, что свидетельствовало о недовольстве партийного руководства «мягкой» деятельностью Совета. Хрущевская антирелигиозная кампания повлияла на острую атеистическую риторику в исследованиях по истории церковно-государственных отношений в России.

Этап научно-атеистического воспитания (1961–1988 гг.) был артикулирован XXII съездом ЦК КПСС в разгар хрущевской антирелигиозной кампании. Наука вновь становится верным оружием партийной идеологии. Ярким примером выступает Музей истории религии и атеизма и его печатное издание «Ежегодник МИРА». Изменение вектора государственной политики в отношении религии влияло на деятельность Музея, который в это время также был выведен из подчинения Академии наук СССР, и был подчинен Министерству культуры, в связи с чем уменьшилась научно-исследовательская работа, и наметился крен в

сторону пропаганды. В свою очередь, изменения в Музее влекли за собой и изменения в журнале, тем самым научное издание прекратило свое существование в 1963 г., когда вышел последний седьмой номер. После смещения Н. С. Хрущева и окончания антирелигиозной кампании, верующие вновь стали считаться патриотичными советскими гражданами. Государственная идеология в научном и общественном дискурсе старалась сместить внимание на предикат «позитивности» в конструкте «научного атеизма». Была актуализирована тема социалистической и коммунистической морали и нравственности. В истории изучения православия появился новый сюжет – тема приспособления церкви к современным условиям жизни в социалистическом обществе и модернизация православного богословия. В работах данной области одно из главных мест займет сравнение христианских и коммунистических нравственных ценностей. В 1964 г. открывается Институт научного атеизма при Академии общественных наук ЦК КПСС, который должен был аккумулировать в себе всю организационную и научную деятельность в области атеизма. Тем самым, в 1964 г. прекращается выпуск «Вопросов истории религии и атеизма», а в 1966 г. начинается издание «Вопросов научного атеизма» как главного печатного органа ИНА. 1980-е гг. были ознаменованы рядом работ, посвященных самой актуальной теме десятилетия – истории крещения Руси, которое, что было неожиданностью для многих исследователей и пропагандистов, отмечалось официально на общегосударственном уровне в июне 1988 г.

История жизни и творчества В. Д. Бонч-Бруевича в диссертационном исследовании реконструирована с опорой на методологию интеллектуальной истории. Благодаря дружбе с В. И. Лениным и активной революционной деятельности, в которой важную роль играла организационная работа, а также пропаганда (с первых годов XX в. он был редактором, издателем и сотрудником социал-демократических и большевистских газет и журналов), В. Д. Бонч-Бруевич вошел в номенклатурную элиту нового государства и в 1917 г. занял должность управляющего делами Совета Народных Комиссаров. Но в отличие от многих деятелей революционного движения, которые до революции 1917 г. воспринимали

представителей различных религиозных групп в качестве «попутчиков», он как до революции, так и после нее отстаивал право верующих на свободу совести. Особенно красноречиво его правозащитную деятельность демонстрируют документы из Научно-исторического архива Государственного музея истории религии. В. Д. Бонч-Бруевич никогда не оставлял научную деятельность и продолжал заниматься ею вплоть до своих последних дней, совмещая организационную и исследовательскую работу. Его огромный вклад в изучение православного разномыслия в России и становление советского религиоведения трудно переоценить. Изучение жизни и творчества В. Д. Бонч-Бруевича, как и других исследователей советского периода, представляется достаточно важным особенно в контексте современных споров о советской гуманитарной науке и ее представителях.

В рамках данного диссертационного исследования в религиоведческий дискурсе использованы имена ученых, которых принято соотносить с другими областями гуманитарного знания. В первую очередь это касается древнерусской истории и культуры. Так, подробно были рассмотрены работы Б. Д. Грекова «Культура Киевской Руси», «Борьба Руси за создание своего государства» и «Киевская Русь», труды М. Н. Тихомирова «Москва и культурное развитие русского народа XIV–XVII вв.» и «Философия в Древней Руси», историко-антропологическое исследование Б. А. Романова «Люди и нравы древней Руси» и др. Данные обобщающие работы содержали ряд узких тем, которые становились объектами отдельных исследований. По истории древнерусской книжности необходимо выделить публикации литературоведов В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева. Новый взгляд на историю и значение крещения Руси был положен С. В. Бахрушиным в 1937 г. Вопросами истории феодализма, социально-экономических отношений в средневековой Руси и монастырского землевладения занимались известные историки С. Б. Веселовский, Л. В. Черепнин, В. Н. Бернадский, А. А. Зимин, А. М. Сахаров и др. К тому же, А. А. Зимин плодотворно исследовал историю реформационно-гуманистических движений.

В диссертационном исследовании было проведено деление и классификация работ на тематические группы. Таким образом, в истории изучения православия в советской науке с 1943 по 1988 гг. можно выделить ряд основных тем, к которым чаще всего обращались исследователи. Работы по истории древнерусской культуры продемонстрировали, что Русь находилась на высоком уровне развития еще до принятия христианства. Исследования древнерусской книжности в основном заключались в публикации летописных и агиографических памятников. Так, например, советские филологи показали исторические трансформационные процессы агиографического литературного стиля. Изучение истории христианизации Руси подтвердило, что сам факт крещения являлся логичным и прогрессивным политическим шагом ввиду перехода государства к феодальной социально-экономической формации. Вопросы церковного и монастырского землевладения в советской историографии напрямую затрагивали проблемы социально-экономических отношений эпохи феодализма. Борьбу крестьян с церковным землевладением и крестьянские восстания под предводительствами И. И. Болотникова, С. Т. Разина и Е. И. Пугачева советские ученые расценивали как проявления классовой борьбы против угнетателей. Особой разновидностью антифеодальной борьбы были реформационно-гуманистические движения, которые носили прогрессивный характер, выступая с религиозных позиций за социальную справедливость. Сами же по себе эти антифеодальные реформационно-гуманистические движения являлись проявлением православного разномыслия. В общую проблематику истории церкви в России как социального института исследователи включали вопросы церковно-государственных взаимоотношений, борьбы церкви с просвещением и наукой в России, отношения церкви к революции 1905 г. и революциям 1917 г. и пр. Актуальной для советского религиоведения второй половины XX в. являлась тема «приспособления» и «модернизации» православного богословия, которая подразумевала процесс адаптации православия к новым условиям сосуществования с государством в экономической, политической, юридической и социальной плоскости.

Диссертационное исследование показало, что междисциплинарный и «периферийный» научный сегмент истории изучения православия в советской науке включал в себя историков, филологов, этнографов, антропологов, философов. Важно отметить особый научный вклад таких выдающихся советских ученых, как И. У. Будовниц, Л. И. Емелях, А. И. Клибанов, Н. А. Казакова, Я. С. Лурье и др. Их труды до сих пор не утратили своей научной актуальности. Не умаляя заслуг в разработке различных теоретических концептов по истории Русской православной церкви, в первую очередь в XX в., необходимо с осторожностью относиться к работам некоторых авторов. Определенный идеологический заряд зачастую не позволяет объективно отнестись к трудам, например, П. К. Курочкина, М. П. Новикова, Н. С. Гордиенко, Е. Ф. Грекулова, И. А. Кривелева и др. Прослеживается бесспорная зависимость исследований от актуальной социально-политической и идеологической обстановки, которая напрямую сказывалась на риторике авторов⁴¹⁷.

После 1991 г. так и не сложилось однозначного отношения к наследию советской науки о религии. На протяжении более тридцати лет историография вопроса все еще ищет пути преодоления своей собственной субъективности. Проведенное исследование предполагает актуализацию советских работ по изучению православия в России, возвращение в научный оборот этих трудов. Многие из них не только освещают до сих пор малоизученные темы в истории отечественного религиоведения, но и не утратили своей актуальности для современной гуманитарной науки.

⁴¹⁷ Достаточно сравнить работы у одного и того же автора, например: Н. С. Гордиенко «Современное православие» (1968 г.) и «Современное русское православие» (1987 г.); Е. Ф. Грекулов «Православная церковь – враг просвещения» (1962 г.) и «Православная инквизиция в России» (1964 г.) и «Церковь, самодержавие, народ: (2-я половина XIX — начало XX в.)» (1969 г.); И. А. Кривелева «Современное богословие и наука» (1959 г.) и «Русская православная церковь в первой четверти XX века» (1982 г.).

Список использованных источников и литературы

Архивные источники:

Научно-исторический архив Государственного музея истории религии

1. Галкин М., священник. 3 письма к В. Бонч-Бруевичу. 9 апреля - 5 мая 1918 г. // Научно-исторический архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 4. Д. 106.
2. Документы по делу об аресте Айвазова И. Г. бывш. миссионера православной церкви. Ноябрь 1919 – февраль 1920 гг. // Научно-исторический архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 4. Д. 142.
3. Монахини Спасского женского монастыря. Прошение управляющему делами СНК. Октябрь 1919 г. // Научно-исторический архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 4. Д. 109.
4. Переписка об отведении земли бывшим монахиням Серафимо-Дивеевского монастыря. Сентябрь 1919 г. // Научно-исторический архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 4. Д. 102.
5. Письмо в 8-ой отдел НКЮ. Приложение: заявление патриарха Тихона председателю СНК. 26 ноября 1919 г. // Научно-исторический архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 4. Д. 98.
6. Письмо в Гражданский комитет совета Казанского укрепленного района. Приложение: копия заявления в Управление делами казанского Епархиального совета. 1919 г. // Научно-исторический архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 4. Д. 99.
7. Филиппов А. Заявление управделами СНК. 1. Выписки из писем иеромонаха Севастьяна, посланного в Сибирь с патриаршим воззванием. 20 июля 1920 г. // Научно-исторический архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 4. Д. 115;
8. Заявление управделами СНК. 1 сентября 1920 г. // Научно-исторический архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 4. Д. 116.

Источники:

1. Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л.: АН СССР, 1947. 188 с.
2. Адрианова-Перетц В. П. Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго // ТОДРЛ. 1947. № 5. С. 73-96.
3. Азбелев С. Н. Светская обработка Жития Александра Невского // ТОДРЛ. 1958. № 14. С. 147-153.
4. Александров Г. Ф. История западноевропейской философии. М.; Л.: Изд-ва АН СССР, 1946. 513 с.
5. Андреев Г. Л., Ладоренко В. Е., Полякова Л. П. Социальные и нравственные принципы коммунизма в интерпретации современных христианских богословов // Вопросы истории религии и атеизма. 1966. № 2. С. 110-140.
6. Анисимов С. Ф. Нравственный прогресс и религия. М.: Мысль, 1965. 183 с.
7. Антонова М. Ф. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго». (Вопросы атрибуции и жанра) // ТОДРЛ. 1974. № 28. С. 140-154.
8. Байдин В. И. Старообрядчество Урала и самодержавие. Конец XVIII - середина XIX в. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Новосибирск, 1983. 18 с.
9. Бахрушин С. В. К вопросу о крещении Киевской Руси // Историк-марксист. 1937. № 2. С. 40-77.
10. Бахтинский В. С., Молдавский Д. М. Старообрядческие народные легенды о начале раскола, о табаке и брадобритии // ТОДРЛ. 1958. № 14. С. 421-422.
11. Бегунов Ю. К. Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII в. об Александре Невском // ТОДРЛ. 1971. № 26. С. 72-84.
12. Бегунов Ю. К. Житие Александра Невского в сборнике из собрания Н. П. Лихачева // ТОДРЛ. 1976. № 30. С. 60-72.
13. Бегунов Ю. К. Житие Александра Невского в станковой живописи начала XVII в. // ТОДРЛ. 1966. № 22. С. 311-326.

14. Бегунов Ю. К. К вопросу об изучении Жития Александра Невского // ТОДРЛ. 1961. № 17. С. 348-357.
15. Бегунов Ю. К. Кирилло-белозерские отрывки Жития Александра Невского // ТОДРЛ. 1969. № 24. С. 105-107.
16. Белов А. В. Правда о православных «святых». М.: Наука, 1968. 168 с.
17. Белов А. В. Рождество Христово. М.: Политиздат, 1965. 80 с.
18. Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 246 с.
19. Бонч-Бруевич В. Д. Владимир Ильич и религиозный вопрос // Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. В 3 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 31-73.
20. Бонч-Бруевич В. Д. Гапон и гапоновщина // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 3. С. 15-47.
21. Бонч-Бруевич В. Д. Из письма к В. М. Величкиной // Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. В 3 т. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 471-472.
22. Бонч-Бруевич В. Д. Из письма к В. М. Величкиной // Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. В 3 т. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 473-474.
23. Бонч-Бруевич В. Д. Как организовался совхоз «Лесные поляны» // Воспоминания о Ленине. М.: Наука, 1969. С. 398-402.
24. Бонч-Бруевич В. Д. Мое изучение крестьянского вопроса // Избранные атеистические произведения. М.: Мысль, 1973. С. 263-280.
25. Бонч-Бруевич В. Д. Первые шаги // Молодая гвардия. 1927. №12.
26. Бонч-Бруевич В. Д. По поводу письма нижепубликуемого // Избранные атеистические произведения. М.: Мысль, 1973. С. 167-172.
27. Бонч-Бруевич В. Д. Пройденный путь // Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. В 3 т. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 149-156.
28. Бонч-Бруевич В. Д. Раскол и сектантство в России. Доклад В. Д. Бонч-Бруевича второму очередному съезду Российской социал-демократической партии // Избранные атеистические произведения. М.: Мысль, 1973. С. 173-213.

- 29.Бонч-Бруевич В. Д. Свобода совести в СССР // Вопросы истории религии и атеизма. 1954. № 2. С. 11-28.
- 30.Бонч-Бруевич В. Д. Среди сектантов // Избранные атеистические произведения. М.: Мысль, 1973. С. 150-166.
- 31.Бонч-Бруевич В. Д. Старообрядчество и самодержавие // Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. В 3 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 90-103.
- 32.Борисов А. М. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI-XVII вв. Петрозаводск: Карел. кн. изд-во, 1966. 284 с.
- 33.Борисов А. М. Церковь и восстание под руководством С. Разина // Вопросы истории. 1965. № 8. С. 74-83.
- 34.Борисова Е. А., Каждан Т. П. Русская архитектура конца XIX – начала XX века. М.: Наука, 1971. 239 с.
- 35.Бояринцев В. И. Новые попытки приспособления религии к современному естествознанию // Вопросы научного атеизма. 1966. № 2. С. 141-164.
- 36.Будилова Е. А. Борьба церкви против рефлекторной теории И. М. Сеченова // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 3. С. 152-183.
- 37.Будовниц И. У. К вопросу о крещении Руси // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 3. С. 402-434.
- 38.Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV-XVI веках (По «житиям святых»). М.: Наука, 1966. 392 с.
- 39.Будовниц И. У. Первые русские нестяжатели // Вопросы истории религии и атеизма. 1958. №5. С. 264-284.
- 40.Будовниц И. У. Русская публицистика XVI века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 308 с.
- 41.Будовниц И. У. Русское духовенство в первое столетие монгольского ига // Вопросы истории религии и атеизма. №7. 1959. С. 284-302.
- 42.Булыгин И. А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М.: Наука, 1977. 327 с.

- 43.Бычков В. В. Образ как категория византийской эстетики // Византийский временник. 1973. № 34. С. 151-168.
- 44.В. И. Ленин об атеизме, религии и церкви / Сб. статей под ред. Ю. П. Францева. Сост.: М. М. Персиц и др. М.: Мысль, 1969. 318 с.
- 45.Вагнер Г. К. Византийский храм как образ мира // Византийский временник. 1986. № 47. С. 163-181.
- 46.Вагнер Г. К. К судьбам византийского наследия во владими́ро-суздальской пластике // Византийский временник. 1964. № 24. С. 121-128.
- 47.Валентинов А. А., Курочкин П. К., Цамерян И. П. Строительство коммунизма и преодоление религиозных пережитков. М.: Наука, 1966. 254 с.
- 48.Вершинская А. А., Рамм Б. Я., Сердобольская Л. А. Некоторые вопросы истории СССР в освещении церковной печати // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1960. №4. С. 10-20.
- 49.Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в северо-восточной Руси. Т. 1. Ч. 1: Частное землевладение; Ч. 2: Землевладение митрополичьего дома. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 496 с.
- 50.Воронин Н. Н. Древняя Русь: история, искусство // Вопросы истории. 1967. № 2. С. 44-58.
- 51.Воронин Н. Н., Кузьмин А. Г. Духовная культура древней Руси // Вопросы истории. 1972. №9. С. 113-120.
- 52.Воронцов В. Г., Красников Н. П. XXII съезд КПСС и задачи атеистического воспитания трудящихся // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1962. № 6. С. 3-17.
- 53.Воропаева К. Л. О Пасхе. М.: Госполитиздат, 1959. 47 с.
- 54.Галактионов А. А., Никандров П. Ф. История русской философии. М.: Соцэкгиз, 1961. 459 с.
- 55.Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Русская философия. Л.: Наука, 1970. 651 с.

56. Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Славянофильство, его национальные истоки и место в истории русской мысли // Вопросы истории. 1966. № 6. С. 120-130.
57. Гаркавенко Д. А. Рост атеистических и антирелигиозных настроений в армии и флоте в 1917 г. // Вопросы истории религии и атеизма. 1960. № 8. С. 193-218.
58. Гонтаев Н. М. Церковь и феодализм на Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 167 с.
59. Гордиенко Н. С. «Крещение Руси»: факты против легенд и мифов: Полемические заметки. Л.: Лениздат, 1984. 287 с.
60. Гордиенко Н. С. «Крещение Руси»: факты против легенд и мифов: Полемические заметки. Л.: Лениздат, 1986. 288 с.
61. Гордиенко Н. С. Библейская мораль на службе идеологов православия // Вопросы философии. 1963. № 10. С. 80-90.
62. Гордиенко Н. С. Введение христианства на Руси: домыслы буржуазно-клерикальной пропаганды. М.: Знание, 1987. 62 с.
63. Гордиенко Н. С. Идеология современного православия (критическ. анализ модернистских тенденций соврем. Православия). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. философ. наук. Минск, 1969. 38 с.
64. Гордиенко Н. С. Критика новых тенденций современного православия. Л.: Знание, 1974. 32 с.
65. Гордиенко Н. С. Критика философской аргументации современного православия // Вопросы философии. 1962. № 10. С. 48-56.
66. Гордиенко Н. С. Мировоззренческая оценка процесса христианизации Древней Руси. М.: Знание, 1984. 40 с.
67. Гордиенко Н. С. Мистика на службе современного православия. М.: Знание, 1981. 63 с.
68. Гордиенко Н. С. Моральный кодекс строителей коммунизма против христианской нравственности // Вопросы истории религии и атеизма. 1963. № 7. С. 8-24.

- 69.Гордиенко Н. С. Новые веяния в православной экзегетике // Вопросы научного атеизма. 1966. № 1. С. 150-178.
- 70.Гордиенко Н. С. Православное духовенство о нравственности // Вопросы истории религии и атеизма. 1962. № 6. С. 102-120.
- 71.Гордиенко Н. С. Современное православие. М.: Мысль, 1968. 143 с.
- 72.Гордиенко Н. С. Современное русское православие. Л.: Лениздат, 1987. 302 с.
- 73.Гордиенко Н. С. Современные православные фальсификаторы // Наука и религия. 1962. № 10. С. 28-31.
- 74.Гордиенко Н. С. Современный экуменизм: Движение за единство христианских церквей. М.: Наука, 1972. 200 с.
- 75.Гордиенко Н. С. Эволюция русского православия (20-80-е гг. XX ст.). М.: Знание, 1984. 64 с.
- 76.Гордиенко Н. С. Элементы модернизма в православном вероучении // Вопросы научного атеизма. 1966. № 2. С. 167-197.
- 77.Гордиенко Н. С., Курочкин П. К. Либерально-обновленческое движение в русском православии начала XX в. // Вопросы научного атеизма. 1969. № 7. С. 313-340.
- 78.Гордиенко Н. С., Курочкин П. К. Особенности модернизации современного русского православия. М.: Знание, 1978. 64 с.
- 79.Гордиенко Н. С., Новиков М. П. Современная идеологическая борьба и религия. М.: Знание, 1980. 40 с.
- 80.Гордиенко Н. С., Носович В. И., Харахоркин Л. П. Современное православие и его идеология. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 205 с.
- 81.Горская Н. А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. (О сущности и формах феодально-крепостнических отношений). М.: Наука, 1977. 365 с.
- 82.Горфункель А. Х. Антицерковная борьба крестьян в XVII в. по материалам Белозерского монастыря // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1960. № 4. С. 248-262.

83. Горфункель А. Х. Вотчинное хозяйство и крестьяне Кирилло-Белозерского монастыря: Автореферат дис. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Л., 1956. 16 с.
84. Греков Б. Д. Борьба Руси за создание своего государства. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. 78 с.
85. Греков Б. Д. Киевская Русь. М.: Госполитиздат, 1953. 568 с.
86. Греков Б. Д. Культура Киевской Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1944. 76 с.
87. Греков Б. Д. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI—XVIII вв. // Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 33. 1926. С. 201-332.
88. Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая орда и ее падение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 479 с.
89. Грекулов Е. Ф. Православная инквизиция в России. М.: Наука, 1964. 168 с.
90. Грекулов Е. Ф. Православная церковь – враг просвещения, М.: Изд-во АН СССР, 1962. 192 с.
91. Грекулов Е. Ф. Церковь и отмена крепостного права // Вопросы истории религии и атеизма. 1962. № 10. С. 76-112.
92. Грекулов Е. Ф. Церковь, самодержавие, народ (2-я половина XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1969. 184 с.
93. Грекулов Е. Ф., Курочкин П. К. Исследование православия в советской литературе // Вопросы научного атеизма. 1967. № 4. С. 287-325.
94. Григорьян М. М. К характеристике религиозно-философской концепции славянофильства // Вопросы научного атеизма. 1970. № 10. С. 130-148.
95. Громов М. Н. Максим Грек философ. М.: Наука, 1984. 189 с.
96. Дудзинская Е. А. Славянофилы в общественной борьбе. М.: Мысль, 1983. 272 с.
97. Емельянов Б. В., Бушмилева И. «Наука о человеке» русского богослова В. Несмелова: Критическая оценка // Научно-технический прогресс и творчество: тез. докл. науч.-теорет. конф. Ижевск, 1987. С. 139-141.

98. Емельянов Б. В., Князев В. М., Русаков В. М. Проблема человека в русской религиозно-идеалистической философии конца XIX — начала XX века: (Критический анализ) // Историко-философские исследования. 1983. № 7. С. 49-67.
99. Емельянов Б. В., Любутин К. М. Введение в историю философии: Учеб. пособие для университетов. М.: Высшая школа, 1987. 160 с.
100. Емельянов Б. В., Русаков В. М. Проблема человека: Русские истоки современного буржуазного человековедения // Мировоззренческие проблемы в истории философии. Новосибирск, 1985. С. 79-88.
101. Емелях Л. И. Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М.; Л.: Наука, 1965. 201 с.
102. Емелях Л. И. Антицерковное движение крестьян в годы первой революции // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 3. С. 459-478.
103. Емелях Л. И. Атеизм и антиклерикализм народных масс в 1917 г. // Вопросы истории религии и атеизма. 1958. № 5. С. 64-72.
104. Емелях Л. И. Из истории антиклерикализма и атеизма русских крестьян в 1905-1907 гг. // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1959. № 3. С. 265-286.
105. Емелях Л. И. Крестьяне и церковь в первой русской революции // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1963. № 7. С. 70-93.
106. Емелях Л. И. Крестьяне и церковь накануне Октября. Л.: Наука, 1976. 182 с.
107. Емелях Л. И. Критика В. И. Лениным православия. Л.: Знание, 1971. 31 с.
108. Емелях Л. И. Происхождение религиозных обрядов. Л.: Лениздат, 1959. 78 с.
109. Емелях Л. И. Происхождение христианских таинств. М.: Сов. Россия, 1978. 125 с.
110. Емелях Л. И. Происхождение христианского культа. Л.: Лениздат, 1971. 200 с.

111. Емелях Л. И. Секретные донесения епископов православной церкви об антиклерикализме и атеизме крестьян в период первой русской революции // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1962. № 6. С. 320-338.
112. Емелях Л. И., Кожурин Я. Я. Советская историческая наука о крещении Руси. Л.: Знание, 1986. 31 с.
113. Емелях Л. И., Шахнович М. И. Дело об отлучении от церкви академика А. А. Маркова // Вопросы истории религии и атеизма. 1954. № 2. С. 397-411.
114. Жегалова С. К. Русская деревянная скульптура // Художник. 1965. № 1. С. 52–57.
115. Замалеев А. Ф., Зоц В. А. Богословы ищут бога: Филос.-атеист. очерки по истории христиан. теологии. Киев: Молодь, 1980. 166 с.
116. Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV-XVI в.). М.: Наука, 1977. 356 с.
117. Зимин А. А. И. С. Пересветов и русские вольнодумцы XVI века // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 3. С. 311-324.
118. Зимин А. А. Башкин М. – вольнодумец XVI в. // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. №4. С. 230-245.
119. Зимин А. А. Дело «еретика» Артемия // Вопросы истории религии и атеизма. 1958. № 5. С. 213-232.
120. Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской обществ.-полит. мысли середины XVI в. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 498 с.
121. Зимин А. А. М. Башкин — вольнодумец XVI в. // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 4. С. 230-245.
122. Зимин А. А. Митрополит Филипп и опричнина // Вопросы истории религии и атеизма. 1963. №11. С. 269-292.
123. Зотов А. И. Русское искусство с древних времен до начала XX в. М.: Искусство, 1971. 375 с.
124. Зырянов П. Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905-1907 гг. М.: Наука, 1984. 224 с.

125. Иванов И. Г. Атеистическое значение трудов советских естествоиспытателей // Вопросы научного атеизма. 1967. № 4. С. 205-242.
126. История культуры древней Руси / Под общ. ред. акад. Б. Д. Грекова и проф. М. И. Артамонова. Т. 1. Материальная культура. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 484 с.
127. История культуры древней Руси / Под общ. ред. акад. Б. Д. Грекова и проф. М. И. Артамонова. Т. 2. Общественный строй и духовная культура. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 547 с.
128. Итенберг Б. С. Революционные народники и вопросы религии // Вопросы истории религии и атеизма. 1963. № 11. С. 293-305.
129. Кадсон И. З. Церковь – активный участник подавления крестьянского восстания под руководством Е. Пугачева // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1962. №6. С. 291-304.
130. Кадсон И. З. Антицерковная борьба народных масс в России в трудах советских историков // Вопросы истории. 1969. №3. С. 151-157.
131. Кадсон И. З. Восстание Пугачева и раскол // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1960. № 4. С. 222-238.
132. Кадсон И. З. Церковь — активный участник подавления крестьянского восстания под руководством Е. Пугачева // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1962. № 6. С. 291-304.
133. Каждан А. П., Сахаров А. М., Токарев С. А. Церковь в истории России. (IX в. - 1917 г.). М.: Наука, 1967. 336 с.
134. Казакова Н. А. Борьба против монастырского землевладения на Руси в конце XIV - нач. XV в. // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1958. №2. С. 151-171.
135. Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 363 с.
136. Казакова Н. А. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека // Византийский временник. 1968. № 28. С. 109-126.

137. Казакова Н. А. Идеология стригольничества – первого еретического движения на Руси // ТОДРЛ. 1955. № 11. С. 103-117.
138. Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV - начала XVI века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 544 с.
139. Каменский З. А. Московский кружок любомудров. М.: Мысль, 1980. 327 с.
140. Карцов В. Г. Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России. Ч. 1. Калинин: Калинин. гос. ун-т., 1971. 160 с.
141. Катунский А. Е. Старообрядчество. М.: Политиздат, 1972. 120 с.
142. Каушанский П. Л. Идеология и деятельность христианских сект. Кемерово: Кн. изд-во, 1965. 108 с.
143. Кирпотин В. Я. Критика религии в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 4. С. 120-136.
144. Клибанов А. И. «Самостийная ересь». (Из истории русского свободомыслия конца XV – половины XVI в.) // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 4. С. 203-229.
145. Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в.-1917 г.). М.: Наука, 1965. 348 с.
146. Клибанов А. И. К изучению генезиса еретических движений в России // Вопросы истории религии и атеизма. 1959. № 7. С. 186-217.
147. Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М.: Наука, 1977. 335 с.
148. Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 411 с.
149. Клибанов А. И. Свободомыслие в Твери в XV-XVI вв. // Вопросы истории религии и атеизма. 1958. № 6. С. 231-260.
150. Клибанов А. И., Митрохин Л. Н. Крещение Руси: история и современность. М.: Знание, 1988. 63 с.
151. Ковалев И. Ф. О борьбе церкви с Л. Н. Толстым // Вопросы истории религии и атеизма. 1960. № 8. С. 348-376.

152. Ковалев И. Ф. Преследования учения Ч. Дарвина царской цензурой // Вопросы истории религии и атеизма. 1959. № 7. С. 410-421.
153. Ковалев С. И. Православное богословие и открытия в районе Мертвого моря (О модернизации православной церкви) // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1960. № 4. С. 3-9.
154. Коган Д. М. О преодолении религиозных пережитков у старообрядцев // Вопросы истории религии и атеизма. 1964. № 12. С. 37-43.
155. Коган Ю. Я. Из истории распространения антихристианских памфлетов в России XVIII в. // Вопросы истории религии и атеизма. 1955. № 3. С. 253-277.
156. Коган Ю. Я. Преследование русских вольнодумцев во 2-й половине XVIII в. // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 4. С. 182-202.
157. Кожин В. В. О главном в наследии славянофилов // Русская литература. 1969. № 10. С. 113-130.
158. Козачкова Д. А. Зарождение и развитие антицерковной идеологии в др. Руси // Вопросы истории религии и атеизма. 1958. № 5. С. 283-314.
159. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 8: 1946-1955. М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1985. 542 с.
160. Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 255 с.
161. Корецкий В. И. Борьба крестьян с монастырями в России в XVI – начале XVII в. // Вопросы истории религии и атеизма. 1958. № 6. С. 169-215.
162. Корецкий В. И. Голод в 1601-1603 гг. в России и церковь // Вопросы истории религии и атеизма. 1959. № 7. С. 218-256.
163. Корецкий В. И. К вопросу о социальной сущности нового учения Ф. Косого // Вестник Московского университета. 1957. № 2. С. 105-124.
164. Кошелев В. А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840-1850-е годы). Л.: Наука, 1984. 193 с.

165. Кравец И. Н. Борьба Т. Ф. Осиповского против идеализма и религии // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 3. С. 237-246.
166. Красников Н. П. В погоне за веком (Отражение социальных процессов в богословских трудах и проповеднической деятельности православных священнослужителей). М.: Политиздат, 1968. 160 с.
167. Красников Н. П. О приспособленчестве православного духовенства к современным условиям // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1963. № 7. С. 107-112.
168. Красников Н. П. Эволюция социальной концепции православия // Вопросы истории. 1970. № 9. С. 16-33.
169. Крикунов В. П. Антицерковные настроения крестьян в пореформенной России // Вопросы истории религии и атеизма. 1962. № 10. С. 128-142.
170. Кривелев И. А. В. И. Ленин и некоторые актуальные вопросы атеистической пропаганды // Вопросы истории религии и атеизма. 1960. №8. С. 3-28.
171. Кривелев И. А. Ленин о религии. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 239 с.
172. Кривелев И. А. Новейшие приемы религиозной апологетики. М.: Знание, 1971. 63 с.
173. Кривелев И. А. Религиозная картина мира и ее богословская модернизация. М.: Наука, 1968. 292 с.
174. Кривелев И. А. Русская православная церковь в первой четверти XX века. М.: Знание, 1982. 64 с.
175. Кривелев И. А. Современное богословие и наука. М.: Госполитиздат, 1959. 206 с.
176. Кувакин В. А. Религиозная философия в России: Начало XX века. М.: Мысль, 1980. 310 с.
177. Кузьмин А. Г. «Крещение Руси»: концепции и проблемы // «Крещение Руси» в трудах русских и советских историков. М.: Мысль, 1988. С. 3-56.
178. Кулешов В. И. Славянофилы и русская литература. М.: Художественная литература, 1976, 288 с.

179. Куроедов В. А. Религия и закон. М.: Знание, 1970. 61 с.
180. Курочкин П. К. Идеология современного православия. М.: Знание, 1965. 31 с.
181. Курочкин П. К. К оценке процесса модернизации религии в современных условиях // Вопросы научного атеизма. 1966. № 2. С. 5-40.
182. Курочкин П. К. Критика современного русского православия. М.: Знание, 1963. 48 с.
183. Курочкин П. К. Православие и гуманизм. М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1962. 167 с.
184. Курочкин П. К. Социальная позиция русского православия. М.: Знание, 1969. 45 с.
185. Курочкин П. К. Эволюция современного русского православия. Автореф. дис. на соискание учен. степ. д-ра филос. наук. М., 1970. 44 с.
186. Курочкин П. К. Эволюция современного русского православия. М.: Мысль, 1971. 270 с.
187. Ладоренко В. Е. К вопросу об изменении политической ориентации русской православной церкви (1917—1945) // Вопросы истории религии и атеизма. 1964. № 12. С. 106-123.
188. Лазарев В. Н. Московская школа иконописи. М.: Искусство, 1971. 235 с.
189. Лапшин Р. Г. Феодосий Косой — идеолог крестьянства XVI в. // ТОДРЛ 1953. № 9. С. 235-250.
190. Лебедев Н. А. Антицерковные и антирелигиозные настроения среди крестьян Нижегородской губернии в начале XX в. // Вопросы истории религии и атеизма. 1959. № 7. С. 116-127.
191. Лейкина-Свирская В. Р. Атеизм петрашевцев // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 3. С. 214-236.
192. Лимантов Н. В. Культ реакционера Филарета в современном православии // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1962. № 6. С. 90-101.

193. Лихачев Д. С. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского // ТОДРЛ. 1947. № 5. С. 36-56.
194. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 1970. 180 с.
195. Лихачева В. Д., Лихачев Д. С. Художественное наследие др. Руси и современность. Л.: Наука, 1971. 120 с.
196. Лурье Я. С. Борьба церкви с великосветской властью в конце 70-х – первой половине 80-х годов XV в. // ТОДРЛ. 1958. № 4. С. 209-218.
197. Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI вв. Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 532 с.
198. Лурье Я. С. Истоки большой традиции (Русское свободомыслие 14-17 веков) // Наука и религия. 1961. № 7. С. 41-45.
199. Малышев В. И. Житие Александра Невского по рукописи середины XVII в. // ТОДРЛ. 1947. № 5. С. 185-193.
200. Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола / Под ред. [и с предисл.] Владимира Бонч-Бруевича. Санкт-Петербург: тип. Б. М. Вольфа, 1908-1916.
201. Меликова В. Д. Мирская проблематика в религиозной живописи древней Руси // Вопросы научного атеизма. 1968. № 5. С. 137-158.
202. Меликова В. Д. Некоторые особенности взаимоотношения искусства и религии (на примере изобразительного искусства Древней Руси) // Вестн. Моск. ун-та. Философия. 1967. № 2. С. 81-89.
203. Миловидов В. Ф. Старообрядчество в прошлом и настоящем. М.: Мысль, 1969. 112 с.
204. Миловидов В. Ф. Старообрядчество и социальный прогресс // Вопросы научного атеизма. 1966. № 2. С. 198-224.
205. Митрохин Л. Н. О «диалоге» марксистов и христиан // Вопросы философии. 1971. № 7. С. 48-58.
206. Митрохин Л. Н. Современное православие // Наука и религия. 1959. №1. С. 25-31.

207. Молева Н. М. Музыка и религия в России XVII столетия // Вопросы истории. 1971. № 11. С. 143-154.
208. Мюллер Р. Б. Из истории раскола на севере России (Самосожжения в Палеострове) // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1958. № 2. С. 172-182.
209. Никольский Н. М. Религия как предмет науки. Минск: Белтрестпечать, 1923. 47 с.
210. Никольский Н.М. История русской церкви. М.: Атеист, 1930. 248 с.
211. Новиков М. П. О модернизации религиозной идеологии. (Освещение современного православия в атеистической литературе) // Вопросы научного атеизма. 1966. № 1. С. 415-425.
212. Новиков М. П. Православие и современность. М.: Изд-во МГУ, 1965. 253 с.
213. Новиков М. П. Тупики православного модернизма: (Критический анализ богословия XX в.). М.: Политиздат, 1979. 167 с.
214. Носович В. И. Роль культа в православной церкви // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1962. № 6. С. 74-89.
215. Окулов А. Ф. Социальный прогресс и религия // Вопросы научного атеизма. 1967. № 4. С. 445-453.
216. Осипова Е. С. Поместный собор православной церкви 1917-1918 гг. // Вопросы научного атеизма. 1967. № 3. С. 204-226.
217. Осипова Е. С. Церковь и Временное правительство // Вопросы истории. 1964. № 6. С. 65-76.
218. Персиц М. М. Атеизм русского рабочего. М.: Наука, 1965. 257 с.
219. Персиц М. М. Великая Октябрьская социалистическая революция и отделение церкви от государства // Вопросы истории. 1954. № 11. С. 11-22.
220. Персиц М. М. Великая Октябрьская социалистическая революция и создание условий для распространения атеизма в массах // Вопросы научного атеизма. 1967. № 4. С. 15-37.

221. Персиц М. М. Из истории народного свободомыслия в России // Вопросы истории религии и атеизма. 1950. № 1. С. 137-154.
222. Персиц М. М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР (1917-1919 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1958. 198 с.
223. Персиц М. М. Русские атеистические сборники конца XVIII – начала XIX в. // Вопросы истории религии и атеизма. 1969. № 7. С. 361-409.
224. Петренко М. З., Шиденко В. А. Киево-Печерская лавра в борьбе против революции // Вопросы истории. 1956. № 3. С. 132-136.
225. Плаксин Р. Ю. Крах церковной контрреволюции 1917-1923 гг. М.: Наука, 1968. 192 с.
226. Плаксин Р. Ю. Церковная контрреволюция в дни Октября // Вопросы истории. 1964. № 11. С. 45-53.
227. Платонов Н. Ф. Православная церковь в 1917-1935 гг. // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1961. № 5. С. 206-271.
228. Платонов Н. Ф. Православная церковь в борьбе с революционным движением в России (1900–1917 гг.) // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1960. № 4. С. 103-209.
229. Пойда Д. П. Борьба крестьян Правобережной Украины против духовенства в пореформенный период // Вопросы истории религии и атеизма. 1962. № 10. С. 113-127.
230. Покровский Н. Н. Археографические исследования в работе Института истории СО РАН (1965-2006) // Археографический ежегодник. 2011. Т. 1. № 1. С. 61-68.
231. Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1974. 394 с.
232. Попова О. С. Свет в византийском и русском искусстве XII-XVI веков // Советское искусствознание. 1978. № 1. С. 75-99.
233. Притыкин Я. М. Современные православные «моралисты» и историческая действительность (Из истории борьбы православной церкви

- против социализма и атеизма) // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1963. № 8. С. 155-168.
234. Прокофьева Л. С. Вотчинное хозяйство в XVII в.: По материалам Спасо-Прилуцкого монастыря. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 177 с.
235. Прохоров Г. М. Непонятый текст и письмо к заказчику в «Слове о житии и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго» // ТОДРЛ. 1985. № 40. С. 229-247.
236. Пушкарев Л. Н. Критика религии и церкви И. А. Худяковым // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 3. С. 184-213.
237. Пушкарев Л. Н. Критика церкви и духовенства в трудах И. Г. Прыжова // Вопросы истории религии и атеизма. 1954. № 2. С. 128-153.
238. Рамм Б.Я. Папство и Русь в X-XV веках. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 283 с.
239. Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура. М.: Наука, 1970. 147 с.
240. Романов Б. А. Люди и нравы древней Руси: Ист.-бытовые очерки XI-XIII вв. / Предисл. Н. Е. Носова. 2-е изд. М.; Л.: Наука, 1966. 240 с.
241. Румянцева В. С. Огнепальный Аввакум // Вопросы истории. 1972. № 11. С. 111-125.
242. Русская православная церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. М.: Московская патриархия, 1943. 100 с.
243. Рутенберг С. Г. Атеизм в творчестве советских художников // Ежегодник музея истории религии и атеизма. 1963. № 7. С. 51-69.
244. Рындзюнский П. Г. Антицерковное движение в Тамбовском крае в 60-х гг. XVIII в. // Вопросы истории религии и атеизма. 1954. № 2. С. 154-193.
245. Рындзюнский П. Г. Борьба за преодоление религиозных влияний в советской школе (1917-1919) // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 3. С. 47-86.
246. Рындзюнский П. Г. Старообрядческая организация в условиях развития промышленного капитализма // Вопросы истории религии и атеизма. 1950. № 1. С. 188-248.

247. Савич А. А. Соловецкая вотчина в XV—XVII вв. Пермь: О-во ист., филос. и социал. наук при Перм. гос. ун-те, 1947. 280 с.
248. Салмина М. А. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго» // ТОДРЛ. 1970. № 25. С. 81-104.
249. Самсонов А. М. Антифеодальные народные восстания в России и церковь. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 184 с.
250. Сарафанова Н. С. Идея равенства людей в сочинениях протопопа Аввакума // ТОДРЛ. 1958. № 14. С. 385-390.
251. Сахаров А. М. Образование единого Российского государства и идейное воздействие церкви на этот процесс // Вопросы научного атеизма. 1976. № 20. С. 170-189.
252. Сахаров А. М. Церковь и образование Русского централизованного государства // Вопросы истории. 1966. № 1. С. 49-65.
253. Семенкин Н. С. Апология христианства в русской религиозной философии (К критике идей Вл. Соловьева и его последователей) // Вопросы научного атеизма. 1969. № 7. С. 38-62.
254. Сергеенко А., прот. Очерки из истории старокатолического движения // Богословские труды. 1960. № 1. С. 111-141.
255. Синютина К. С. Критика христианской социологии С. Н. Булгакова // Вопросы научного атеизма. 1972. № 13. С. 94-118.
256. Смирнов И. И. Восстание Болотникова 1606-1607 гг. М.: Госполитиздат, 1951. 588 с.
257. Соловьев А. В. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго» // ТОДРЛ. 1961. № 17. С. 85-106.
258. Суглобов Г. А. Союз креста и меча. (Церковь и война). М.: Воениздат, 1969. 145 с.
259. Сытенко Л. Т. О нравственном облике современного верующего // Вопросы научного атеизма. 1967. № 3. С. 113-130.

260. Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М.: Наука, 1969. 374 с.
261. Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М.: Наука, 1961. 445 с.
262. Тихомиров М. Н. Монастырь-вотчинник в XVII в. // Исторические записки. 1938. Т. 3. С. 130-160.
263. Тихомиров М. Н. Русская культура X-XVIII вв. М.: Наука, 1968. 447 с.
264. Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV—XV вв. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. 318 с.
265. Тихомирова М. Н. Москва и культурное развитие русского народа XIV-XVII вв. // Вопросы истории. 1947. №9.
266. Трифонов И. Я. Разгул в русской православной церкви (1922-1925 гг.) // Вопросы истории. 1972. № 5. С. 64-87.
267. Устюгов Н. В. Волнения крестьян Симонова монастыря в с. Ильинском Ярославского уезда в 1682—1683 гг. // Русское государство в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 284-292.
268. Федоренко Ф. И. Секты, их вера и дела. М.: Политическая литература, 1965. 360 с.
269. Харахоркин Л. Р. Из истории борьбы дарвинизма с религией // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1959. № 3. С. 222-248.
270. Харахоркин Л. Р. Об отношении современного православия к науке // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1962. № 6. С. 60-78.
271. Харахоркин Л. Р. Русское православие против науки в прошлом и настоящем // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1960. № 4. С. 30-51.
272. Харахоркин Л. Р. Современное православие и наука // Вопросы философии. 1969. № 11. С. 117-123.
273. Цамерян И. П. В. И. Ленин о религии. М.: Знание, 1959. 32 с.
274. Цамерян И. П. Коммунизм и религия. М.: Наука, 1967. 200 с.

275. Цамерян И. П., Долгих Ф. И., Колоницкий П. Ф., Шейнман М. М. Основы научного атеизма. М.: Госполитздат, 1961. 456 с.
276. Цимбаев Н. И. Славянофильство: из истории рус. обществ.-полит. мысли XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1986. 269 с.
277. Черепнин Л. В. Из истории еретических движений на Руси в XIV-XV вв. // Вопросы истории религии и атеизма. 1959. № 7. С. 257-283.
278. Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV вв. М.: Соцэкгиз, 1960. 899 с.
279. Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. XIV-XV вв. Ч. II. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 428 с.
280. Чертихин В. Е. Идеология современного православия М.: Наука, 1965. 136 с.
281. Чубинский В. В. Вопросы религии в работах М. А. Антоновича // Вопросы истории религии и атеизма. 1956. № 4. С. 137-158.
282. Шалаев Ю. М. Современное православие и наука. М.: Мысль, 1964. 87 с.
283. Шахнович М. И. Двадцатипятилетие Музея истории религии и атеизма Академии наук СССР // Вопросы истории религии и атеизма. Т. 5. М., 1958. С. 411-424.
284. Шахнович М. И. Критика легенды о русском народе-богоносце // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1962. № 6. С. 257-290.
285. Шахнович М. И. Ленин и проблемы атеизма. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 671 с.
286. Шахнович М. И. Ленин о православной церкви // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1960. №4. С. 52-102.
287. Шахнович М. И. Ленинское атеистическое наследие в кривом зеркале ревизионистов. М.: Знание, 1971. 40 с.
288. Шахнович М. И. Мистика перед судом науки. М.: Знание, 1970. 62 с.
289. Шахнович М. И. Русская церковь в борьбе с наукой. Л.: Лениздат, 1939. 192 с.

290. Шахнович М. И. Советская наука против религии. Л.: Лениздат, 1958. 87 с.
291. Шахнович М. И. Современная мистика в свете науки. М.; Л.: Наука, 1965. 207 с.
292. Шахнович М. И. Штурм космоса // Наука и религия. 1959. №2. С. 23-27.
293. Шейнман М. М. Обновленческое течение в русской православной церкви после Октября // Вопросы научного атеизма. 1966. № 2. С. 41-64.
294. Шелестов Д. К. Свободомыслие в учении Ф. Косого // Вопросы истории религии и атеизма. 1954. № 2. С. 194-217.
295. Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола русской православной церкви. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1970. 367 с.
296. Шмидт С. О. К истории монастырской колонизации XVII в. // Вопросы истории религии и атеизма. 1964. № 12. С. 297-316.
297. Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1946. 228 с.
298. Щапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965. 476 с.
299. Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церкви в Древней Руси XI-XIV вв. М.: Наука, 1972. 338 с.
300. Щапов Я. Н. Церковь и становление древнерусской государственности // Вопросы истории. 1969. № 11. С. 55-84.
301. Янкова З. Я. Современное православие и антиобщественная сущность его идеологии // Вопросы истории религии и атеизма. 1963. № 11. С. 67-94.
302. Янов А. Л. Славянофилы и Константин Леонтьев // Вопросы философии. 1969. № 8. С. 97-106.

Исследования:

1. Chumakova T. Political propaganda and scholarly research in periodicals of the League of Militant Atheists (1925–1935) // *Religiski-Filozofiski Raksti*. 2017. Т. 23. P. 25-36.
2. David-Fox M. Religion, Science, and Political Religion in the Soviet Context // *Modern Intellectual History*. 2011. Vol. 8. № 2. P. 471-484.
3. Elbakyan E. The outline of religious studies in Russia: did soviet religious studies really exist? // *Numen Book Series*. 2015. Т. 149. P. 276-314.
4. Grossman J. D. Leadership of Antireligious Propaganda in the Soviet Union // *Studies in Soviet Thought*. 1972. Vol. 12. № 3. P. 213-230.
5. Husband W. «Godless Communists»: Atheism and Society in Soviet Russia. Northern Illinois University Press, 2000. 241 p.
6. In memoriam. Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. 428 с.
7. Kääriäinen K. Discussion on Scientific Atheism as a Soviet Science. 1960–1985. Suomalainen Tiedeakatemia, 1989. 196 p.
8. Luehrmann S. Antagonistic Insights: Evolving Soviet Atheist Critiques of Religion and Why They Matter for Anthropology // *Social Analysis: The International Journal of Anthropology*. 2015. Vol. 59. P. 97-113.
9. Luehrmann S. Religion in Secular Archives: Soviet Atheism and Historical Knowledge. New York: Oxford University Press, 2015. 256 p.
10. Luukkanen A. The Party of Unbelief: The Religious Policy of the Bolshevik Party 1917–1929. Helsinki, 1994. 274 p.
11. Peris D. Storming the Heavens: The Soviet League of the Militant Godless. Cornell University Press, 1998. 237 p.
12. Pollock E. Stalin and the Soviet Science Wars. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006. 288 p.
13. Pospelovsky D. A History of Soviet Atheism in Theory and Practice, and the Believer. In 3 vol. Palgrave Macmillan, 1987–1988. 325 p.

14. Pospelovsky D. *A History of Marxist-Leninist Atheism and Soviet Antireligious Policies*. New York: St. Martin's, 1987. 189 p.
15. *Science, Religion and Communism in Cold War Europe* / Ed. by P. Betts, S. A. Smith. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016. 307 p.
16. Shakhnovich M. «Scientific atheism» as an ideological construct and educational project (1950s-1980s) // *Religiski-Filozofiski Raksti*. 2021. Vol. 31. P. 8-25.
17. Shakhnovich M. Religious studies and anti-religious propaganda in USSR in 1920-1930s // *European Researcher. Series A*. 2016. № 8 (109). P. 456-461.
18. Shakhnovich M. The activity of the commission on the history of religion of the Communist academy (Moscow, 1928–1930) and the study of religiosity in USSR // *Religiski-Filozofiski Raksti*. 2017. T. 23. P. 9-24.
19. Shakhnovich M. The Study of Religion in the Soviet Union // *Numen*. 40. 1993. P. 67-81.
20. Shakhnovich M. Comparative Religion and Anti-Religious Museums of Soviet Russia in the 1920s // *Religions*. 2020. Vol. 11. Issue 2, 55. P. 1-12.
21. Teryukova E. A. Central anti-religious museum in Moscow: historical landmarks (1929–1947) // *Study of Religion*. 2019. № 4. P. 121-127.
22. Thrower J. *Marxist-Leninist «Scientific Atheism» and the Study of Religion and Atheism in the USSR*. De Gruyter, 1983. 529 p.
23. van den Bercken W. *Ideology and Atheism in the Soviet Union*. De Gruyter, 1988. 199 p.
24. Yekelchik S. Stalinist Patriotism as Imperial Discourse: Reconciling the Ukrainian and Russian “Heroic Past”, 1939—1945 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2002. № 3.
25. Академия наук в контексте историко-научных исследований в XVIII-первой половине XX вв.: Исторические очерки / Е. А. Иванова, П. В. Ильин, Т.В. Чумакова и др. СПб.: Росток, 2016. 701 с.
26. Алексеев В. А. Церковь и власть: уроки истории // *Вопросы религии и религиоведения. Вып. 2: Антология отечественного религиоведения*. 2010. С. 155-159.

27. Алексеева Г. Д. Историческая наука в России: Идеология. Политика: (60-80-е годы XX века). М.: Ин-т рос. истории РАН, 2003. 246 с.
28. Алексеева Г. Д. Историческая наука России в поисках новых концепций // Россия в XX веке: Историки мира спорят / отв. ред. И. Д. Ковальченко. М.: Наука, 1994. С. 635-642.
29. Алексеева Г. Д. Некоторые вопросы развития исторической науки в 60-80 гг. // Историческая наука России в XX веке / Г. Д. Алексеева, А. А. Овсянников, Тамаш Краус и др. М.: Скрипторий, 1997. С. 269-301.
30. Алпатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм. М.: Наука, 1991. 240 с.
31. Антонов К. М., Воронцова Е. В., Колкунова К. А. Наука о религии, Научный атеизм, Религиоведение: актуальные проблемы научного изучения религии в России XX - начала XXI в.: коллективная монография. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. 261 с.
32. Аринин Е. И. Вопрос о происхождении и современном развитии российского религиоведения // Учёные записки Орловского государственного университета. Научный журнал. 2011. № 1. С.93-97.
33. Афанасьев Ю. Н. Феномен советской историографии // Советская историография / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1996. С. 7-41.
34. Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов»: 30-е годы. М.: Наследие, 1994. 284 с.
35. Беляев Л. А. Христианские древности: Введение в сравнительное изучение. СПб.: Алетейя, 2000. 574 с.
36. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 220 с.
37. Бочков П. В., свящ. Богословские периодические издания высшей школы Русской Православной Церкви: отечественный опыт и попытка анализа // Ипатьевский вестник. 2022. № 1. С. 91-115.
38. Бранденбергер Д. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931-1956 гг.). СПб.: Академический проект, 2009. 415 с.

39. Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики (1917-1966). Л.: Наука, 1968. 435 с.
40. Васильева О. Ю. «Я против противопоставления советской и российской науки о религии...» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. № 3. С. 295-301.
41. Васильева О. Ю. Власть и религия в России: век XX // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 2: Антология отечественного религиоведения. 2010. С. 50-62.
42. Васильева О. Ю. Русская православная церковь в политике советского государства в 1943-1948 гг. М.: ИРИ РАН, 1999. 212 с.
43. Ващук Р. И. Советская историография византийского исихазма // Клио. 2021. № 4. С. 23-31.
44. Веретенников П. И. Церковный историк профессор Иван Николаевич Шабатин // Богословский вестник. 2010. № 11-12. С. 537-547.
45. Вопросы религии и религиоведения. Вып. 4: Антология отечественного религиоведения: Петербургская религиоведческая школа. Книга 2: Государственный музей истории религии. Часть I. М.: ИД «МедиаПром», 2010. 490 с.
46. Генина Е. С. Государство и Русская Православная Церковь в середине 1940-х – начале 1950-х годов (по материалам Кемеровской области) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 10. С. 105-111.
47. Герасименко Г. А. О взаимовлиянии тоталитаризма и исторической науки в СССР // Россия в XX веке: Историки мира спорят / отв. ред. И. Д. Ковальченко. М.: Наука, 1994. С. 654-664.
48. Голубева О. Д. В.Д. Бонч-Бруевич - издатель. М.: Книга, 1972. 136 с.
49. Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е - 1960-е годы. Томск: Кемеровский государственный университет, 2008. 406 с.

50. Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е - 1960-е годы. Дис. на соискание учен. степени д. ист. наук. Кемерово, 2009. 437 с.
51. Горская Н. А. Борис Дмитриевич Греков. М.: ИРИ, 1999. 271 с.
52. Груздинская В. С., Метель О. В. Институт красной профессуры: проблемы институционального строительства (1921–1923 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 82-87.
53. Гусев Е. И. Статьи С. С. Аверинцева о византийской культуре первой половины 80-х годов XX века // Русская филология: ученые записки Смоленского государственного университета. 2018. № 18. С. 235-245.
54. Дашковский П. К. Некоторые аспекты междисциплинарных исследований в отечественном религиоведении // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2013. № 6. С. 9-18.
55. Демиденко Г. Г. Дел у революции немало: Очерк из жизни и деятельности В. Д. Бонч-Бруевича. М.: Политиздат, 1976. 207 с.
56. Дмитриев Л. А., Дробленкова Н. Ф., Лурье Я. С. Наталья Александровна Казакова (некролог) // ТОДРЛ. 1988. Т.41. С. 47-48.
57. Дмитриев М. В. Научное наследие А. И. Клибанова и перспективы сравнительно-исторического изучения истории христианства в России // Отечественная история. 1997. № 1. С. 77-93.
58. Дмитриев С. С. Подход должен быть конкретно-исторический // Русская литература. 1969. № 12. С. 76-77.
59. Дубровский А. М. Александр Александрович Зимин: трудный путь исканий // Отечественная история. 2005. № 4. С. 140-151.
60. Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии, (1930-1950-е гг.). Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та, 2005. 798 с.
61. Дубровский А. М. С. В. Бахрушин и его время. М.: Изд-во РУДН, 1992. 165 с.

62. Ермичев А. А. Эпизод из истории «номенклатурной» историографии русской философии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2023. № 2. С. 98-110.
63. Забияко А. П. Методология интерпретации наскальных изображений: религиоведческое наследие А. П. Окладникова // Религиоведение. 2014. № 3. С. 172-186.
64. Забияко А. П. С. А. Токарев: традиции связующая нить // Религиоведение. 2002. № 3. С. 151-152.
65. Зуев Ю. П. Институт научного атеизма (1964–1991) // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 1: Антология отечественного религиоведения. 2009. С. 9-34.
66. Зуев Ю. П., Шмидт В. В. От института научного атеизма к кафедре государственно-конфессиональных отношений: становление религиоведческой школы (1964–1991, 1992–2010) // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 2: Антология отечественного религиоведения. 2010. С. 15-28.
67. Иванов С. А. Византиноведение и власть в СССР (1928-1948) // Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы: Сб. ст. М.: Институт славяноведения, 1995. С. 244-254.
68. Иоаннисян О. М. П. А. Раппопорт: жизнь и творческое кредо ученого // Архитектура Средневековой Руси. Избранные статьи. К 100-летию со дня рождения. СПб: Лики России, 2013. С. 3-35.
69. История и сталинизм / сост. и авт. предисл. А. Н. Мерцалов. М.: Политиздат, 1991. 446 с.
70. Калашник В. В. Власть и Церковь в СССР (1940-1950 гг.): к историографии проблемы // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. 2016. № 1. С. 141-144.
71. Камнев В. М. Историки философии в переходные времена: 1980-1990-е годы в философии России // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. № 4. С. 99-106.

- 72.Каппес О. "Воинственная" наука: проработка прошлого диктатур в германской и российской историографиях второй половины XX века. М.: АИРО-XXI, 2015. 351 с.
- 73.Касавин И. Т. Метафизика прогресса и дисциплинарная структура наука // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60. № 2. С. 35-41.
- 74.Касавин И. Т. Наука и современный гуманизм // Вопросы философии. 2022. № 9. С. 47-58.
- 75.Касавин И. Т. Наука как политический субъект // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 3-14.
- 76.Касьян А. А., Демичева Т. Н., Куревина С. В. Идеология и наука: дискуссии советских ученых середины XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 286 с.
- 77.Клейн Л. С. Воевода советской археологии // История Российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2: Археологи советской эпохи. СПб.: Евразия, 2014. С. 192-201.
- 78.Клейн Л. С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. СПб.: Евразия, 2014. 640 с.
- 79.Клибанов А. И. В. Д. Бонч-Бруевич и проблемы религиозно-общественных движений // Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. В 3 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 7-28.
- 80.Клибанов А. И. Из воспоминаний о В. Д. Бонч-Бруевиче // Вопросы научного атеизма. 1983. №31. С. 269-295.
- 81.Климова Е. С. Восстановление церковно-приходской жизни на территории Кемеровской области в 1944-1947 гг. // Вестник КемГУ. 2015. № 1-2. С. 53-56.
- 82.Кобрин В. Б. Кому ты опасен, историк? М.: Московский рабочий, 1992. 223 с.
- 83.Коган Ю. А. Предисловие // Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. В 3 т. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 5-19.
- 84.Колесников А. С. Историк философии в поисках смысла // Человек и общество в контексте современности. Философские чтения памяти

- профессора П. К. Гречко: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием: в 2 томах. Т. 1. М.: РУДН, 2017. С. 167-172.
85. Корзун В. П., Кныш Н. А., Колеватов Д. М. Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х - середина 1950-х гг. М.: РОССПЭН, 2011. 470 с.
86. Кошкаров А. Г. Государственное влияние на православную традицию в советском обществе 1940-х – 1980-х гг. (на примере юга Западной Сибири) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 11. Ч. 2. С. 81-84.
87. Крапивин М. Ю., Лейкин А. Я., Далгатов А. Г. Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917 – конец 1930-х годов). СПб.: Изд. СПбГУ, 2003. 304 с.
88. Крих С. Б. Быть марксистом: крест советского историка // Історіографічні дослідження в Україні. 2012. № 22. С. 153-176.
89. Крих С. Б. Образ древности в советской историографии. М.: КРАСАНД, 2013. 319 с.
90. Крих С. Б. Система советской историографии: основные акторы и силы влияния // Вопросы истории. 2016. № 7. С. 162-167.
91. Крих С. Б. Феномен периферийности в советской историографии // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 164-169.
92. Крих С. Б. Язык советской историографии: основные характеристики // Ученые записки Казанского университета. 2014. Т. 156. № 3. С. 214-222.
93. Крих С. Б., Метель О. В. Советская историография древности в контексте мировой историографической мысли: анализ текстов, созданных в советский период. Разбор «периферии научного дискурса» (предисловий, рецензий, приложений). Оценка основных достижений и проблем советских концептуальных построений в области древней истории. М.: ЛЕНАНД, 2014. 249 с.

94. Кузнецов Н. С. Отделение Церкви от государства: как это происходило в советской России // Богословский вестник. 2019. № 2. С. 226-238.
95. Курбатов Г. Л. История Византии (историография). Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. 256 с.
96. Ладынин И. А. Особенности ландшафта (насколько марксистской была "советская древность"?) // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2016. № 2. С. 9-32.
97. Лебедева Г. Е., Пиотровская Е. К., Слядзь А. Н. З. В. Удальцова как организатор советского византиноведения (к 100-летию члена-корреспондента Академии наук СССР З. В. Удальцовой) // Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. 2018. № 4. С. 9-27.
98. Левченко М. В. Византиноведение в СССР // Учёные записки ЛГУ. 1949. № 112. С. 216-236.
99. Литвин А. Л. Без права на мысль: Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб. Казань: Татар. кн. изд-во, 1994. 189 с.
100. Лучшев Е. М. Русский бог: у истоков советского атеизма. СПб.: Акционер и К, 2003. 118 с.
101. Матханова Н. П. В. Д. Бонч-Бруевич и «академическое дело»: помощь репрессированным историкам // Сибирская ссылка. Сборник научных статей. 2017. С. 519-535.
102. Медынцева А. А. Б. А. Рыбаков – историк-энциклопедист нашего времени // Культура славян и Русь. М.: Наука, 1998. С. 3-29.
103. Мельник А. Г. Культы русских святых в конце XIV- XVI веке: социальные аспекты и практики почитания. Дис. на соискание учен. степени д. ист. наук. М., 2023. 690 с.
104. Меньшикова Е. В. Из истории отечественного религиоведения: осмысление предмета и методов в 20—30-е гг. XX в. // Вестник РСПР. 2008. № 1. С. 70-76.

105. Меньшикова Е. В., Яблоков И. Н. О периодах в истории отечественного религиоведения // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2011. № 5. С. 98-116.
106. Метель О. В. Институт истории Коммунистической академии (1929–1936 гг.) // Ученые записки Казанского университета. 2016. Т. 158. № 6. С. 1522-1532.
107. Метель О. В. Институт научного атеизма и развитие религиоведческих исследований в СССР в 1960-80-х гг. // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2022. № 2. С. 40-50.
108. Метель О. В. Развитие исторических исследований в Академии общественных наук при ЦК КПСС в 1940-1960-е гг. // В сборнике: Омские научные чтения - 2020. материалы Четвертой Всероссийской научной конференции. Омск, 2020. С. 2218-2222.
109. Метель О. В. Развитие советской исторической науки во второй половине 80-х годов XX века: вызовы перестройки // Ученые записки Казанского университета. 2021. Т. 163. № 6. С. 31-47.
110. Морозова А. В. Отечественное искусствознание (1964-1985) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2014. № 1. С. 124-137.
111. Никитин С. С. Специфика взаимоотношений Финляндской и Русской Православных Церквей после восстановления молитвенно-евхаристического общения (1957-1960 гг.) // Богословский вестник. 2016. № 3-4. С. 207-234.
112. Овчинников В. А. К вопросу о периодизации истории Русской Православной Церкви в Сибири в советский период (1917-1991) // Вестник КемГУ. 2015. № 1-1. С. 72-80.
113. Печников М. В. Был ли Псков одним из еретических центров в конце XV в.? // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2019. № 2(14). С. 118-128.
114. Печников М. В. Церковь и стригольники в Пскове в конце XIV - первой трети XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 3(37). С. 88-89.

115. Пихоя Р. Г. Записки археографа. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. 496 с.
116. Проценко В. В. Храм как социокультурный феномен // Культура народов Причерноморья. 1999. № 6. С. 423-427.
117. Путь учёного. Николай Семёнович Гордиенко / сост. М. Ю. Смирнов. М.: Особая книга, 2013. 96 с.
118. Пызигов Д. Д. Архив В. Д. Бонч-Бруевича в Государственном музее истории религии как источник сведений по истории церковно-государственных отношений после революции 1917 г. // Религиоведение. 2019. № 2. С. 138-143.
119. Пызигов Д. Д. В. Д. Бонч-Бруевич: «профессиональный» революционер и один из основателей советского религиоведения // Концепт: философия, религия, культура. 2020. № 1. С. 95-104.
120. Пызигов Д. Д. История православия в статьях «Ежегодника Музея истории религии и атеизма Академии наук СССР» // Современные исследования социальных проблем. 2021. № 4. С. 196-213.
121. Репина Л. П. Историко-историографическое исследование в контексте современной интеллектуальной культуры // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII-XXI веков: сборник статей. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 21-36.
122. Рыклин М. К. Коммунизм как религия: интеллектуалы и Октябрьская революция. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 128 с.
123. Рыков А. В. Борис Вишпер и канон советского искусствознания // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2022. Т. 12. С. 624-633.
124. Рыков А. В. Михаил Алпатов и канон советского искусствознания // Новое искусствознание. История, теория и философия искусства. 2021. № 1. С. 142-147.
125. Сашанов В. В. «...Изучайте Византию, это золотое дно»: всесоюзные сессии по вопросам византиноведения в 1944-1950-й гг. // Всеобщая история и историческая наука в XX - начале XXI века: материалы II Международной

- научно-образовательной конференции: в 2 т. Т. 1. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2020. С. 226-230.
126. Сашанов В. В. Опыт защит диссертаций историками-византистами в 1940-1950-е гг.: к постановке вопроса // Диссертация по истории в контексте российской научной культуры XIX - середины XX вв.: опыт и перспективы изучения : сборник статей по итогам межрегионального научного семинара. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2016. С. 119-131.
127. Сашанов В. В. Становление советского византиноведения в 40-50-е годы XX века: институциональный аспект // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 3. С. 840-850.
128. Сентябова М. В. Повседневная жизнь приходов Русской Православной Церкви в Красноярском крае в 40-е – 70-е гг. XX века // Вестник КрасГАУ. 2012. № 6. С. 239-245.
129. Серпенинов А. «Журнал Московской Патриархии» как источник по изучению истории Троице-Сергиевой лавры (к 75-летию открытия Троице-Сергиевой лавры) // Богословский вестник. 2021. № 4. С. 180-191.
130. Сидорова Л. А. Оттепель в исторической науке. Середина 50-х – середина 60-х гг. // Историческая наука России в XX веке / Г. Д. Алексеева, А. А. Овсянников, Тамаш Краус и др. М.: Скрипторий, 1997. С. 244-268.
131. Сидорова Л. А. Оттепель в исторической науке: Советская историография первого послесталинского десятилетия. М.: Памятники исторической мысли, 1997. 288 с.
132. Сидорова Л. А. Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков. М.: Институт российской истории, 2008. 292 с.
133. Сизов С. Г. Религиозная жизнь Омска в годы «послевоенного сталинизма (1945 - март 1953) // Интеллигенция и многоликость культуры российской провинции. Материалы VIII Всерос. науч. конф. с междунар. участием в рамках подготовки к 300-летию Омска и празднования юбилейных событий российской истории. Омск, 2012. С. 301-305.

134. Слезкин Ю. Л. Дом правительства: сага о русской революции. М.: АСТ: Corpus, 2019. 969 с.
135. Смирнов М. Ю. Научный атеизм в советском высшем образовании: периодизация и содержание // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2018. Философские науки. № 3. С. 144-171.
136. Смирнов М. Ю. О российском религиоведении: спорные вопросы // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 2: Антология отечественного религиоведения. 2010. С. 126-127.
137. Смолина И. В. Жизнь Иркутской епархии в контексте государственно-церковных отношений во второй половине XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4-1. С. 211-215.
138. Смолкин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 552 с.
139. Сосковец Л. И. Религиозные конфессии Западной Сибири в 40-60-е годы XX века. Томск: Том. гос. ун-т, 2003. 346 с.
140. Список трудов Н. А. Казаковой / Сост. А. Л. Хорошкевич, В. Ф. Андреев // Новгородский исторический сборник. 1989. № 3(13). С. 239-244.
141. Терюкова Е. А. В. Д. Бонч-Бруевич – исследователь религиозных миноритарных групп в России: по материалам Научно-исторического архива ГМИР // История религиоведения и интеллектуальная история России XIX – первой половины XX века. Архивные материалы и исследования. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. С. 168-184.
142. Терюкова Е. А. Культовый предмет в музее (из истории музейного дела в России 20-30-х годов XX века) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2014. № 3. С. 110-115.
143. Терюкова Е. А. Музей истории религии в годы Великой Отечественной войны // Труды Государственного музея истории религии. 2019. № 19. С. 64-78.

144. Типсина А. Н., Шахнович М. М. Памяти Михаила Иосифовича Шахнович (жизненный и творческий путь) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.6. 1992. № 20. Вып. 3.
145. Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х - 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с.
146. Тихонов В. В. Московские историки первой половины XX века: научное творчество Ю. В. Готье, С. Б. Веселовского, А. И. Яковлева и С. В. Бахрушина. М.: Издательский центр Института российской истории РАН, 2012. 387 с.
147. Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб.: Акад. проект, 1997. 285 с.
148. Удальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. М.: Наука, 1969. 362 с.
149. Узланер Д. А. Советская модель секуляризации // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 62-69.
150. Федотов А. А. Русская православная церковь в 1943-2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (по материалам Центральной России). Иваново: Институт управления, 2009. 400 с.
151. Фирсов С. Л. Православная Российская Церковь и Гражданская война в отражении советской антирелигиозной печати (1920–1941 гг.) // Церковь и время. 2018. № 1. С. 229-272.
152. Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историкографические очерки. М.: Знак, 2004. 320 с.
153. Халявин Н. В. Отечественная историография новейшего времени о роли церкви в политической истории Новгорода Великого // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2010. № 3. С. 11-22.

154. Хрущева Э. Н. Концепция византийского государства в российской византистике последней четверти XIX-XX вв. Автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003. 28 с.
155. Черноскутова Л. Б. Основные идеи и направления современной историографии русской философии. Дис. на соискание учен. степени канд. филос. наук. СПб, 2010. 152 с.
156. Чумакова Т. В. «Карта религий» для неудавшейся всесоюзной переписи 1937 г.: забытая страница советского религиоведения // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 3-4. С. 106-133.
157. Чумакова Т. В. Документы по истории обновленческого движения в архиве В. Н. Бенешевича // Труды Государственного музея истории религии. 2018. № 18. С. 187-194.
158. Чумакова Т. В. Изучение истории православия в России в XIX – начале XX века // История религиоведения и интеллектуальная история России XIX - первой половины XX века. Архивные материалы и исследования. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018. С. 58-70.
159. Чумакова Т. В. Инфосфера духовных учебных заведений Российской империи XIX - начала XX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. № 2. С. 264-274.
160. Чумакова Т. В. Музей истории религии АН СССР в начале 30-х гг. XX в. // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 4: Антология отечественного религиоведения: Петербургская религиоведческая школа. Книга 2: Государственный музей истории религии. Часть I. 2010. С. 41-54.
161. Чумакова Т. В. Советская историография древнерусской философской мысли // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2004. №. 2. С. 13-17.
162. Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие: 1941-1961 гг. М.: АИРО-XX, 1999. 246 с.

163. Шахнович М. И. В. Д. Бонч-Бруевич – исследователь религиозно-общественных движений в России // Ежегодник Музея истории религии и атеизма. 1963. № 7. С. 293-300.
164. Шахнович М. М. «Веселые картинки»: из истории Музея антропологии и этнографии и Музея истории религии Академии наук СССР (1932–1933 гг.) // Антропологический форум. 2020. № 47. С. 139-153.
165. Шахнович М. М. Антропологическое религиоведение в российской академической науке в первой четверти XX века // Петербургская академия наук в истории академий мира. Т. 4. СПб., 1999.
166. Шахнович М. М. В. Д. Бонч-Бруевич, «Библиотека научно-атеистической литературы» и борьбы за воссоздание сектора истории религии Института истории АН СССР (1953–1954 гг.) // Религиоведение. 2022. № 2. С. 140-150.
167. Шахнович М. М. Возвращение из небытия: публикации о Н. М. Маторине (1898–1936) и его научной и организационной деятельности // Религиоведение. 2020. № 3. С. 112-119.
168. Шахнович М. М. Дискуссии в Коммунистической академии и наука о религии в СССР (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) // Религиоведение. 2015. № 4. С. 151-159.
169. Шахнович М. М. Изучение истории религии в 1920-е годы и первые антирелигиозные экспозиции в Ленинграде // Религиоведение. 2018. № 4. С. 152-157.
170. Шахнович М. М. Концепт «научный атеизм»: история его конструирования и введения в философию и политическую практику (1954–1964) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. № 3. С. 436-448.
171. Шахнович М. М. Культ святых в антирелигиозной пропаганде и исторической науке в СССР в 1920-х — начале 1930-х гг. // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2023. № 1. С. 151-177.

172. Шахнович М. М. Культурная революция в СССР и наука о религии // Религиоведение. 2015. № 3. С. 127-135.
173. Шахнович М. М. М. И. Шахнович как исследователь русской культуры // Вече: альманах русской философии и культуры. 2009. № 20. С. 218-223.
174. Шахнович М. М. Музей истории религии АН СССР в Казанском соборе: борьба за спасение здания и сохранение Музея (1946–1951) // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 4: Антология отечественного религиоведения: Петербургская религиоведческая школа. Книга 2: Государственный музей истории религии. Часть I. 2010. С. 55-76.
175. Шахнович М. М. Музей истории религии АН СССР и отечественное религиоведение (1932-1961) // Религиоведение. 2008. №4. С. 150-157.
176. Шахнович М. М. Научные атеизм эпохи «развитого социализма» в изобразительном искусстве: о серии декоративных панно «Советский образ жизни» (1983–1986) из коллекции Государственного музея истории религии // Религиоведение. 2019. № 3. С. 100-109.
177. Шахнович М. М. Отечественное религиоведение 1920-1980-х гг. От какого наследства мы отказываемся? // Очерки по истории религиоведения. СПб., 2006. С. 181-197.
178. Шахнович М. М. Переписка В. Д. Бонч-Бруевича и Л. И. Емелях как источник по истории Рукописного отдела (Научного архива) Музея истории религии АН СССР // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXII Международной научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2019. С. 444-446.
179. Шахнович М. М. Петербургская религиоведческая школа: истоки и традиции // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 4: Антология отечественного религиоведения. 2010. С. 7-14.
180. Шахнович М. М. Презентация культа христианских святых в антирелигиозных музейных экспозициях эпохи «Великого перелома» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. № 4. С. 706-717.

181. Шахнович М. М. Секция по изучению религий народов СССР при Музее истории религии Академии наук СССР (1934 г.) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2013. № 1. С. 202-219.
182. Шахнович М. М. Холодная война и идеологическая борьба на «религиозном фронте»: о некоторых моделях советской пропаганды // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 164-184.
183. Шахнович М. М. Этнос истории науки: о реконструкции российского религиоведения советского периода // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. №1. С. 185-197.
184. Шахнович М. М., Терюкова Е. А. Научный атеизм: от науки к утопии. СПб.: Нестор-История, 2022. 242 с.
185. Шахнович М. М., Чумакова Т. В. Идеология и наука: Изучение религии в эпоху культурной революции в СССР. СПб.: Наука, 2016. 367 с.
186. Шахнович М. М., Чумакова Т. В. Музей истории религии АН СССР и российское религиоведение (1932-1961). СПб.: Наука, 2014. 457 с.
187. Шахнович М. М., Чумакова Т. В. Н. М. Маторин и его программа изучения народной религиозности // Религиоведение. 2012. № 4. С. 191-202.
188. Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263-2000). М.: Новое литературное обозрение, 2007. 589 с.
189. Шенк Ф. Б. Политический миф и коллективная идентичность. Миф Александра Невского в Российской истории (1263—1998) // Ab Imperio. 2001. № 1-2. С. 141-164.
190. Шиповалова Л. В. История и историки в политике // После постпозитивизма. Материалы Третьего Международного Конгресса Русского общества истории и философии науки. М.: Русское общество истории и философии науки, 2022. С. 435-437.
191. Шиповалова Л. В. О возможности свободы науки от политики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 57. С. 128-140.

192. Шиповалова Л. В. Распределенное познание и его границы в контексте публичной научной коммуникации // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10. № 3. С. 56-71.
193. Шиповалова Л. В. Стоит ли науку мыслить исторически? // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 18-28.
194. Широкова М. А. Место и роль славянофильства в русской философии и общественной мысли: историография проблемы // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2-2(78). С. 220-225.
195. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече: Лепта, 2010. 478 с.
196. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье и др., 1999. 400 с.
197. Элбакян Е. С. Феномен советского религиоведения // Религиоведение. 2011. № 3. С. 141-161.
198. Юсупова Т. И., Чумакова Т. В. «Как нам быть с этим музеем?» Музей истории религии в советском академическом пространстве 1930-х гг. // Диалог со временем. 2020. № 73. С. 360-375.
199. Яблоков И. Н. К дискуссии о современном состоянии и истории отечественного религиоведения // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2011. № 1. С. 165-173.
200. Яблоков И. Н. Кафедра философии религии и религиоведения МГУ: вехи истории // Вопросы религии и религиоведения. Вып. 2: Антология отечественного религиоведения. 2010. С. 133-138.
201. Яблоков И. Н. Религиоведение и история религиоведения. Дискуссии в отечественной литературе // Религиоведение. 2011. № 3. С. 127-140.
202. Ярошевский М. Г. Сталинизм и судьбы советской науки // Репрессированная наука / сост. А. И. Мелуа, В. М. Орел. Под общ. ред. М. Г. Ярошевского. Л.: Наука, 1991. С. 9-33.

Исследования и источники, опубликованные в сети Интернет:

1. Васильева О.Ю. Государственно-церковные отношения советского периода: периодизация и содержание. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/5206.html> (Дата обращения: 21.09.2023).
2. Злобина Д. А., Пызиков Д. Д. Проект В. Д. Бонч-Бруевича: Община «Начало века» и совхоз «Лесные поляны» // Вестник СВГУ. История. Электронный международный научный журнал. Том 1. Выпуск 2. 2020. [Электронный ресурс] URL: http://vistory-svgu.ru/?page_id=264 (дата обращения: 22.08.2023).
3. Полищук Е. С. «Журнал Московской Патриархии» // Православная энциклопедия. [Электронная ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/182369.html> (Дата обращения 21.09.2023).
4. Пызиков Д. Д., Блинкова А. О., Хижая Т. И. Библиотеки православных духовных учебных заведений Российской империи // Былые годы. 2022. № 17 (4). С. 1666-1674. [Электронный ресурс] URL: https://bg.cherkasgu.press/journals_n/1669898969.pdf (дата обращения: 23.08.2023).
5. Редькина О. Ю. Народный Комиссариат земледелия и VIII Отдел народного Комиссариата юстиции РСФСР: проблема сотрудничества государства с религиозными колхозами в годы «военного коммунизма». [Электронный ресурс]. URL: <https://rusoir.ru/03print/03print-04/03print-04-13/> (дата обращения 22.08.2023).
6. Чумакова Т. В., Пызиков Д. Д. Библия в СССР // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 1. [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840007423-4-1/> (дата обращения: 16.08.2023).

Словари, энциклопедии и справочные издания:

1. Аверинцев С. С., Курочкин П. К. Православие // Философская энциклопедия. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 333-336.

2. Грекулов Е. Ф. Библиографический указатель литературы по исследованию православия, старообрядчества и сектантства в советской исторической науке за 1922-1972 годы. М.: Знание, 1974. 258 с.
3. Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма. В 5 т. Т. 5: Социал-демократы. 1880-1904: № 2. С. 746-749.
4. Каждан А. П. Православная церковь // Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 502-504.
5. Корецкий В. И., Буганов В. И. Православная церковь // Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 504-510.